

**ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА**

Караганда — 1987

**Министерство высшего и среднего
специального образования Казахской ССР
Карагандинский государственный университет**

**ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА**

**Сборник научных трудов
(междуведомственный)**

Караганда — 1987

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Сборник научных трудов (межведомственный). — Караганда, Изд. КарГУ, 1987, с. 129.

Сборник содержит статьи, посвященные дискуссионным вопросам хронологии и периодизации памятников палеолита, энеолита, бронзы, средневековья, выделению новых культур, этапов, периодов на материалах исследований последних лет и современных достижений археологической науки. Рассчитан на археологов, историков, этнографов, краеведов.

Илл. 37, табл. 6, список лит. — 248 назв.

Редакционная коллегия:
В.В. Евдокимов (отв. редактор),
М.Е. Омаров, С.У. Жауымбаев,
В.В. Варфоломеев, И.В. Рудковский

Карагандинский
государственный
университет, 1987

В.С.Волошин

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАЛЕОЛИТА
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Несмотря на 25-летнюю давность изучения палеолита в регионе фактическая основа для разрешения указанных задач остается слабо разработанной: стратифицированные памятники единичны, богатейшие собрания по палеолиту до сих пор не изучены. Хотя в последнее время в самой приоритетной в этом смысле области - геолого-стратиграфическом обосновании палеолита - получены обнадеживающие результаты [1], но до существенного изменения ситуации еще, по-видимому, далеко. Выход из положения возможен только на путях дальнейших поисков и изучения стратифицированных памятников, разработки и привлечения всех остальных данных. Необходимо также ясное осознание возможностей различных методов хронологии и периодизации в регионе.

В 60-х годах отсутствие стратифицированных памятников заставило исследователей для датирования археологических материалов привлекать данные геоморфологии, возникли надежды, исходя из позиций памятников по отношению к рельефу, "конструировать отрогую закономерность распределения их во времени" [2, с.46]. На такой основе появились указания на принадлежность одних памятников к верхнему [3], других - к среднему плейстоцену [4], досамировскому времени [5], концу нижнего - началу среднего плейстоцена [6]. Ограниченные возможности геоморфологического метода датирования общеизвестны. Большинство местонахождений в регионе отмечено на доплейстоценовых денудационных уровнях мелкоопочни-ки, приурочено к выходам сырьевых пород, содержат материалы различных эпох - от ашель до позднего палеолита. Для датирования этих материалов наблюдения геоморфологии ничего не дадут. Не луч-

ше обстоит дело с памятниками на террасах, склонах и днищах плейстоценовых долин. В этом случае трудности проистекают от незначительной глубины и слабой разработанности склонов долин, в связи с чем материалы разных эпох палеолита концентрируются на одном каком-нибудь уровне. Например, в Северном Прибалхашье полный спектр палеолитических индустрий представлен на площадках 2-х надпойменных террас рек. Подобные случаи в регионе весьма характерны. При датировании этих материалов, помимо данных геоморфологии, необходимо использовать признаки выветренности и типологии артефактов.

Позиции памятников в Центральном Казахстане в значительной степени обусловлены устойчивостью экологической обстановки в плейстоцене и связанными с ней особенностями охотничьей и производственной деятельности палеолитического населения. Игнорирование данного обстоятельства способно привести к поспешным, необоснованным выводам. Так, в оценке возраста материала, залегающего на высоких террасах оз.Кудайколь (Левобережное Прииртышье), вряд ли рационально прибегать к гипотетическим связям стоянок-мастерских "леваллуа-ашеля" с древними уровнями озера [7, с.62-64]- позиции памятников объяснимы указанием на залежи здесь масс палеогенового кварцита. Артефакты "леваллуа-ашеля" сохранили "цвет, близкий к цвету свежего излома" [5, с.129] и в этом отношении мало отличаются от образцов позднего палеолита. После внимательного осмотра на площадке 4-й террасы нам удалось найти несколько предметов с несомненными признаками обработки человеком и сильно коррадированные, резко отличающиеся от образцов "леваллуа-ашеля". Если последние относятся к досамаровскому времени (времени формирования 4-й озерной террасы), то как же в таком случае датировать коррадированные артефакты? Очевидно, авторам работ следует внимательно изучить коллекции на предмет выветривания или увеличить масштабы сборов и сравнить типологию "свежего" и коррадированного инвентаря с целью получения дополнительных оснований для датировки Кудайколя.

Значение признаков выветривания для хронологии палеолита - вопрос старый и дискуссионный. Однако вряд ли в отечественной литературе найдутся свидетельства достаточного внимания к специальной разработке этой темы: в лучшем случае признавалась необходимость учитывать этот род признаков и только в последнее время появился интерес изучать проблему конкретно. Исследование па-

леооклиматических условий формирования четвертичных отложений Прибайкалья позволило ученым связать эоловую корразию артефактов с определенными холодными и сухими циклами плейстоцена и установить для корразии верхний хронологический предел – средненижнерианское время [8, с.29]. На многослойном памятнике Королево обнаружено последовательное возрастание степени выветренности андезитов в сляках сверху вниз, на этой основе здесь разработана шкала выветренности, которой удобно пользоваться для датирования стратиграфически неясных артефактов. В обоих случаях выветренность указывает на геологический возраст материала. Другие опыты свидетельствуют о продуктивности использования признаков выветривания для определения относительного возраста находок. Так, среди разновозрастного инвентаря местонахождений Туркмении сейчас по признакам эоловой корразии выделена древнейшая (мустьерская) группа. Еще раньше аналогичная работа в значительно больших масштабах была проделана в Казахстане [2, 9, 10]. В Центральном Казахстане явление выветренности артефактов палеолита получило замечательное осознание как выражение эволюционного времени, фиксирующего бытие археологических формаций [2, с.13]. Эта фундаментальная для данного региона мысль, включающая в признание глобальной корреляции между выветриванием и археологическим возрастом (типологией) палеолитических артефактов, опирается на огромную фактическую основу. Игнорирование ее зачеркнуло бы всякие надежды когда-либо разобраться в богатейших собраниях этого региона.

При оценке метода изучения выветренности артефактов надо иметь в виду, что он опирается на тот же самый методологический принцип естествознания, что и стратиграфия – "суперпозицию следов" [11, с.23], по которой в ненарушенной нормальной последовательности подстилающий слой старше перекрывающего. В другом варианте значение стратиграфической единицы приобретает фаз реутилизации. В обоих случаях одинаково допускается нарушение последовательности (явления выветренности детерминируются целым рядом факторов) – принцип при этом не страдает.

Метод изучения выветренности артефактов согласуется с предположением литологии о стадиях выветривания кристаллических пород, на каждой из которых по-разному происходят процессы окисления, гидротации и выщелачивания материнских пород и в результате в коре возникают различные минералы (в случае химического выветривания) [12,236]. Понятно, что визуальная оценка степени вывет-

ренности в археологии - всего лишь какое-то приближение к истине, возможно вполне достаточное; эта оценка содержит немалый субъективный элемент, несвободна от погрешностей, особенно в случае нарушения последовательности. Нужно, однако, иметь в виду, что во-первых, есть принципиальная возможность совершенствования метода, перехода от визуальных оценок к метрической микроморфологии поверхностей, химико-минералогическому анализу корки выветривания, во-вторых, при визуальных оценках величина погрешности всегда зависит от опыта исследователя, качества анализа т.е. от того, насколько учтены и элиминированы воздействия на выветривание посторонних факторов.

Такую работу целесообразно проводить с материалами, полученными в условиях, исключающих их значительную перемещенность. Опыты работы на местонахождениях Бишневка 4, Туемайнак, Ак-Кошкар I и 6, Музбель показывают, что в подобных условиях признаки выветривания (эродированность, ожелезненность, патина) хорошо работают на крепнистых алевролитах, порфиритах, хуже - на кварцитах, кремне. В наших материалах темный цвет породы лучше, чем светлый, фиксирует фасы реутилизации, передает степень ожелезненности и омарганцованности предметов, но другие особенности иногда способны компенсировать "недостатки" светлых тонов породы. Например, Ак-Кошкаре I светлый кварцитовый песчаник "не помешал" разделению мустьерской и раннеашельской серий - настолько значительно здесь была разница в эродированности тех и других предметов. Нельзя ожидать, что в анализируемой выборке каждый артефакт сразу найдет место в той или иной хронологической серии - такое возможно только "по натяжке" исследователя. На Бишневке 3 и 6, Мизаре, Музбеле разновозрастной материал образует непрерывный ряд вариации выветривания. В таких случаях при расчленении материала на серии правильнее изучать "сомнительные" вещи отдельно последующие перекрестные типологические сравнения "подскажут" место этих вспомогательных групп среди хронологических серий. Хорошо, если выборка представляет собой компактное, полученное на ограниченной площади собрание, еще лучше, когда при сборах изучаются микроусловия залегания стационарных, то есть наполовину закрепленных в грунте предметов: в картотеку вносятся данные о нижней-верхней сторонах предметов, углах фасов по отношению к солнцу и т.п. Результатом использования метода изучения выветренности артефактов является выделение гипотетической хронологиче

кой серии - выделение типов индустрий (культур) составляет отдельный, более сложный и мало разработанный аспект палеолитоведения.

Установление археологического возраста комплексов [13] предполагает, во-первых, уверенность в гомогенности комплекса и, во-вторых, конкретность типологического содержания таких понятий, как ранний и поздний ашель, мустье и т.п. Первое в регионе - редкость, второе имеет известные границы, является вообще вопросом совершенствования типологии палеолита. Понимая широко, то есть не в систематическом смысле, а как вообще способ организации морфотехнокомплексов, наука о структурности объектов изучения, типологии способна служить построению периодизации до известной степени независимо от особенностей палеолита того или иного региона. Если представить искомую археологом реальность не как ряд хаотически следующих одна возле и за другой культур, а в более общем плане в качестве закономерно развивающегося и проходящего через некоторые этапы целого (каменной индустрии), для чего есть определенные основания, то, следовательно, достаточно использовать уже известные науке проявления этих закономерностей, чтобы получить удовлетворительную рабочую схему; содержание таких понятий, как "стиль", "эстетическое течение", "норма" эпохи типологически выразимо. Созданная таким образом археологическая периодизация будет в лучшем случае констатацией успешной эволюционного палеолитоведения, то есть рабочей схемой, которую надлежит в дальнейшем разрабатывать, привлекая другие данные, прежде всего геолого-стратиграфические. Последние дадут наиболее ценную информацию о возрасте индустрии палеолита. В регионе они пока немногочисленны [1, 14]. В последнее время интересными результатами получены при раскопках памятников Батпак 7 и Ангренор 2. В Батпаке 7 (раскоп I, 1985-1986 гг.) позднемустье-ранняя индустрия в переобтоженном состоянии происходит из делювиально-пролювиальных отложений предположительно каргинского времени. Получена богатая фауна крупных млекопитающих: доминирует лошадь, хорошо представлены зубр, шерстистый носорог, мамонт, кулан, есть дикий осел, сайга и благородный олень (определение Н.М. Ермоловой). Среди орудий имеются деваллуазские отщепы, скребла, обушковые ножи, зубчато-выемчатые и кливовидные орудия, ропцы, окребковые орудия, из старых сборов М.Н. Клапчука известно I листовидное бифасное острие (наконечник копья). Тип индустрии трудно определить из-за малочисленности инвентаря. На много-

олодном памятнике Ангресор 2 (район 1985 г.) получен поперечный профиль лога, функционировавшего в верхнем плейстоцене [15, с.496-497]. Он представлен тремя последовательно прислоненными пачками дельтаально-пролювиальных отложений, в одну из которых вложены две пачки голоценовых отложений. Исходя из положения остатков двух жилых поверхностей с обилием кремней, остатками очагов и осколками костей внутри одной из пачек верхнего плейстоцена, рационально аргументировать за поздний, сартанский возраст позднего палеолита Ангресора 2. Для индустрии характерны торцевые и клиновидные нуклеусы для пластинок, пластинки и резцы из них, скребло с оформленным обушком. К сартану или позднеледниковью, вероятно, относятся остатки мастерской в Вишневке I (нижний горизонт), залегающие в самых верхах покровных отложений 2-й надпойменной террасы Ишима (раскопки 1982-1983 гг.), а также немногочисленный переотложенный кремневый инвентарь из раннеголоценовых отложений в раскопе 2 Батпака 7 (1985 г.).

Проблемы в оценке имеющихся стратиграфических данных по палеолиту связаны со слабой изученностью плейстоцена, неразработанностью региональной стратиграфической шкалы, звенья которой сейчас очень трудно синхронизировать с геологическими событиями на севере, в частности с климато-стратиграфическими подразделениями детально разработанной схемы по Западной Сибири [16, с.106-111]. Одним из многообещающих в плане корреляций направлений работы должно стать изучение ископаемых почв плейстоцена. Такое изучение особенно плодотворно для северных районов Казахстана (к северу от Караганды), где четвертичные отложения представлены относительно хорошо. Лессовидные породы, слагающие покровы в долинах в этих районах, являются озерно-аллювиальными образованиями мелких пресных водоемов. Показано [17], что материал для этих пород формировался в результате морозного выветривания в перигляциальных условиях, в отложениях много холодолюбивой микрофауны и флоры. Следы существования многолетних мерзлых грунтов отмечены в отложениях различного возраста - от нижнего плейстоцена до сартана. Во время межледниковий - межстадиалов в Северном Казахстане на таком лессовидном субстрате формировались почвы. В одном только Батпаке нами отмечено 5 или 6 ископаемых почв. В основном это бурые, коричневатые суглинистые карбонатные почвы. Встречены также 2 темно-серые почвы. В Ангресоре 2 отмечены 2

коричневато-бурые суглинистые почвы. В плане сопоставления казахстанских и южно-сибирских почв интересны следующие наблюдения. В Южной Сибири почвообразование заканчивалось в переувлажненных условиях и прекращалось при максимальном холоде и влаге (солифлюкция) [18, с.79]. В Батпаке 7 обе буроватые почвы разрушены склоновыми процессами, потоки алевритистого материала в виде причудливых форм хорошо фиксируются на стенках раскопа (солифлюкция?). Налицо определенное сходжение. Почвы северных районов Казахстана могут стать региональными стратиграфическими реперами и служить для корреляции отложений с Южной Сибирью. В Центральном Казахстане такими реперами могут с успехом служить колебания увлажненности-засушливости климата, выраженные в признаках обводненности и пересыхания речных долин, то есть в литологии осадков, слагающих террасы рек, русловые пачки саев. Резкие колебания обводненности речных долин в плейстоцене, вызванные климатическими факторами, отмечены для Северного Казахстана и Тургайской ложбины [19, с.60]. Они не раз наблюдались нами в разрезах террас рек, отложениях небольших русел на мелкопочинике, в частности в Батпаке 7 и Ангренскоре 2.

В Центральном Казахстане отсутствуют геологические свидетельства средне-нижнеплейстоценового палеолита. Из этого факта, однако, рано делать далеко идущие выводы. Нет никаких оснований считать возможным поместить всю известную сейчас переменчивость палеолита этого региона в рамки верхнего плейстоцена. Если бы последнее случилось, последователь оказался бы перед сложной задачей объяснить факты, совершенно не укладывающиеся ни в какие представления об эволюции в палеолите. В поддержку древности палеолита в регионе можно привести два, хотя и косвенных, но все-таки достаточно существенных аргумента. В первую очередь, следует учесть типологические особенности большого ряда собраний (Музбель, Ак-Кожкар I и 6, Рчиновка 3-4, Хаман-Айбат 4, Семизбугу и др.), отмеченных, как нам представляется, отнюдь не ложной архаикой, а достаточно типичным выражением шелья, причем не только развитого, но также и раннего, ярким проявлением древней культуры галек. Во-вторых, немаловажно и то обстоятельство, что подобные галечные и шельские материалы во всех известных нам случаях, даже на кварцитах - породе наименее поддающейся выветриванию, демонстрируют наиболее значительную (в целом одинаковую) степень золотой коррадированности. Для мустьерского и позднепалеолитического инвентаря степень коррадированности соответственно

понижается: в регионе шаг от одной к другой эпохе археологической периодизации логически связан с изменением типа выветренности артефактов. Нигде в Центральном Казахстане сильно коррадированные материалы не залегают в непеременном состоянии на молодых, верхнеплейстоценовых уровнях. Их наиболее низкое положение зафиксировано в Северном Прибалхашье - на поверхности среднеплейстоценовых 2-х надпойменных террас р.Туранга и Кызыл-Кайнар, в Левобережном Прииртышье - на поверхности 4-й озерной террасы Кудайколя, относимой к досамаровскому времени. Поэтому положение о нижне-среднеплейстоценовом возрасте раннего палеолита в регионе, несмотря на отсутствие стратиграфических данных, кажется нам вполне правдоподобным.

Среди известных нам коллекций наиболее архаичный материал представлен на местонахождениях Музбель и Ак-Кошкар I. В Музбеле, где артефакты залегают на галечнике позднего плиоцена, выделена древнейшая серия. Для нее характерны изделия из кварцитовых галек с чрезвычайно сильной заполированностью граней и ребер, густой красновато-коричневой патиной. Здесь имеется выразительная серия чопперов, в том числе бифасных, I массивная пика с пяткой, остроконечные и скребловидные изделия из целых галек, гальки с выступом и клювом, больше всего галек с клетонскими выемками. Стщепов и орудий из них немного (клювовидные, зубчатые, выемчатые, скребла). Отщепы сняты в архаичной галечной технике, "цитроны" не типичны. Отщепам вполне соответствуют нуклеусы: типа чоппера, гальки с 1-2 фасадами, грубые одноплощадочные с галечной площадкой. В следующей, более поздней серии, галечный характер индустрии в целом сохраняется, появляются единичные рубила с галечной пяткой, частичные бифасы с поперечным лезвием (квиверы), радиальные и одноплощадочные нуклеусы с приготовленными площадками, отщепы с параллельной огранкой спинки и обработанным талоном.

Древнейшая серия Ак-Кошкара I (кварцитовый песчаник) содержит также значительно коррадированные образцы. Отличительной особенностью индустрии являются крупные размеры орудий - некоторые достигают в длину 30 см. Представлены крупные трехгранные в сечении пики, частичные бифасы - рубила с пяткой, отщепы с выступами и клетонскими выемками, остроконечные орудия. Использовалась типичная для раннего ашеля техника снятия крупных отщепов с острым краем. Имеются крупные нуклеусы типа чоппера, одноплощадочные со скошенными площадками. Основные параметры индустрии указывают на

ее раннеашельский возраст.

В верховьях р.Ишим выделена другая ашельская группа: древнейшие серии Вишневки 3, Мизар. Для этой группы характерны типичные ашельские бифасы (рубила) удлиненно-овальной, эллипсоидной, подтреугольной форм с тщательной обработкой поверхностей, сечки из отщепов и плиток, крупные скребла, разнообразные ножи из отщепов - с обушком, отсеченным концом, привершинной площадкой; клектонские выемчатые, зубчатые и остроконечные орудия. Имеются односторонние радиальные нуклеусы с приготовленной круговой площадкой, одно-двухплощадочные и черепаховидные нуклеусы, отщепы и пластины, в том числе с правильной огранкой спинки и обработанным талоном, включая леваллуазские. Леваллуазский компонент слишком мал, чтобы относить индустрию к леваллуа-ашелю. Типологически это развитый (средний) ашель.

Описанные комплексы, а также их аналоги, весьма вероятно, относятся к нижнему-среднему плейстоцену. Более поздний материал отмечен значительным разнообразием. В Северном Прибалхашье, долине р.Сары-Су, верховьях р.Ишим существовали различные мустьерские и позднепалеолитические индустрии. В верховьях р.Ишим, например, на базе ашеля в верхнем плейстоцене развивалась бифасная традиция: в сериях 2 и 3 Вишневки 3 и 4 появились и начали дифференцироваться плоские овальные и обушковые бифасы, представляющие в различных вариантах ножи, скребла, струги, а также листовидные орудия: наконечники копий, ножи, скребла, возникли также топоры и тесла. Одновременно развивалась техника первичного расщепления, происходила специализация леваллуазского приема скалывания. В целом развитие техники скалывания и отщепных орудий не выходило за пределы мустьерских параметров. К этой бифасной традиции, ее поздним проявлениям следует, вероятно, относить Батпак 7, содержащий аналогичный вишневоким бифасный наконечник копья в контексте с мустьерским в целом инвентарем. В Левобережном Прииртышье (Кудайколь, Ангренсор 2) в оартане уже существовал вполне развитый поздний палеолит с клиновидными нуклеусами. Происхождение этой индустрии не ясно: в ней пока не отмечено обычных для палеолита данных районов двусторонне обработанных изделий.

1. Волошин В.С. Геологический возраст палеолита Центрального Казахстана // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена // Тез. докл. VI Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода, - Кишинев, 1986. - С.208-209.
2. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1982.
3. Клапчук М.Н. К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1969. - С.121-135.
4. Клапчук М.Н. Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане // СА. - 1976. - №3. - С.166-190.
5. Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у оз.Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1978.
6. Клапчук М.Н. Местонахождение галечных орудий Обалдысан I в Центральном Казахстане // СА. 1971. - №1. - С.193-195.
7. Аубекеров Б.Ж., Челыхьян Э.В. Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда. - Алма-Ата: Наука, 1974.
8. Воробьева Г.А., Медведов Г.И. Плейстоцен-голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Северной Азии. - Ч Плейстоцен. Иркутск, 1984.
9. Алпысбаев У.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана Алма-Ата: Наука, 1979.
10. Волошин В.С. Исследование палеолита Верхнего Пришымья (северная часть Центрального Казахстана) // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Якутск, 1982. - С.31-33.
11. Майен С.В. Принципы исторических реконструкций в биологии // Системность и эволюция. - М.: Наука, 1984.
12. Рухин Л.Б. Основы литологии. - Л.: Недра, 1969.
13. Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Принципы археологической периодизации палеолита // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири // Тез. докл. Всесоюз. конф. - Улан-Уде, 1986. - Ч. I.
14. Волошин В.С. Проблемы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Четвертичная геология и первобытная археология. - Улан-Уде, 1986. - С.45-48.
15. Геология СССР. Центральный Казахстан. Геологическое описание М.: Наука. 1972. - Кн.2. - Т. XX.
16. Фанерозой Сибири. Мезозой и кайнозой. - Новосибирск: Наука, 1984. - Т.2.
17. Бородулина Д.В. Пресадочность лессовых пород Северного Казахстана: Дис.... канд. ист. наук.-М., 1980.
18. Волков И.А., Зыкина В.С., Семенов В.В. Нижняя граница четвертичной системы в субэразийской толще Западной Сибири // Стратиграфия пограничных отложений неогена и антропогена Сибири. - Новосибирск: Наука, 1984. - С.72-84.

19. Волков И.А. Климатические колебания четвертичного периода и этапность эволюции долин в южной части Западно-Сибирской равнины // История развития речных долин и проблемы мелиораций земель. - Новосибирск: Наука, 1979. - С.55-61.

В.Н. Логвин

О ВРЕМЕНИ И ПУТЯХ СЛОЖЕНИЯ ЭНЕОЛИТА
В СТЕПЯХ КАЗАХСТАНА

В изучении энеолита степей Казахстана, прежде всего их северной части, в последние годы сделан существенный шаг вперед. В бассейнах Тобола, Ишима и Тургая выявлен ряд новых памятников терсекского типа [1-3]^х. Часть их (Соленое Озеро I, Бестамак, Кожай I, Кумкешу I, Ботай и Рошинское) подверглись стационарным исследованиям, в ходе которых был получен богатый материал для характеристики как самой терсекской культуры, так и проблем взаимосвязи с другими хронологически и территориально сопредельными культурами. Одной из первых среди проблем этого круга на повестку дня была поставлена проблема происхождения терсекокой культуры, а в более широком плане - вопрос о путях и времени сложения энеолита в степях Казахстана.

Первым на этот вопрос попытался ответить В.Ф. Зайберт, который свою ботайскую (в нашем понимании терсекокую) культуру выводит напрямую из выделяемой им в Казахском Приишмье неолитической атбасарской культуры [3, с.89; 8, с.88-90; 9, с.82-85].

В этом он оказался близок Г.Н. Матюшину, считающему, что родственные терсекским суртандиинские (кымыкульские) древности Южного Зауралья непосредственно вырастают из местных неолитических [10, с.270-271]. При этом оба исследователя оперируют одина-

^х Смотрите также заметки, подписанные В.Ф. Зайбертом, О.И. Мартынюком, А. Кисленко, В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой, в "Археологических открытиях", начиная с 1975 года. Следует отметить, что среди исследователей нет единого мнения по поводу культурной атрибуции этих памятников, однако разногласия в основном касаются лишь названия культуры, а не ее содержательной характеристики. Мы называем их памятниками терсекской культуры вслед за А.А. Формозовым, который еще в конце 40-х - начале 50-х годов опубликовал материалы первых памятников и ввел в научный оборот понятия "терсек-карагайская культура" и "терсекские стоянки" [4, с.50-52; 5, с.58; 6, 7].

ковыми аргументами. Во-первых, они указывают на сходство неолитической и энеолитической керамики, проявляющееся в круглодонности сосудов и наличии орнамента, выполненного зубчатым штампом, во-вторых, видят сходство в хозяйственной сфере. Они считают, что зачатки характерной для энеолита скотоводческой экономики отмечаются в Южном Зауралье и Казахском Приишимье уже в эпоху неолита [3, с.89; 10, с.270-271].

В общем-то это традиционный подход. Во все времена исследователи, получив новые, ранее неизвестные материалы, пытались найти корни их прежде всего в более ранних материалах этой же территории. В целом такой подход оправдан, но только при соблюдении определенных требований. Во-первых, сравниваемые группы древностей предварительно должны быть точно вписаны в достаточно обширный круг синхронных памятников. Иными словами, должно быть определено место каждой из них в цепочке синхронных культур. Во-вторых, необходима полная уверенность, что обнаруженные материалы сравниваются с непосредственно им предшествующими. В-третьих, сопоставление должно проводиться по значимым, несущим прежде всего генетическую информацию признакам.

В рассматриваемой ситуации эти требования не были соблюдены. В частности, вызывает сомнение тезис о восприятии суртандинским и терсекским населением навыков скотоводства у предшествовавшего им неолитического населения. Г.Н.Матюшин в обобщающей работе по энеолиту Южного Урала отмечает, что только на одном "чистом" неолитическом памятнике Южного Зауралья, стоянке Суртанды III, получены кости животных. Из них определена только одна кость лося. Следовательно, его заключение о наличии скотоводства в неолите Южного Зауралья базируется на материалах четырех памятников: Мурат, Березки, Суртанды VI и VII, которые, как сообщает автор, имели неолитические и энеолитические слои [10, с.282]. Можно добавить, что на стоянках Мурат и Березки имеются материалы и более поздних эпох [10, с.37, 61]. Как известно, на этих памятниках разновременные слои лежат непосредственно друг на друге и не разделены стерильными прослойками, что предполагает неизбежное проникновение материалов, в том числе и костных остатков, из одного слоя в другой. В Казахском Приишимье во многом аналогичное положение. Например, в Тельманском микрорайоне большая часть исследованных В.Ф.Зайбертом стоянок расположена рядом с поселениями эпохи бронзы и даже более поздних времен. Тельмана IX находится в 60 м, остальные - в 100-300 м от посе-

лений эпохи бронзы. В такой ситуации вполне вероятно и, пожалуй, неизбежно попадание в неолитические культурные слои костей животных эпохи бронзы [II, с.60-61]. Не этим ли (проникновением более поздних материалов) объясняется та странная на первый взгляд ситуация, когда, по данным В.Ф.Зайберта, в неолите Казахского Приишмья среди домашних животных отмечаются лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, а в энеолите, судя по материалам Ботая, единственного хорошо изученного "чистого" терсекского памятника этой территории, к домашним животным может быть отнесена только лошадь [9, с.84, 85; II, табл.319]. Известно, что набор животных из лошади, крупного и мелкого рогатого скота характерен как раз для эпохи бронзы. В целом же приходится признать весьма проблематичным наличие преемственности в хозяйственной деятельности неолитического и терсекского населения.

Не убедительно выглядят и два других приводимых В.Ф.Зайбертом и Г.Н.Матюшиным признаки генетической взаимосвязи неолитических и терсекского типа памятников. Техника нанесения орнамента на сосуды зубчатым штампом применялась населением самых различных территорий в широком диапазоне времени. Немногим уже и сфера обращения круглодонных сосудов. Следовательно, для того чтобы сходство по этим признакам получило хоть какое-то генетическое звучание, необходимо вначале доказать, что терсекские памятники непосредственно сменяют неолитические. Видимо, чувствуя это, указанные авторы стремятся сомкнуть их во времени. Г.Н.Матюшин пытается удревнить суртандинские материалы до V тыс. до н.э., а В.Ф.Зайберт оттягивает нижнюю границу существования ботайских до конца IV тыс. до н.э., то есть предполагаемого им верхнего рубежа бытования атбасарской культуры [3, с.89; 10, с.270-271]. Последняя дата не обосновывается, а постулируется. При этом, правда, В.Ф.Зайберт сообщает, что Ботай датируется концом III - началом II тыс. до н.э. "на основе типологии кремневой индустрии и керамики", однако сколь-нибудь развернутой характеристики линий типологических сравнений не дает [8, с.89; 9, с.85].

Г.Н.Матюшина, видимо, заворочила идея синхронизации суртандинской культуры с агидельской и хвалынской, а также дата по C_{14} для поселения Березки (7600 ± 200 лет до н.д.) [10, с.70, 115, 294]. Однако дата получена по образцу, взятому из "нижнего горизонта", связь которого с суртандинской культурой далеко не бесспорна. Во всяком случае сам автор раскопок указывает, что здесь,

вместе с керамикой, интерпретируемой им как суртандинская, "встречается ранне-неолитическая керамика" [10, с.61, 66, 67]. Дата таким образом вполне может быть связана с неолитическим поселением.

Не убедительна и попытка Г.Н.Матюшина синхронизировать суртандинские древности, через гаринские и агидельские, с хвалынскими [10, с.269-270, 274]. Как уже отмечалось другими исследователями, во всех указываемых им случаях совместного залегания агидельской и гаринского облика керамики не исключена вероятность смешения разновременных материалов. Более того, судя по всему, выделяемые Г.Н.Матюшиным позднеагидельские памятники (Муллино IУ, Сауз Ш и др.) не имеют никакого отношения ни к самарским, ни к хвалынским памятникам, а культурно и хронологически должны быть сближены с гаринско-борским кругом памятников [10, с.206, 225, 12, с.287].

Более плодотворной в плане установления времени бытования суртандинских, а через них и терсекских, памятников, является мысль Г.Н.Матюшина о синхронности гаринских и суртандинских древностей. Близость их проявляется не только в сходстве орнаментации некоторых сосудов. Для них характерен один и тот же тип кремневой индустрии. Набор орудий практически одинаков. Именно на гаринском этапе наибольшее распространение получают вытянутые наконечники с усеченным основанием, столь характерные как для суртандинских, так и для терсекских памятников [13, с.183]. Обычны для них двусторонне обработанные ножи и ножи из отщепов, изготовленные краевой ретушью. Встречены также изогнутые "саблевидные" орудия этой группы [13, с.43, рис.18].

К сожалению, в определении времени бытования гаринских памятников он проявляет странную непоследовательность. В одной и той же работе в одном месте утверждается "синхронность памятников левшинско-гаринского типа с позднеагидельскими" (последние синхронизируются им с хвалынскими), в другом месте гаринские памятники относятся к концу III - началу II тыс. до н.э. В первом случае гаринские древности помещаются в доямный период, а во втором оказываются одновременно поздним ямным памятникам. Разница существенная. Тем более непонятная, что в обоих случаях используются материалы одного и того же гаринского памятника Бор I [10, с.213, 231, 294].

Начадом II тыс. до н.э. гаринские памятники, как известно,

первоначально датировал О.Н.Бадер [13, с.185]. Позднее накопились данные, позволившие поставить вопрос о необходимости удревнения их. Так, О.Н.Бадер и А.А.Выборнов на материалах Саузовской II стоянки датировали левшинские материалы IV тыс. до н.э. [14, с.129]. Поскольку нижняя граница бытования гаринских памятников всегда определялась концом времени существования левшинских, то гаринские памятники также должны быть удревнены примерно до начала III тыс. до н.э. Такая датировка гаринских памятников подтверждается волосовской линией сопоставлений. В.П.Третьяковым при обосновании тезиса о единой волосовско-турбинской общности убедительно была доказана близость волосовских и турбинских древностей как в керамике, так и в кремневом инвентаре [15, с.22-24]. Эта близость заставляет предполагать относительную одновременность ранних волосовских и гаринских памятников.

Ранние волосовские памятники по стратиграфическим, палинологическим наблюдениям и радиоуглеродным датам в настоящее время датируются с середины III тыс. до н.э., а протоволосово - еще более ранним временем [16, с.60-62]. И.В.Васильев, опираясь на свои материалы, считает возможным датировать "наиболее ранние волосовские материалы" первой половиной III тыс. до н.э. [17, с.173-176]. Его информация ценна тем, что в данном случае отмечается удовлетворительное совпадение дат, установленных по разным источникам. Таким образом, первую половину III тыс. до н.э. на сегодняшний день следует признать наиболее вероятным временем формирования гаринских древностей. В это же время, видимо, формируются суртандинские и терсекские древности.

В пользу такой датировки терсекских памятников свидетельствуют и другие линии сопоставлений. Так, терсекская керамика по форме сосудов и некоторым элементам орнамента находит определенные аналогии в керамике второго (по Н.Я.Мерперту) этапа Волжско-Уральского региона [18, рис.13]. Предложенная им датировка этого этапа - середина III тыс. до н.э. - в принципе не противоречит сказанному выше. В целом не противоречит и большая серия радиоуглеродных дат, полученных для ямных памятников Украины, по которым ямная культура датируется Д.Я.Телегиным XXII - XIX вв. до н.э. [19, с.14]. В Нижнем Притоболье керамика терсекских памятников наиболее близка аятской керамике [20, с.195, рис.5; 21, с.27-30]. Определенное сходство отмечается и с липчинской [20, с.194, рис.4; 21, с.37-42]. Судя по стратиграфии

горбуновского торфяника, они датируются III - началом II тыс. до н.э. [21, с.32; 22, с.172-173].

Таким образом, все рассмотренные выше линии сопоставлений указывают на отрезок времени примерно от второй трети III до начала II тыс. до н.э. как на наиболее вероятное время бытования терсекских древностей. В этот отрезок времени хорошо укладываются две из трех известных нам радиоуглеродных дат. Для поселения Ботай опубликована дата 4300 ± 120 лет до н.э. [23, с.121]. Для Кожая I получены две даты: образец, взятый в сооружении №7, — 4600 ± 320 лет до н.э. (ИГАН-656), а из №10 — 3200 ± 260 лет до н.э. (ИГАН-655). Последняя дата явно омоложена, а первые две неплохо согласуются с данными, полученными сравнительным методом.

В итоге мы приходим к выводу о том, что время бытования памятников терсекского типа само по себе исключает возможность формирования их непосредственно на базе местных неолитических памятников, конечно, если не пытаться вытянуть последние в III тыс. до н.э.* Это, в свою очередь, в значительной мере обесценивает приводимые Г.Н.Матюшиным и В.Ф.Зайбертом наблюдения о сходстве керамики неолитических и терсекского типа памятников. Сходство это может быть и свидетельствует о доживании какой-то части неолитических традиций до терсекского времени, однако выводить на этом основании терсекские памятники напрямую из неолитических не следует.

По нашему мнению, как-то прояснить процесс формирования терсекского круга памятников, по крайней мере наметить пути подхода к этой проблеме, может помочь опыт изучения памятников степной и лесостепной зон Восточной Европы. Здесь в последние годы сделан крупный шаг вперед в изучении неолита и энеолита, на современном этапе завершившийся созданием наиболее подробной и обоснованной чем когда-либо ранее реконструкции процесса сложения и развития энеолитических культур [24, с.3-26; 25]. Исследователи неолита азиатских степей, во всяком случае прилегающей к Европе их Казахстанской части, не имеют права игнорировать этот факт. Процесс формирования энеолита в степях Восточной Европы (естественно в реконструированном виде) может рассматриваться как своеобразная модель для азиатских степей.

*Сейчас это, пожалуй, уже невозможно. Исследования последних лет в Восточной Европе показали, что собственно степные неолитические культуры не переживают I тыс. до н.э. [24, с.3-26; 25, с.9-39].

Правомерность такого подхода к данной проблеме определяется тем, что в степной зоне в каждом из конкретных периодов прошлого, вплоть чуть ли не до нового времени, отмечается существенное сходство материальной культуры (набор и типы орудий, формы сосудов и проч.) европейских и азиатских памятников. При этом смена облика материальной культуры (иначе говоря, смена этапов) в обеих частях степной зоны происходила однонаправленно и в археологическом масштабе времени одновременно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ямные, терсекские и афанасьевские памятники, срубные и андроновские, а также памятники кочевников Евразии^к. Отмеченная для позднего энеолита, эпохи бронзы и раннего железного века тождественность степных азиатских и европейских материалов могла быть только результатом тождественности процессов их формирования. Это тем более вероятно, что в неолите европейских и северо-казахстанских степей также много общего (пластинчатая индустрия, близкие типы орудий, в т.ч. и геометрические, близкие формы маханджарских и сурско-днепровских сосудов) [27, с.186-188, рис.3; 28, с.255-258].

Исходя из этих наблюдений, следует предполагать, что в степях Казахстана терсекским древностям должны предшествовать памятники раннего и среднего энеолита, близкие по облику материальной культуры мариупольским и хвальнско-среднепестовским памятникам Восточной Европы [25, с.9-39]. Близкие в той же примерно степени сходства, в какой близки друг другу ямные и терсекские памятники.

Первые, пусть небольшие, материалы раннего (дотерсекского) энеолита уже имеются в нашем распоряжении. Получены они в степном Притоболье на поселениях Алкау 2, Бестамак и Сулуколь I. К сожалению, все памятники дали смешанные коллекции разновременных материалов. В связи с этим определить комплексы орудий, характерный для раннего энеолита степного Притоболья, невозможно. Уверенно можно лишь утверждать, что для него присуща была пластинчатая индустрия. Керамика, благодаря своей специфичности, выделяется хорошо. Сосуды имели, как правило, отогнутые наружу шейки. Венчик обычно уплощенный, изредка встречаются округлые и приотстренные венчики. Орнамент выполнен разнообразными приемами: прочерчиванием, вдавлениями, насечками и реже-оттисками зубчатого штампа.

^к Попытка выявить корни этого явления была предпринята нами ранее [26, с.158-160].

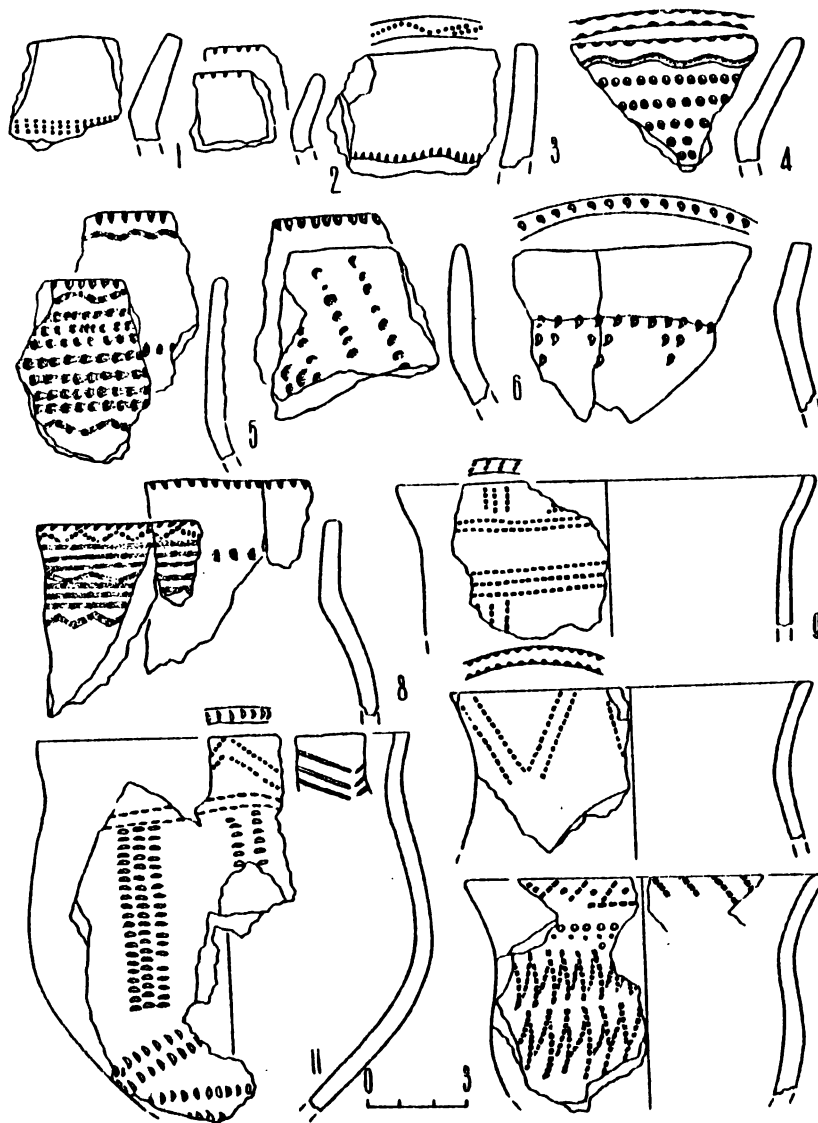

Рис. I. Раннеэнеолитическая керамика степного Притобалья.
 I - 4, 7, 9-12 - Бестемак; 5, 6, 8 - Сулуколь I

При этом в орнаментации примерно пятой части сосудов отмечается сочетание оттисков зубчатого штампа с насечками и вдавлениями. В основном орнаментом украшались шейки сосудов, однако встречены сосуды и с орнаментированными стенками. Часть керамики украшена очень скупо, лишь насечками по горловине сосуда (рис.1).

Типологически и территориально наиболее близкие аналогии эта керамика находит в керамике боборыкинского круга памятников лесного и лесостепного Притоболья. К сожалению, среди исследователей в вопросе датировки боборыкинской культуры нет единого мнения. Первые исследователи боборыкинских памятников датировали их очень поздним временем — концом III—началом II тыс. до н.э. [29, с.77]. Затем, в ходе дальнейших исследований, была выяснена их позиция по отношению к другим энеолитическим памятникам Нижнего Притоболья. Было доказано, что стратиграфически боборыкинские материалы предшествуют липчинским и шапкульским, а последние в свою очередь — аятским. Одновременно боборыкинские памятники были удревнены до середины III тыс. до н.э., а В.Г.Ковалева и Н.В.Варанкин не исключали возможность отнесения нижней границы их к рубежу IV—III тыс. до н.э. [21, с.37; 30, с.121; 31, с.157]. В самое последнее время В.Г.Ковалева резко изменила свою точку зрения на боборыкинские памятники. В феврале 1986 г. в докладе на совещании в г.Оренбурге она отнесла их к неолиту с датировкой второй половиной IV тыс. до н.э. [32, с.53-55].

Нам уже приходилось высказывать свою точку зрения на время существования боборыкинских памятников [33, с.157-159]. Мы относим их к раннему энеолиту с примерной датировкой первой половиной IV тыс. до н.э. При этом, как и все исследователи, учитываем тот факт, что на ряде памятников боборыкинские материалы перекрываются шапкульскими, т.е. являются более древними, чем последние. Однако утвердившаяся датировка шапкульской культуры второй половиной III тыс. до н.э. представляется нам омоложенной. В свое время В.Ф.Старков датировал стоянку Шапкуль I на основании сходства орнаментальных мотивов ее керамики с орнаментальными мотивами липчинской керамики [34, с.47-48]. Кремневый инвентарь не принимался во внимание. Между тем на стоянке Шапкуль I орудия из пластин составляют примерно половину всех орудий. Кремневые орудия типичны для пластинчатых индустрий, в том числе имеются такие орудия, как пластины с притупленной спинкой, резцы. Достаточно характер-

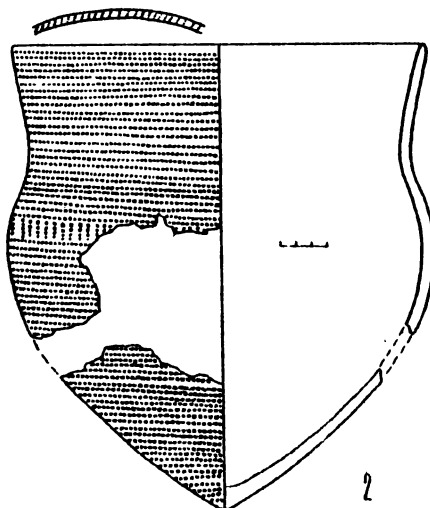
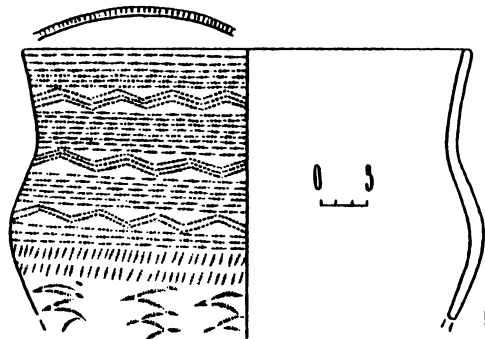

Рис.2. Поселение Бестамак. Керамика

ны кельтеминарские наконечники стрел. По типам орудий и общему облику кремневой индустрии памятники типа Шапкуль I хорошо сопоставляются с такими кельтеминарскими памятниками, как Джанбас 4 и Кават 7. Время существования последних, исходя из общей концепции А.В.Виноградова, может быть определено второй половиной IY - началом III тыс. до н.э. При такой датировке шапкульских древностей боборькинская культура должна быть отнесена примерно к первой половине IY тыс. до н.э. С этим неплохо согласуется единственная для нее радиоуглеродная дата (Ташково I - 5490±60) [32, с.55]. При таком варианте датировки боборькинские древности попадают в один хронологический пласт с мариупольскими. Напомним, что их объединяет и большой удельный вес в керамике плоскодонных сосудов.

Керамика степного Притоболья, типологически близкая боборькинской, также должна быть отнесена к первой половине IY тыс. до н.э., и вместе с ней видимо маркирует наличие круга памятников, являющихся азиатским аналогом европейских памятников типа Мариупольского, Никольского и Съезженского могильников.

Интересно, что на Бестамаке найдены сосуды, не имеющие пока аналогов на сопредельных территориях, но зато по форме хорошо сопоставимые со среднестоговскими: острое дно, раструбовидные высокие шейки (рис.2) [35, рис.61, 10].

Как ни мало количество раннеэнеолитических материалов, полученных в степном Притоболье, на фоне сказанного выше сам факт обнаружения их представляется симптоматичным. Он свидетельствует о перспективности работ, направленных на выявление в степях Казахстана энеолитических памятников дотерсекского времени.

1. Логвин В.Н. Еще раз об энеолитических стоянках Кустанайской области и их связи с ландшафтом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. - Томск: Изд. ТГУ, 1979.
2. Логвин В.Н., Калиева С.С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан). - СА. - 1984. - №1.
3. Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай. - КСИА. - 1984. - Вып.177.
4. Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника. - Вестник КазФАН СССР. - 1946, - №4(13).
5. Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. - КСИИМК, - 1949. - Вып. XXV.
6. Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. - ВКИЧП. - 1950. - №15.

7. Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска. - КСИИМК. - 1951. - Вып. XXXVI.
8. Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Прииртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири // Тез. докл. - Барнаул: ИИФФ и изд. АлтГУ. - 1983.
9. Зайберт В.Ф. Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык. - Новосибирск: Наука, 1985.
10. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982.
11. Зайберт В.Ф. Неолит Северного Казахстана: Дис. канд. ист. наук. - М.: ИА АН СССР, 1979/ Архив ИА АН СССР. Р-2, 2258.
12. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. - СА. - 1985. - №2. - С.280-290/ Рец. на кн.: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982.
13. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. - МИА. - 1961. - №99.
14. Бадер О.Н., Выборнов А.А. Саузовская П стоянка в устье реки Белой и некоторые прослепы неолита-энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев: Изд. Куйб. ГПИ, 1980.
15. Третьяков В.П. О волосовско-турбинской общности // Тез. докл. на VI Уральском археологическом совещании. - М.: Наука, 1977.
16. Крайнов Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья. КСИА. - 1978. - Вып. 153.
17. Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовско-турбинское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. - Йошкар-Ола: Изд. МарНИИ, 1978.
18. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. - М.: Наука, 1974.
19. Телегин Д.Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины. - СА. - 1977. - №2.
20. Берс Е.М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аяць в Среднем Зауралье. - СА. - 1976. - №4.
21. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981.
22. Старков В.Ф. Новые раскопки на Горбуновском торфянике / АО - 1979. - М., 1980.
23. Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд. ЧелябинГУ, 1984.
24. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев: Изд. Куйб. ГПИ, 1980.
25. Васильев И.Б., Синяк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. - Куйбышев: Изд. Куйб. ГПИ, 1985.
26. Логвин В.Н. О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите-бронзе степной полосы СССР // Методологические

- аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. - Томск: Изд. ТГУ, 1981.
27. Даниленко В.Н. Неолит Украины. - Киев: Наук. думка, 1969.
 28. Бодянский О. Неолітична стоянка на острові Шулаєвому. - АП. - 1949.
 29. Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. - СА. - 1961. - №2.
 30. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. - Ленинград: Изд. ЛГУ, 1977.
 31. Ковалева В.Т., Веранкин Н.В. О соотношении кошкенинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени). - СА. - 1984. - №1.
 32. Ковалева В.Т. Боборыкинская культура в Среднем Зауралье // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы // Тез. докл. - Оренбург: Изд. ОренбГПИ, 1986.
 33. Логвин В.Н. Стоянка маханджарской культуры Солонное Озеро 2 // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд. КуйбГПИ, 1982.
 34. Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. - Тюмень: Изд. ТюГУ, 1976.
 35. Телегин Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. - Київ: Наук. думка, 1973.

А.А.Ткачев

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ АЛАКУЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Исследования памятников эпохи бронзы, проведенные Центрально-Казахстанской экспедицией в южной части Сары-Арки, позволили разработать периодизацию андроновской культуры, в рамках которой был выделен алакульский этап [1, с.5-9; 2, с.61,91-159]. В северной Сары-Арке до недавнего времени было известно 2 алакульских могильника [3, с.51-62; 2, с.151].

Анализ погребального обряда, керамических комплексов и бронзовых изделий, полученных в результате исследования 12 могильников и 3 поселений экспедициями Карагандинского государственного университета, Карагандинского и Целиноградского областных музеев, позволяет выделить 3 группы алакульских памятников: раннюю, среднюю и позднюю.

К раннеалакульским памятникам относятся могильники Сатаи,

Актобе I, Актобе II, Нуртай. Исследовано 35 погребальных сооружений, содержащих 67 погребений. По внешним признакам выделяются 2 группы погребальных конструкций. Первая группа представлена земляными курганами, содержащими в насыпи ограды из вертикально поставленных плит, диаметром 12-16 и высотой 0,6-0,9 м. В центре, под курганными насыпями, одна грунтовая яма, в ориентировке преобладает северо-западное и северное направление. Иногда ямы содержат деревянные срубы в один венец. На могильнике Сатан обнаружены остатки колесницы [4, с.434].

Вторая группа сооружений объединяет ограды без насыпей круглой, овальной или прямоугольной формы. В центре оград расположены одна-две могилы. В некоторых случаях фиксируются две-пять могил за пределами ограды. Могилы представляют собой грунтовые ямы и ящики, плиты которых (могильники Актобе I, II) иногда впускались в канавки, прорытые вдоль стенок ямы. Обряд погребения - труположение: одиночные, парные, тройное. Парные погребения содержат костяки мужчины и женщины, мальчика и девочки. В тройном погребении обнаружены костяки мужчины, женщины и ребенка [4, с.434]. В могильнике Нуртай, сочетающем древние и новые черты в погребальном обряде, наряду с ранее существующими группами погребальных сооружений, появляются небольшие курганы и ограды, имеющие одну-две пристройки или образующие цепочки из пристроенных друг к другу оград. В оградах и пристройках 1-2 могилы в ящиках, впущенных глубоко в грунтовые ямы. Появляются спаренные ящики. Данью древней традиции остаются обнаруженные в небольшом количестве грунтовые ямы, в редких случаях - со срубам. Если на более ранних памятниках встречаются деревянные перекрытия могил, то теперь для этого используются только каменные плиты [5, с.442-443].

Вещевой материал раннеалакульских могильников представлен изделиями из бронзы: ножами (рис. I-8, 9), втоком с притупленным острием (рис. I-7), наконечником стрелы (рис. I-6), камня: булавой (рис. 3), оселком (рис. I-2), наконечником стрелы (рис. I-5), кости: псалий (рис. I-4). В женских погребениях встречены желобчатые браслеты, бляшки, височные кольца, различные подвески (крестовидные, очковидные, в полтора оборота) и бусы из металла, пасты, камня [4, с.434, 5, с.443]. Орудия труда включают зернотерки, трепало, шилья и проколки.

Керамические комплексы раннеалакульской группы памятников

неоднородны по своему составу. Преобладают сосуды острорезной профилировки, обычно высоких и стройных пропорций. Встречаются сосуды с уступ-ребром, плавной профилировкой и уступчиком. Орнамент выполнен в основном резной техникой, реже встречаются вдавления и гребенчатый штамп, единичны оттиски "веревочки". Специфику раннеалакульской керамики придает группа сосудов, имеющих налепной или оформившийся валик, треугольный или овальный в сечении. Орнамент наносился тремя зонами: по шейке, плечикам, иногда у дна, при отсутствии неорнаментированной полосы между шейкой и плечиком. Сосуды украшены треугольниками (прямоугольными, равнобедренными, "косыми"), ромбами, зигзагом, пирамидками, ступенчатыми узорами, "качалкой". Встречаются сосуды, орнаментированные только в нижней части шейки.

В настоящее время известно одно поселение, содержащее раннеалакульскую керамику, — Икпень I (нижний слой). Изучены зольник и прямоугольное жилище площадью 140 кв.м, глубина котлована 0,2-0,5 м с угловым выходом. Пол жилища обмазан слоем глины, перемешанной с речным песком и илом. На дне фиксируются столбовые ямки и 3 ямы-хранилища диаметром до 3 м, глубиной до 1,6 м.

На межжилищном пространстве обнаружено 3 детских погребения в неглубоких ямках, где частично сохранились костяки детей грудного возраста, лежащих скорченно, на левом боку. В головах погребенных стояли раннеалакульские острорезные сосуды. Среди вещевого материала встречены бронзовая проколка, слиток металла, каменный оселок (рис. I-1), песты, терочники, пряслица.

К среднеалакульской группе памятников относятся могильники: Копы, Копы I, Ачи-Озек, Нуркен, Ташик, Майтан [6, с.532; 7, с.432; 8, с.436; 9, с.466]. Исследовано 88 погребальных сооружений, содержащих 296 погребений.

На памятниках обычно выделяется I-2 земляных кургана с оградой в насыпи из вертикально или наклонно поставленных плит, содержащих в центре I могилу. На могильнике Майтан в насыпи подобного кургана обнаружено 10 входов погребений детей грудного возраста в небольших ямках, накрытых каменными плитами. В остальных погребальных конструкциях насыпи отсутствуют. Встречаются одиночные ограды, ограды с одной-четырьмя пристройками, ограды, пристроенные цепочкой. Особо следует отметить погребальные сооружения из отдельно построенных оград с последующим соединением их в один комплекс системой пристроек. В оградах от одного до восьми жертвенников: сосуды, черепа и кости конечностей, положен-

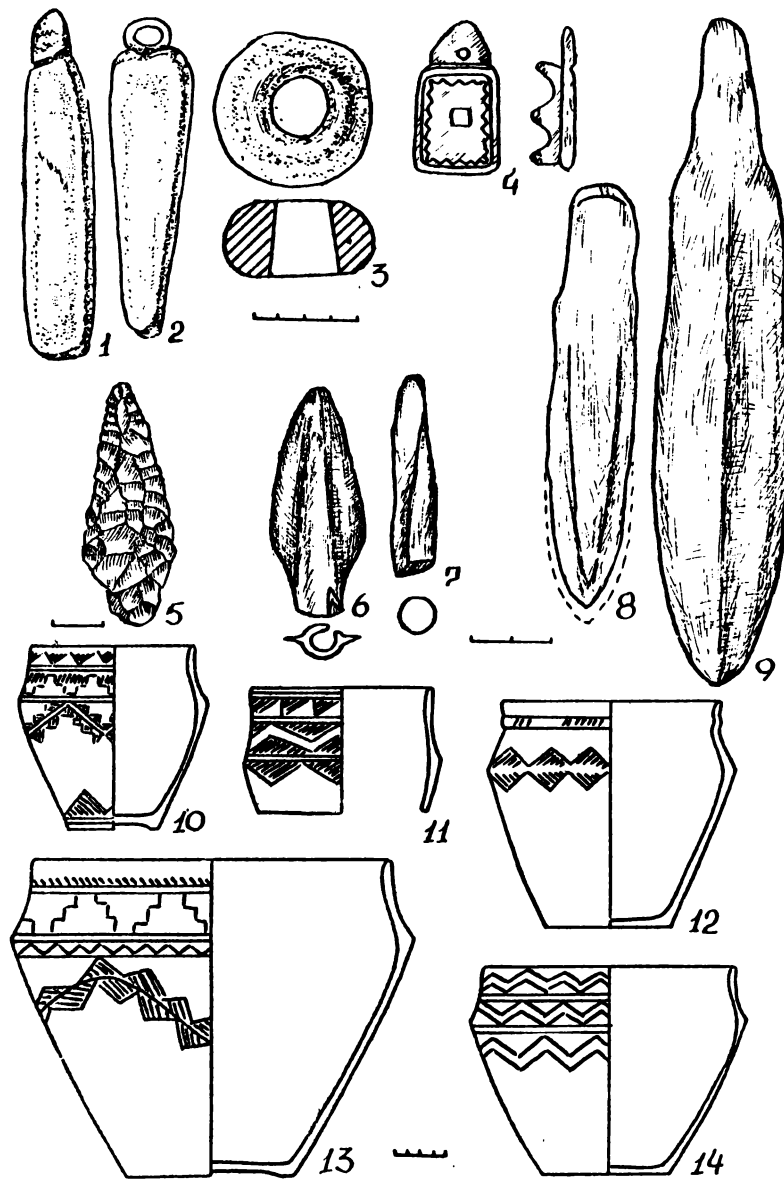

Рис. I. Изделия и керамика раннеадакульской группы памятников. I-пос. Икпень I; 2, 3, 6-8, 10, 13-мог. Нуртай; 4, 5, 9, мог. Сатан; II-мог. Актобе I; 14-мог. Актобе II.
1, 2, 3, 5-камень; 4-кость; 6-9-бронза; 10-14-керамика

ные в небольшие ямки или обложенные каменными плитами. В одном случае вдоль длинных сторон ящика лежали костяки двух лошадей, в другом обнаружен костяк коровы [10, с. 42-43].

Ограды и пристройки содержат 1-6, изредка 3-5 могил. За пределами оград иногда встречаются детские погребения. Увеличивается количество спаренных ящиков взрослых и детей, появляются тройные ящики [10, с. 42-43]. Погребения совершены по обряду трупоположения, случаи трупосожжения взрослых и детей единичны. Основная поза погребенных: скорченно, на левом или правом боку, головой на юго-запад и запад. В единичных случаях фиксируется положение вытянуто на боку или скорченно с разворотом туловища на спинку с руками, сложенными на животе крест-на-крест. Увеличивается количество разнополых парных погребений: взрослых, подростков, детей. В парных захоронениях погребенные чаще всего лежат лицом друг к другу, мужчина на левом, женщина на правом боку.

Погребальный инвентарь представлен бронзовым ножом с выделенной рукоятью (рис. 2-6), ножом-копьем (рис. 2-4), ножом с перехватом (рис. 2-5), "хвостатым" ножом (рис. 2-12), пулевидным наконечником (рис. 2-7), пряжками из кости (рис. 2-10, 11), каменной булавой (рис. 2-1), наконечниками из камня (рис. 2-9) и кости. В женских погребениях найдены желобчатые браслеты, бляшки, височные кольца, подвески, бусы из пасты и бронзы, шилья, проколки.

В могилы ставили от 1 до 6 сосудов. Преобладают сосуды горшечных форм с уступ-ребром при переходе шейки в тулово. Встречаются сосуды с плавной профилировкой, с ребром или уступчиком на плечиках. По основанию шейки иногда расположены небольшие, треугольные или овальные в сечении валики. Выделяется группа сосудов, по форме близкая к баночным, шейки которых украшены желобками, тулово - горизонтальным или вертикальным зигзагом. На баночных сосудах встречаются симметрично расположенные ручки. Орнамент преимущественно разный, нанесен по шейке, плечу, изредка - в придонной части и на днищах. Неорнаментированные полосы, отделяющие зоны орнаментации шейки от тулова, встречаются единично. Сосуды украшены различными треугольниками, зигзагом, ромбами, пирамидками, горизонтальными линиями, меандром.

Аналогичная керамика выявлена на поселении Энтузиаст I [11, с. 467], где исследованы остатки трех жилищ, реконструируемая площадь которых от 150 до 180 кв. м. Глубина котлованов 0,3-0,7 м с угловыми выходами в виде тамбуров. На дне прослежены

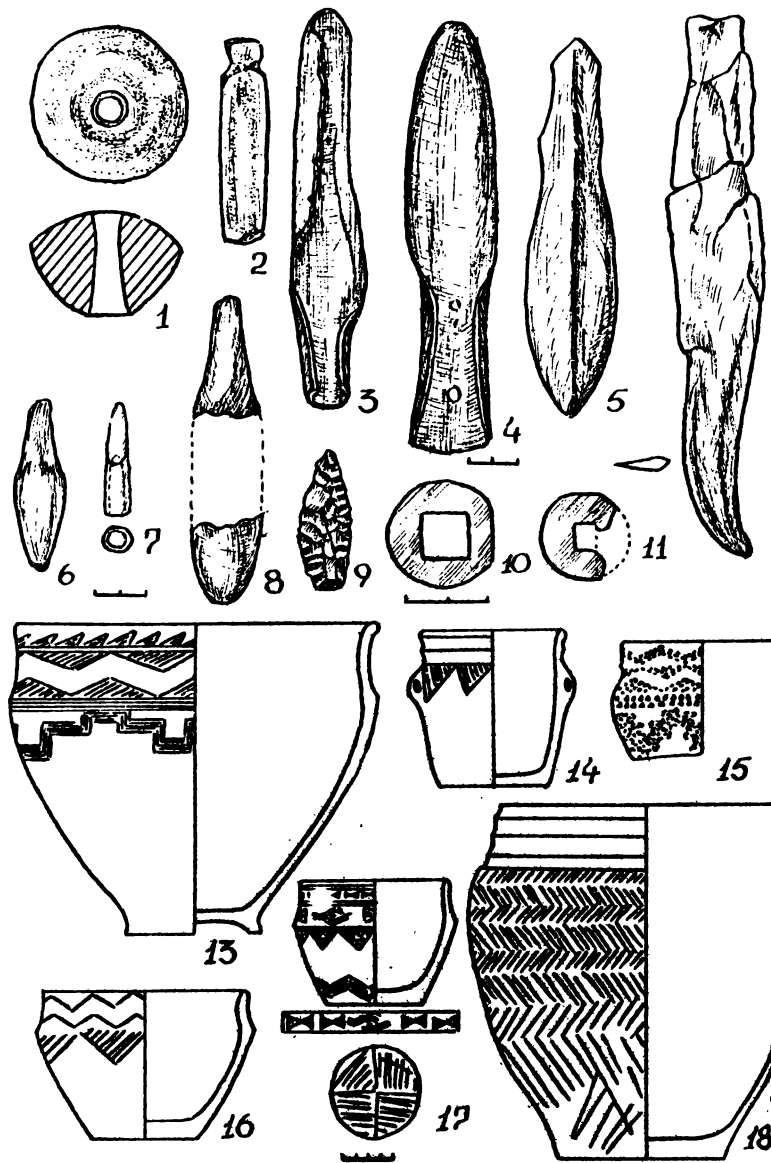

Рис. 2. Изделия и керамика среднезлавульской группы памятников: 1, 4-7, 9-18 - мог. Майтан; 2, 3, 8 - пог. Энтузиаст. 1, 2, 9 - камень; 10, 11 - кость; 3-5, 6, 7, 12 - бронза; 13-1 керамика

столбовые ямки, круглые или овальные очаги наземного типа. В жилище I - бронзолитейная печь в виде трехкамерного котлована с остатками каменного свода. Отличительной чертой алакульских жилищ по-прежнему являются расположенные в центре ямы-хранилища диаметром до 3, глубиной 0,9-1,1 м. На межжилищном пространстве выявлена система канавок, соединяющих жилища между собой, и металлургический комплекс из ям и канавок, наполненных шлаком, углями и ошлакованной керамикой.

Вещевой материал представлен бронзовым ножом-копьем (рис.2-3), обломками одно- и двулезвийных бронзовых ножей (рис.2-8), каменным оселком (рис.2-2), мотыгами, прялицами, обломками литых форм.

К позднеалакульским памятникам относятся могильники Бозенген и Ижевский I, на которых исследовано 16 погребальных сооружений, содержащих 81 погребение. Среди погребальных конструкций продолжают сохраняться оградки без насыпей с 1-2 могилами в центре. Основными погребальными сооружениями являются ограды и земляные курганы с оградой по основанию диаметром 8-12, высотой до 0,7 м. В оградах от 3 до 20 погребений в ящиках или грунтовых ямах. Могилы взрослых расположены двумя-тремя рядами, между которыми впущены детские погребения. Кроме того, встречены впускные детские погребения в насыпях курганов. На могильнике Ижевский I большая часть детских погребений расположена между оградами.

Погребения совершены по обряду трупоположения, трупосожжения единичны. Уменьшается количество разнополых парных погребений. Погребенные лежат скорченно, на левом или правом боку, головой на юго-запад или запад.

В могилах найдены изделия из бронзы: вислобушный топор (рис.3-1), втульчатые наконечники стрел (рис.3-2,3), ланцетовидный наконечник (рис.3-4), нож с перехватом (рис.3-5), нож с выделенной рукоятью. Женские украшения представлены желобчатыми браслетами, наконечниками, бляшками, подвесками, бусами. Продолжают бытовать сосуды с уступ-ребром, но специфический облик данным комплексам придают горшки с плавной профилировкой небольших размеров. Сосуды украшены резной техникой, увеличивается значение гребенчатой орнаментации. Более широкое распространение получают упрощенные меандровидные узоры. Орнамент нанесен по шейке, плечикам, иногда у дна. Развиваются баночные формы, появляются банки в виде "пиад" и банки вытянутых пропорций с ручками почти у среза венчика.

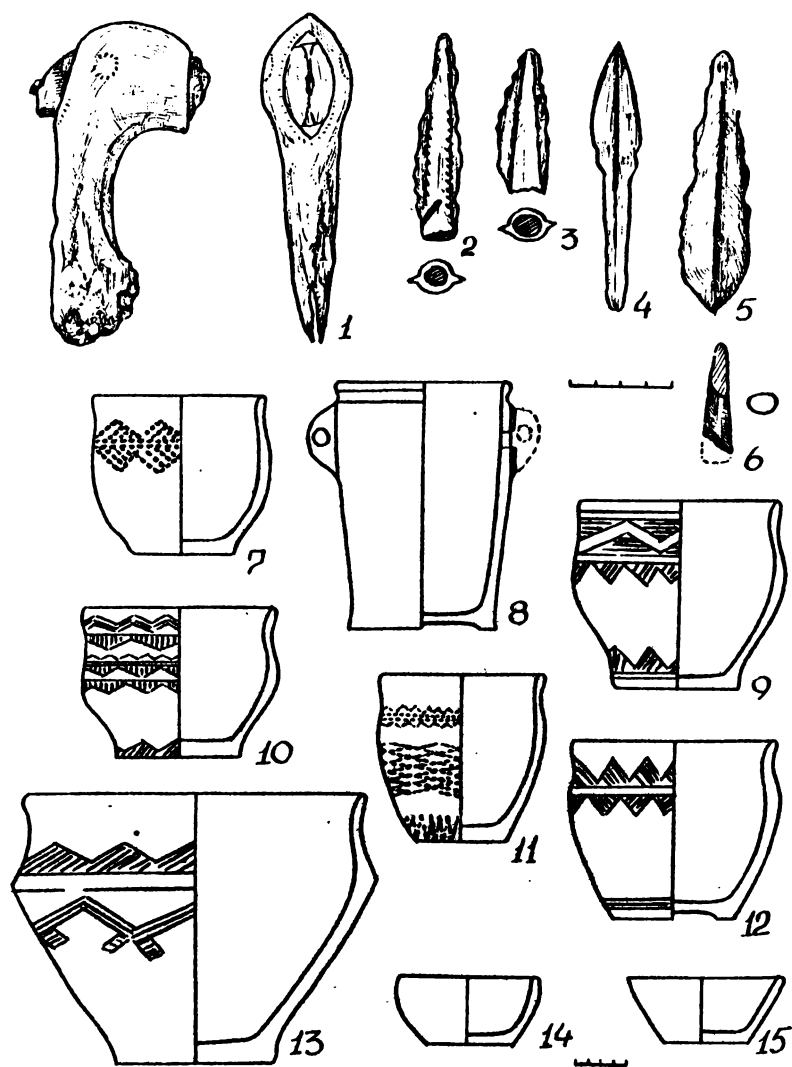

Рис. 3. Изделия и керамика позднеалакульской группы памятников: 1-5, 8, 9, 12-15-мог. Бозенген; 6-пос. Майоровка; 7, 10, 11-мог. Ижевский I; 1-6-бронза; 9-15-керамика

Позднеалакульские поселенческие материалы получены на поселении Майоровка [12, с.517-518], где исследовано две землянки площадью 160 и 270 кв.м. Глубина котлованов 0,6-0,9 м. Выходы расположены в торцевых стенках близ углов в виде короткого тамбура. Одно жилище разделено материковой перемычкой на две части: хозяйственную и жилую. На дне 2-3 очага в небольших ямках, иногда обложенных каменными плитками. Продолжается традиция сооружения ям-хранилищ (диаметром до 3, глубиной 1,5-2,3 м).

Вещевой материал представлен бронзовым втоком (рис.3-6), теслом, шильями, крючками, каменным топором, мотыгами, костяными трепалами, наконечниками стрел, проколками.

Хронология групп памятников определена по закрытым комплексам бронзовых изделий. Абсолютную дату раннеалакульской группе памятников дает серия бронзовых предметов могильников Сатан и Нуртай: втульчатый наконечник стрелы, бронзовые ножи, а также костяной псалий. Наконечник стрелы относится к втульчатым лавролистным, являющимся ведущей формой наконечников стрел эпохи бронзы, родиной которых считается территория, заселенная андроновцами [13, с.81]. Он аналогичен наконечнику из могильника Жаман-Узен II [14, с.III, рис.2-1], который соотносится с наконечниками поселения Петровка II и могильника Айшрак и относится к предалакульскому хронологическому горизонту, датируемому в пределах ХУП-ХVI вв. до н.э. [13, с.22]. Ножи находят аналогии на памятниках петровского типа Северного Казахстана [15, с.58, рис. 5-16] и Зауралья [15, с.58, рис.3-17]. Подобные ножи считаются характерными для андроновской культуры [16, с.35-36]. Костяные псалии широко распространены в степях Евразии и датируются ХVI в. до н.э. [17, с.94] или несколько ранее [16, с.42-43].

Среднеалакульские памятники датируются серией ножей. Листовидные ножи с выделенной рукоятью появляются еще в энеолитическое время [18, с.122, рис. 34-8] и, вероятно, предшествуют ножам "срубного" типа, некоторое время сосуществуют с ними, доживая до алакульского времени [19, с.35, рис.6-3]. Нож с перехватом аналогичен ножам "срубного" типа, которые исследователи датируют ХУ-ХШ вв. до н.э. [20, с.322; 21, с.75; 22, с.103; 23, с.206].

Памятники позднеалакульской группы датируются ланцетовидным наконечником, втоком, висолобушным топором. Ланцетовидные черешковые наконечники считаются характерными для федоровских памятников и датируются ХIV-ХП вв. до н.э. [24, с.34]. Вток с

поселения Майоровка аналогичен входу с Федоровского поселения Усть-Кенетай [25, с.10, рис.4-10]. Вислообушные топоры появляются в середине II тысячелетия до н.э. [21, с.63] и доживают до XII-IX вв. до н.э. [14, с.10]. Единичный экземпляр вислообушного топора предполагает относительно позднее появление его в Центральном Казахстане, вероятно, с севера.

Хронологические рамки алакульской культуры Центрального Казахстана охватывают вторую половину XVP - первую половину XIII вв. до н.э.: раннеалакульская группа памятников - вторая половина XVP-XVI вв. до н.э., среднеалакульская - XV-первая половина XIX вв. до н.э., позднеалакульская - вторая половина XIX-первая половина XIII вв. до н.э.

1. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис.... канд.ист.наук. - Л., 1953.
2. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966.
3. Рыков П.С. Работы в совхозе "Гигант" (Караганда) // Археологические исследования академии на новостройках в 1932-1933гг. М.-Л.: Известия ГАИМК. - 1933. - Т.2, вып.110.
4. Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // АО, 1980. - М.: Наука, 1981.
5. Ткачев А.А. Раскопки могильника Нуртай. // АО, 1980. - М.: Наука, 1981.
6. Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // АО, 1978. - М.: Наука, 1979.
7. Евдокимов В.В. Исследование отряда Карагандинского университета. // АО, 1979. - М.: Наука, 1980.
8. Евдокимов В.В. Исследования в Карагандинской области. // АО, 1981. - М.: Наука, 1983.
9. Телегина Т.В. Раскопки могильника Майтан. // АО, 1982. - М.: Наука, 1984.
10. Ткачев А.А. Погребальный обряд могильника Майтан // Матер. конф. "молодые ученые и специалисты - ускорению научно-технического прогресса". - Караганда, 1985.
11. Ткачев А.А. Исследования Карагандинского музея. // АО, 1982. - М.: Наука, 1984.
12. Ткачев А.А. Раскопки поселения Майоровка // АО, 1983. - М.: Наука, 1985.
13. Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Дис.... канд.ист.наук. - Л., 1974.
14. Аванесова Н.А. Жаман-Узен II - атауский могильник Центрального Казахстана. - КСИА. - 1975. - Вып.142.

15. Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983.
16. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М.: Наука, 1977.
17. Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов. - Киев, 1975. - Ч. I.
18. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982.
19. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. - М.: Наука, 1972.
20. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М.: Наука, 1967.
21. Тихонов В.Т. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. - МИА. - 1960. - №90.
22. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. - М.: Наука, 1970.
23. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобьедья. - М.: Наука, 1985.
24. Аванесова Н.А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // МАУ. - 1975.
25. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. - Караганда, 1982.

А.Ю.Чиндин

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ
ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

В последнее время при определении относительной хронологии памятников исследователи все чаще прибегают к сравнительно-статистическому анализу керамических комплексов [1; 2, с.93-138; 3; 4, с.39-40] и др.

В работе предпринята попытка на основе сравнительно-статистического анализа керамики определить позицию шести могильников эпохи развитой бронзы относительно друг друга, а затем с учетом абсолютных дат установить относительную хронологию этих памятников. Для этой цели были взяты керамические комплексы с малой количественной выборкой (менее ста сосудов в каждом) из могильников Нуркен, Копа, Копа I, Бозинген, Сатап, Ащи-Озек, расположенных в одном микрорайоне, - предгорье Каркаралинских и Кентских горных массивов, по берегам р.Жарлы, Копа, Талды, Ащи-Озек, на территории Каркаралинского и Талдинского районов Карагандинской области. Памятники исследованы археологической экспедицией Карагандинского государственного университета в 1978-1981 гг. [5; 6 с.431-432; 7; с.434; 8].

Для статистической обработки отобраны фрагменты от 209-ти сосудов в том числе: из могильника Нуркен - 31 сосуд (20 горшечной, 11 баночной формы), Копа - 27 сосудов (11 горшечной, 14 баночной, 2 чашевидной формы), Копа I - 23 сосуда (9 горшечной, 14 баночной формы), Сатап - 29 сосудов (23 горшечной, 6 баночной формы), Ащи-Озек - 23 сосуда (10 горшечной, 13 баночной формы), Бозинген - 76 сосудов (38 горшечной, 36 баночной и 2 чашевидной формы). Керамика обрабатывалась по сокращенной программе В.Ф.Гунинга [9, с.114-136] с некоторыми корректировками, обусловленными спецификой обрабатываемого материала, по следующим признакам: форма сосудов, венчика, диаметр по венчику, наличие или отсутствие двойной шейки, ребра, уступчика, цвет внешней и внутренней поверхности сосуда, излома, наличие или отсутствие орнаментационных элементов орнамента по шейке, "композиции"^{жк} элементов орнамента по шейке, элементы орнамента по верху тулова, "композиции" элементов орнамента по верху тулова^{жк}

^{жк}Под композицией понимаем совокупность всех элементов орнамента, представленных на той или иной части сосуда

^{жк}Из статистического анализа исключена категория Т-технология приготовления

Учитывая малочисленность серий, используемых для статистической обработки, был введен доверительный интервал [10, с.178] и подсчитан минимальный и максимальный проценты. Среднеарифметические коэффициенты парного сходства вычислялись по минимальным, средним и максимальным процентным показателям .

Т а б л и ц а I
Коэффициенты парного сходства керамических комплексов

Могильники	Среднеарифметические коэффициенты парного сходства		
	миним.	средний	максималън.
Бозинген-Сатан (Б-С)	52,12	67,61	80,98
Бозинген-Ащи-Озек (Б-АО)	56,36	72,07	87,51
Бозинген-Нуркен (Б-Н)	50,02	63,25	76,76
Бозинген-Копа (Б-К)	42,67	56,74	70,43
Бозинген-Копа I (Б-КИ)	43,72	57,88	71,73
Сатан-Ащи-Озек (С-АО)	43,19	59,67	75,79
Сатан-Нуркен (С-Н)	43,88	59,23	75,18
Сатан-Копа (С-К)	37,85	53,80	69,78
Сатан-Копа I (С-КИ)	46,88	59,75	76,64
Ащи-Озек-Нуркен (АО-Н)	50,14	65,42	80,49
Ащи-Озек-Копа (АО-К)	41,58	58,18	75,69
Ащи-Озек-Копа I (АО-КИ)	41,29	55,79	70,61
Нуркен-Копа (Н-К)	46,98	65,40	82,84
Нуркен-Копа (Н-КИ)	43,92	59,40	75,20
Копа-Копа I (К-КИ)	46,31	63,00	79,47

После процедуры упорядочения были получены следующие ряды:

по минимальным показателям

Б	КИ	АО	Н	К
С-52,12	46,88	<u>43,19</u>	<u>43,88</u>	37,85
Н	АО	КИ	Б	С
К-46,98	<u>41,58</u>	<u>46,31</u>	<u>42,67</u>	37,85

по средним показателям

Б	КІ	АО	Н	К
С-67,6І	59,75	59,67	59,23	53,80
Н	АО	КІ	Б	С
К-65,40	<u>58,18</u>	<u>63,00</u>	56,74	53,80

по максимальным показателям

Б	КІ	АО	Н	К
С-80,98	76,64	75,79	75,18	69,78
Н	АО	КІ	Б	С
К-82,84	<u>75,69</u>	<u>79,47</u>	70,43	69,78

Как видим, позиции памятников в средней части ряда могут меняться. Неизменными остаются позиции мог.Сатан и Копа.

Исходя из того, что даже чисто визуально по конструкции погребальных сооружений, погребальному обряду и инвентарю могилники Сатан, Нуркен, Копа, Копа I, Ащи-Озек и Бозинген относятся к кругу памятников алакульского типа (см. рис.), была поставлена задача выяснить долю алакульских признаков в керамике каждого из шести памятников. В качестве алакульских автор вслед за [12, с.14], выделил с учетом местных особенностей следующие признаки: наличие ребра или уступчика при переходе от шейки к тулову, резной техники орнаментации, горизонтальных линий, треугольников, зигзагов в орнаментике. Оказалось, что наибольший усредненный процент алакульских признаков содержится в керамике мог.Сатан, а наименьший - в мог.Копа (табл.2). Если же учесть федоровские признаки (под которыми мы понимаем наличие плавной профилировки горшковидных сосудов, гребенчатого штампа, треугольных вдавлений, зигзагового меандра и косоугольных треугольников в орнаментике), то получим обратную картину: наименьший усредненный процент федоровских признаков в керамике мог.Сатан, наибольший - в мог.Копа (табл.3). Причем положения могильников по средним, минимальным и максимальным показателям практически не меняются (за исключением позиций мог.Ащи-Озек, Бозинген, Нуркен по минимальным показателям алакульских признаков, и мог.Бозинген, Копа I-по минимальным показателям федоровских признаков).

В результате проведенного анализа получены следующие выводы. Самым ранним является мог.Сатан, затем плотной группой следуют мог.Бозинген, Ащи-Озек, Копа I, Нуркен, самым поздним - мог.Копа. Этому не противоречат и абсолютные даты, полученные по датированным вещам из мог.Сатан, Бозинген, Нуркен (II).

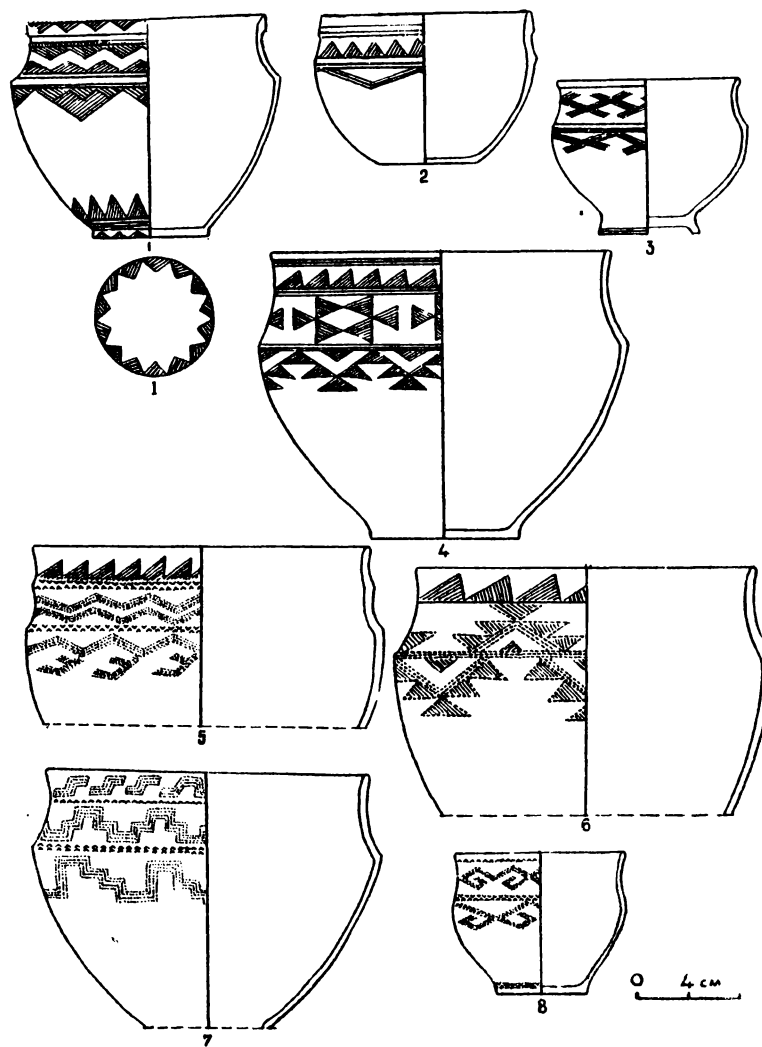

Рис. Керамика из могильников:

- 1,2 - мог. Сатан;
- 3,4 - мог. Бозинген;
- 5 - мог. Нуркен;
- 6 - мог. Аши-Озек;
- 7,8 - мог. Копя

Таким образом, выделенные признаки позволяют установить относительную хронологию могильников, расположенных в одном регионе, что особенно важно в тех случаях, когда в памятниках отсутствуют датирующие вещи. Для сравнительно-статистического анализа керамических комплексов с малыми количественными выборками, по всей видимости, достаточно процентных показателей без доверительного интервала, так как он (по нашим наблюдениям) не вносит существенных поправок в конечный результат.

1. Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья: Дис...канд.ист.наук.-М.: ИА АН СССР, 1975.
2. Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье// Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. - Ижевск: Удмуртск.ун-т, 1977.
3. Евдокимов В.В. Народонаселение Степного Приоболья в эпоху бронзы. Дис... канд.ист.наук. - Киев:ИА АН УССР, 1984.
4. Чиндин А.Ю. Относительная хронология алакульских могильников Каркаралинско-Кентского региона// Региональн.научно-практ. конф. "Молодые ученые и специалисты - ускорению научно-технического прогресса"// Тезисы докладов и сообщений. - Караганда: Изд.КарГУ, 1985.
5. Евдокимов В.В. Отчет об археологических исследованиях Карагандинского археологического отряда в 1978 году / Архив ЛИА КарГУ.
6. Евдокимов В.В. Исследования отряда Карагандинского университета // АО - 1979. - М.: Наука, 1980.
7. Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // АО - 1980.- М.: Наука, 1981.
8. Евдокимов В.В. Отчет об археологических исследованиях Карагандинского археологического отряда летом 1981 г. на территории Карагандинской области / Архив ЛИА КарГУ.
9. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА - 1973, -№1.
10. Писларий А.А., Пожидаев В.Ф. О применении метода процентных соотношений// Методологические и методические вопросы археологии. - Киев: Наук.думка, 1982.
11. Ткачев А.А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана. - См.наст.сборник.
12. Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА - 1983. - №2.

Э.Р.Усманова

К ВОПРОСУ О БИРИТУАЛИЗМЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
ПЛЕМЕН АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ САРЫ-АРКИ*

Для племен андроновской культурно-исторической общности характерны два способа обращения с умершими: трупосожжение и трупоположение. К.В.Сальников, выделивший в свое время два хронологических этапа андроновской культуры (Федоровский и алакульский), различал их по способу захоронения умершего. Федоровский этап – сожжение, алакульский – положение умершего. Алакульские могильники с отдельными случаями кремации исследователь отнес к переходным [1, с.114]. Между тем в могильниках Центрального Казахстана неоднократно устанавливался факт сосуществования ингумации и кремации. Однако "ни один из исследователей этих памятников не привел каких-либо аргументов, опровергающих или даже ставящих под сомнение одновременность смешанного обряда" [2, с.37]. Открытие новых погребальных комплексов, анализ их в семиотическом ключе позволили конкретизировать ситуацию биритуализма в погребальном обряде андроновского времени племен Сары-Арки.

Для большинства могильников федоровской культуры Центрального Казахстана отмечен факт сосуществования кремации и ингумации (см.табл.).

Из данных таблицы видно, что погребения с кремацией составляют около 56 % от общего количества. Таким образом, для погребального обряда федоровской культуры характерно почти равное процентное соотношение кремации и ингумации. Иная картина наблюдается для алакульского погребального обряда. Для него четко определен ведущий способ захоронения – трупоположение. Могильники, где зафиксирован биритуализм, составляют 15 % от общего количества алакульских памятников, т.к. археологическое исследование многих могильников совершено лишь выборочно, фрагментарно. Количество вскрытых построек часто составляют 3-5 % от общего числа их в некрополе. Но фиксация кремации еще не означает факта его отсутствия в целом. Так например, на могильнике Майтан (раскопан на 80%) погребения с кремацией были обнаружены только на второй год работы. Вероятно, есть большая доля случайного в нахождении альтернативного способа захоронения при работе с малой количественной выборкой погребений. Несмотря на относительность исследования, ве-

*Под биритуализмом мы понимаем сосуществование двух способов обращения с умершими (кремация и ингумация) в погребальном обряде; по факту фиксации: а) в одной могиле, б) в одной ограде, в) в одном погребальном сооружении с пристройками или кургане

Т а б л и ц а
Количество погребений с ингумацией и кремацией

Могильники	Кол-во погреб.	Крема-ция	Ингума-ция
Федоровские			
Бугулы	15	13	
Байбала	2	1	
Канаттас	8	7	
Ботакара	7	1	
Акимбек	10	1	
Боровое	27	19	
Биырек-Коль	9	2	
Беласар	1	5	
Уйтас-Айдос	14	12	
Итого	105	59	
Алакульско-федоровские			
Акмола	18	2	
Сангру	17	11	
Котанэмель	7	1	
Жиланды	11	4	
Итого	53	18	
Алакульские			
Шет	27		24
Енбек-Суйгум	13		10
Балыкты	17		6
Бозинген	60		58
Майтан	153		147
Бегазы	18		16
Айшрак	23		22
Ак-Мустафа	24		22
Итого	335		315

лучим способом захоронения для алакульских памятников по общей выборке остается труположение (см. табл.).

Трупосожжение составляет лишь 6 % (от общего количества могильников, где отмечено сосуществование двух способов). Среди андроновских могильников Сары-Арки есть такие, в которых имеется посуда алакульского и федоровского облика. Исследователи, как правило, относят их к переходному этапу между культурами. Таких могильников известно 4. Причем в могильнике Жиланды оба способа захоронения присутствуют в одной погребальной камере (ограда 2)

[2, с.28]. Проще всего объяснить факт сосуществования двух способов, исходя из позиций культур в хронологической шкале:

культуры синхронны – кремация и ингумация могли быть результатом инфильтрации одних племен в обрядовую практику других;

культуры генетически связаны – ритуал кремации продолжает традиции предыдущего погребального обряда.

На наш взгляд, такое объяснение однозначно. Исследователи обрядовой жизни народов рассматривают обряд как сумму постоянных стереотипных действий, отражающих определенную мировоззренческую основу [3, с.23, 41]. Обрядовая идея закрепляется и передается системой действий, которые большей частью имеют предметно-знаковое оформление. Это закрепление возможно только при повторении и последующем постоянстве ритуальных действий. Отсюда консерватизм и традиционность многих ритуалов. Таким образом, погребальный обряд можно рассматривать как знаково-символическую систему действий, направленную по отношению к умершему. Как явлению семиотического характера погребальному обряду присущ своей специфической языковой "текст" [4, с.103; 5, с.31]. Разбивая обрядовый текст на буквы-элементы^ж, определяя характер их взаимосвязи, можно частично определить семантическое содержание обряда. Системообразующим элементом в погребальном обряде является сам погребенный. Знаково-символическое оформление опоса обращения с умершим – один из основных элементов в структуре текста. Следовательно, характер взаимосвязи буквы – элемента (способ обращения с умершим) с другими элементами войдет в инвариант структуры погребального обряда.

Для федоровского и алакульского обрядов при почти идентичном наборе первичных элементов характерны разные способы кодирования обрядового текста. Корреляция элементов погребального обряда со способом захоронения установила, что на алакульских памятниках кремация встречается в двух случаях: в сочетании с ингумацией, как правило, в семейных многокамерных оградах (мог.Бозинген, курган 24; Майтан, ограда II и др.) [7] и в неординарных оградах (в них отмечаются дополнительные или особые архитектурные и ритуальные детали: тройные ящики, двойные ограды, большое количество жертвенников (мог.Майтан, ограда 15 д, ограда 39; мог.Шет, ограда 3) [7, 8]).

В погребальном обряде федоровской культуры не отдается предпочтение ни одному из способов. Они равнозначны, встречаются в ординарных и неординарных оградах. Для смешанных могильников кремация чаще всего фиксируется с ингумацией в одной ограде (мог.

^жРяд букв утрачен ввиду специфики археологического артефакта

Жиланды, ограда 2; Сангру, ограда 1) [2, с.28,9,100]. По способу взаимосвязи они стоят ближе к алакульским памятникам.

Таким образом, биритуализм характерен для обеих культур андроновской культурно-исторической общности степей Казахского мелкосопочника. Различные способы кодирования элементов в обрядовый текст указывают на возможные разные варианты семантического прочтения текстов в обрядах двух культур. Сосуществование кремации и ингумации в ареале распространения культур андроновской общности неоднократно отмечалось исследователями [10, с.103; 11, с.13]. Этнокультурные типологические параллели по феномену биритуализма многочисленны. Расцвет кремации в обряде западноевропейских культур относят к эпохе бронзы [12, с.38]. Сосуществование обоих ритуалов отмечается практически у всех индоевропейских народов. У древних греков кремация была так же распространена, как и ингумация [13, с.77]. В Италии начало бытования кремации связывают с появлением арийских племен [14, с.128]. О трупосожжении и трупоположении упоминают законы 12-ти таблиц. Причем умерших младенцев и мальчиков, не подвергшихся инициации, только погребали [13, с.77]. Сожжение отмечается у кельтов, тевтонцев, славян, хотя приоритет принадлежал ингумации [15, с.628]. Два способа обращения с умершим характерны для погребального обряда языческой Скандинавии [16, с.7]. Кремация наиболее обычный способ похорон у индийцев с ведических времен до сегодняшнего дня. Однако в разделе (X,14,15) Ригведы указывается, "что на небе пребывают как сожженные, так и несожженные" [17, с.103]. В Индии в ходе развития погребального обряда ингумация постепенно уступает место кремации. Дети, умершие до возраста посвящения, аскеты, беременные женщины, девочки не сжигаются [18, с.193].

Выяснить первопричину появления биритуальности, по всей видимости, невозможно. Погребальный обряд является связующим звеном двух противоположных офер (жизни и смерти), поэтому естественным будет наличие двух бинарных универсалий в системе обряда. Использование универсалий в построении знаковых систем характерно для всех примитивных обществ [19, с.277]. Вероятно, что биритуализм в составе набора бинарных различительных признаков "восходит к глобальной классификационной системе, основывающейся на дуальном принципе" [20, с.101] и тот или иной способ погребения совершался, исходя из личности умершего. Текст обряда должен был нести информацию о главным действующем лице обряда. Пожалуй, дифференцированный подход к умершему уже наглядно проявился в погребальном культе обеих культур андроновской общности. Способы обращения с

умершие были зачастую различными, в зависимости от возраста, пола, общественного положения умершего, от рода смерти и других обстоятельств [21, с.168; II, с.14]. Между тем не следует считать, что биритуализм в форме кремации и ингумации – единственная повсеместная универсалия. "Различные народы могли избирать в качестве противоположных членов оппозиции самые разнообразные признаки" [20, с.101].

Для племен андроновского времени Сары-Арки (XVII-XIII вв. до н.э.) способ обращения с умершим далеко не только хронологический показатель. Прежде всего это сакральная позиция умершего в знаково-символической системе погребального обряда. Об этой культурологической значимости обряда мы зачастую забываем, переключаясь на проблему периодизации. Вероятно, решение многих вопросов, связанных с установлением временной ниши для каждой культуры, зависит от разработки критерия культурно-хронологического определителя в андроновском погребальном обряде.

1. Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // ИА. - 1951. - №2.
2. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. - Алма-Ата: Наука, 1974.
3. Угринович Д.М. Обряды за и против. - М.: Политиздат, 1975.
4. Иванов В.В., Топоров В.Н. Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте // ТЗС. - Тарту: Изд.Тарт. ун-та, 1977. - Вып.411.
5. Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // ТЗС. - Тарту: Изд.Тарт.ун-та, 1967. - Вып.198.
6. Евдокимов В.В. Отчет об исследованиях археологического отряда летом 1979 г. / Архив ЛАИ. - Караганда.
7. Ткачев А.А. О проведении охранных раскопок в Карагандинской области в 1984 г. - Караганда, 1985 / Архив Карагандинск. обл. музея. Отдел. арх.
8. Научный отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1979 год / Арх.отд. арх. ИИАЭ АН КазССР, ф.1, д.388.
9. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966.
10. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. - Л.: Наука, 1978.
11. Хлобыстина М.Д. К вопросу о "биритуальных" обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. - Кемерово, 1976.
12. Дикват К.К. Введение в археологию. М., 1960.

13. Вейс Г. Внешний быт народов с древности до наших дней. М., 1974.
14. Модестов В.И. Введение в Римскую историю. - Спб. - 1902.
15. *Keith A. Religion and philosophy of Veda Upanishad.* - Oxford, 1925.
16. Петрухин В.Я. Погребальный культ языческой Скандинавии: Дис....канд.ист.наук: М.: МГУ, 1975.
17. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы Южного Таджикистана. - МИА. - 1968. - №145.
18. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). - М.: Наука, 1982.
19. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. - М.: Наука, 1974.
20. Милетинский Е.М., Неклюдов С.Ю. Проблемы структурного описания волшебной сказки. - ТЭС. - Тарту: Изд.Тарт.ун-та, 1969.- Вып.236.
21. Токарев С.А. Ранние формы религии. - М.: Наука, 1964.

И.В.Рудковский

АНДРОНОВСКИЙ ОРНАМЕНТ КАК СИСТЕМА

В подавляющем большинстве случаев глазомерная оценка орнамента практически безошибочно позволяет отнести его к определенной археологической культуре либо на его же основе выделить новую. Однако далеко не все вопросы археологического исследования могут решаться на подобном уровне. Одним из важнейших направлений в повышении информативности орнамента является разработка вопросов структуры и на этой основе определение орнамента как системы знаков и их устойчивых взаимоотношений.

Общим вопросам структурной организации орнаментов посвящена обширная литература [1, 2, 3, 4]. Однако результаты этих, безусловно, важных исследований недостаточны для работы с оригинальными орнаментальными традициями (в частности, с археологическими). Тем не менее именно эти разработки послужили стимулом для более углубленного анализа такого яркого явления, как андроновский орнамент. Если при разработке структуры в работе использованы принципы общей теории симметрии (ОТС), то в самом общем виде андроновский орнамент рассматривается с позиции семиотики, то есть как особая знаковая система [5, с.601]. В последнем случае орнамент логично выглядит как трехчастная система ин-

формационных слоев - семантического, синтаксического и прагматического. Наиболее перспективным выглядит синтаксический слой, так как андроновские орнаментальные "тексты" имеются в достаточно большом количестве, чтобы поставить вопрос о реконструкции формальной грамматики андроновского орнамента.

Поскольку статья посвящена орнаменту, нельзя будет обойтись без пояснения отношения автора к терминологической номенклатуре, существующей как в археологии, так и в других науках.

Орнамент. Значение этого термина в разных системах толкования различно. Так, в системе ОТС орнамент следует рассматривать как рисунок или иное образование из чередующихся одинаковых фигур или групп фигур, построенных на основе одной из пяти плоских решеток [3, с.38; 4, с.30]. В обиходном значении (которого придерживаются и в археологии) это декоративное украшение в целом, однако в андроновском орнаменте (в обиходном смысле) чаще всего представляет собой систему бордюров (в строгом смысле) [3, с.37; 4, с.27]. Думается, что термин "орнамент" может использоваться в любом случае, кроме тех, когда автор имеет в виду с о б с т в е н н о орнамент или бордюр, то есть совершенно конкретную структуру.

Мотив, элемент. Объединение этих терминов в блок не случайно. В археологической литературе термину элемент порог¹ придается буквально элементарное значение [6, с.77; 7, с.41], мотив же выступает как более сложное явление. В системе ОТС мотив является наименьшим знаком [4, с.31], а по приведенной археологической литературе соответствует бордюру в ОТС. Кроме того, в сводных таблицах археологических орнаментов зачастую вводятся под названием "элемент орнамента" фигуры слишком различные по структурной организации [8, с.27]². Но проблема чаще всего не в терминологии. Под разными названиями фигурируют объективно существующие моменты структурной организации. Если проблема возникает по существу, то она объясняется отсутствием дифференцированного подхода к у р о в н я м структурной организации. К примеру, понятие элементарности всегда относительно. В андроновском орнаменте единичный оттиск или прочерк элементарен и более сложной фигуре, та в свою очередь элементарна по отношению к бордюру или собственно орнаменту.³ Допустимо сказать, что устоявшееся представление об элементе орнамента - наибольшая повторяемая фигура в ряде бордюра или собственно орнамента

менту, последние элементарны по отношению к общей композиции, орнаменту в целом, который элементарен к группе сосудов памятников и т.д. В связи с этим наблюдением в андроновском орнаменте возможна предельная терминологическая унификация, основывающаяся именно на свойстве относительной элементарности любых орнаментальных образований. Для всех этих образований предлагается базовый термин "модуль", суммарное значение которого [9, с.317] может быть сведено (применительно к орнаменту) к следующему - фигура, неизменная при любых преобразованиях. Как уже отмечалось, в сводные таблицы нередко включаются разноструктурные фигуры. В предлагаемой таблице орнаментальных модулей за основу выделения типов был взят тот факт, что все фигуры андроновского орнамента подразделяются на одномерные, двумерные, дискретные и непрерывные.

ТИПЫ МОДУЛЕЙ	ПРИМЕРЫ ТИПОВ МОДУЛЕЙ
1	
2	
3	
4	
5	

Рис. I. Типы андроновских орнаментальных модулей

1-й тип модулей - дискретные в ряде бордюра или собственно орнамента одномерно или условно точечные образования: отрезки разнонаклонных прямых линий, разного рода оттиски и вдавления.

2-й тип модулей - непрерывные в ряде бордюра или собственно орнамента одномерные образования: зигзаги, каннелюры, сплошные замкнутые по периметру линии и т.д.

3-й тип модулей - непрерывные в ряде бордюра или собственно

но орнамента двумерные образования^{*}: ряды сомкнутых треугольников, ромбов и пр.

4-й тип модулей - дискретные в ряде бордюра или собственно орнамента двумерные образования: треугольники, ромбы, "уточки" и пр.

5-й тип модулей - усложненные образования, состоящие из нескольких модулей одного или нескольких типов.

Одним из основных свойств орнаментальных модулей является способность их выступать как самостоятельными элементами орнамента, композиции, так и их составными частями.

Выделенные типы модулей позволяют проводить анализ орнамента на более высоком уровне. Но возможно еще более дифференцировать структуру, выделив конечное количество исходных модулей, на основе которых могут быть построены практически все андроновские орнаменты. За основу этих исходных модулей взята прежде всего группа орнаментальных модулей второго типа, представляющая собой всевозможные зигзаги. На первый взгляд видов зигзагов может быть необозримое множество. Так оно в сущности и есть, но они укладываются в предельное количество типов (не превышает 16), которые в свою очередь делятся на семь групп. В основе каждой из групп лежит инвариант-треугольник^{**} (рис.2)

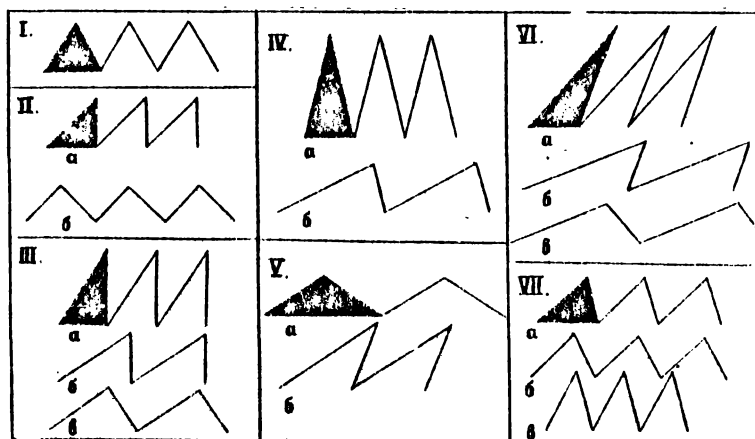

Рис.2. Типы треугольников и построенные на их основе зигзаго-
вые модули

^{*} Все двумерные фигуры в андроновском орнаменте обязательно за-
полнены либо штриховкой, либо иным образом.

^{**} Треугольники всех видов делятся на 7 типов.

I-й инвариант-треугольник - равносторонний. В преобразованиях, при которых одна из сторон обязательно параллельна оси переносов, получаем только один зигзаг, представляющий I-ю группу и I-й тип зигзаговых модулей.

II-й инвариант-треугольник - равнобедренный, прямоугольный. При уже известных преобразованиях получаем на его основе два зигзага, представляющие II-ю группу и типы IIa и IIб.

III-й инвариант-треугольник - прямоугольный, разносторонний. На его основе получаются три зигзага, которые составляют III-ю группу и типы IIIa, IIIб, IIIв.

IV-й инвариант-треугольник - равнобедренный, остроугольный с верхним углом $\neq 60^\circ$. На его основе получаются два зигзага, составляющие IV-ю группу и типы IVa и IVб.

V-й инвариант-треугольник - равнобедренный с верхним углом более 90° . На его основе получаются два зигзага, составляющие V-ю группу и типы Va и Vб.

VI-й инвариант-треугольник - разносторонний с одним из углов более 90° . На его основе получаются три зигзага, составляющие VI-ю группу и типы VIa, VIб, VIв.

VII-й инвариант-треугольник - разносторонний, остроугольный. На его основе получаются три зигзага, составляющие VII-ю группу и типы VIIa, VIIб, VIIв.

Все 16 типов зигзаговых модулей представлены в андроновских орнаментах (рис.3)^ж. Помимо них в группу исходных модулей включаются орнаментальные модули I-го типа и группа модулей 2-го типа, представляющие собой линии, замкнутые по периметру сосуда. Таким образом, 16 типов зигзаговых модулей, орнаментальные модули I-го типа и упомянутые орнаментальные модули 2-го типа составляют группу и с о д н ы х модулей, на основе которых построены практически все андроновские орнаменты^{жж}.

Определив "алфавит" андроновского орнамента, следует поставить вопрос о способах организации выделенных модулей.

Первый, наиболее известный, принцип структурной организации андроновских орнаментов состоит в делении их на зоны, располагающиеся чаще всего в верхней половине сосуда. Выделяются

^жВ таблице не представлены зигзаговые модули I, IIIa, VIIв, но они есть в орнаментах других андроновских памятников.

^{жж}Встречаются редчайшие исключения в виде, к примеру, своеобразных оттисков фигурных штампов (10, рис.10).

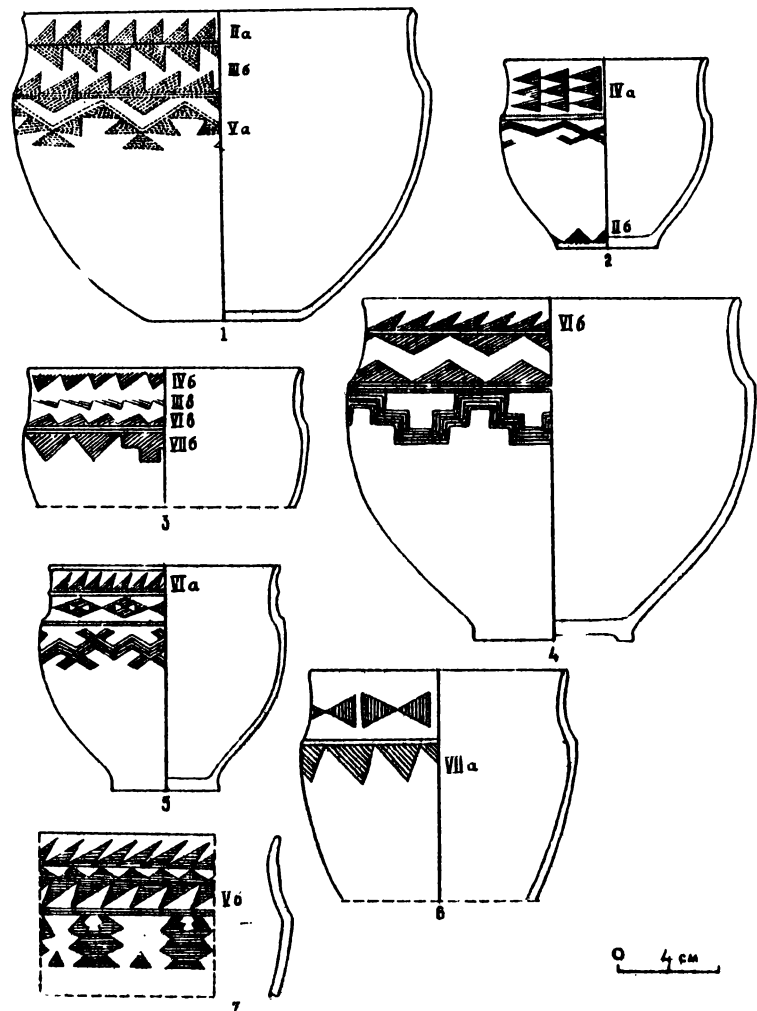

Рис.3. Примеры использования зигзаговых модулей в керамике могильника Майтан*

* Используются материалы А.А.Тячева

три основных типа зонирования. В первом орнаментированы верхние части горловины и тулова, а промежуточная зона остается незаполненной. Такой тип зонирования встречается преимущественно в западных районах распространения андроновской керамики. Второй тип характерен заполнением всех трех зон (верхняя и нижняя половины горловины и верхняя часть тулова) и размещен в основном в центральных районах Казахстана. Третий тип, как таковой, еще не обращал на себя внимания и пока невозможно четко картографировать район его дислокации. Отличается двузонностью: одна из зон традиционно располагается в верхней части тулова, вторая полностью занимает горловину.

Второй известная особенность андроновского орнамента заключается в бордюрной организации элементов орнамента. В зоне, как правило, располагается один бордюр. Эти особенности организации андроновского орнамента долгое время казались исчерпывающими, однако появление сообщения С.В.Зотовой [II, с.177-181] позволило взглянуть на этот вопрос в неожиданном ракурсе. Один из моментов сообщения связан с возможностью использования в андроновском орнаменте в качестве организующего начала плоских решеток. Глубокая идея, к сожалению, не была проработана до конца. Иначе стало бы ясно, что функции решеток по Зотовой не совпадают с функциями плоских решеток, принятых в ОТС [4, с.30]. Зотова рассматривала применение решеток только на "ковровых" орнаментах. Е.Е.Кузьмина попыталась распространить это применение и на другие орнаменты [12, с.167, 171]. Однако ни тот, ни другой подход не выдерживают проверки на конкретном материале. Двумерная решетка в орнаменте не может нести ту функцию, которую ей придает указанные авторы, но даже если на время с ними согласиться, нельзя игнорировать тот установленный факт, что один из основных элементов орнамента - треугольник - может быть инвариантен по отношению к нескольким видам и даже типам решеток. В данном случае тезис, что тот орнамент построен по одной решетке, а этот по другой не имеет смысла.

Тем не менее тема решетки в андроновском орнаменте присутствует, но в опосредованном виде. 16 типов зигзаговых модулей в сущности являются полуабрисами ячеек того или иного вида или типа решеток. На орнаменте в целом, в бордюре и даже элементе орнамента можно увидеть комбинацию нескольких модулей разных

уровней и типов. Простым наложением решетки этот факт не может быть объяснен. Но все встает на свои места, если рассматривать андроновский орнамент как комбинацию выделенных в данной статье исходных модулей.

Следует отметить, что в андроновской системе орнаментации особое место занимает принцип позитив-негативных преобразований [13]. Этот принцип заключается в том, что после нанесения на сосуд исходных модулей образовывалась сложная сеть с ячейками разной конфигурации и от выбора художника (какие ячейки штриховать) зависело какой именно вид примет орнамент. Другими словами, на основе сети исходных модулей можно было получить минимум два орнамента.

Таким образом, все произведенные наблюдения и выводы базируются на андроновском материале независимо от его алакульской или федорьевской принадлежности, его территориальной привязки и хронологической позиции. Это значит, что андроновский орнамент как система в целом не претерпевает изменений во времени на всей территории распространения культуры, что, однако, не свидетельствует об отсутствии хронологических или локальных особенностей. Эти особенности, не выходя за рамки общей системы, характеризуются только количественным освоением данной системы. Открыв перспективу создания сводной грамматики андроновского орнамента, возможно поставить новые проблемы, связанные с прагматикой и палеонсихологией.

Кроме того, совершенно очевидна необходимость дальнейшего изучения андроновского орнамента как системы. Важнейшим этапом в этом плане явится сравнительный анализ всех геометрических орнаментов, хотя бы гипотетически связанных с андроновским.

1. Вейль Г. Симметрия. - М.: Наука, 1968.
2. Шубников А.В., Колпик В.А. Симметрия в науке и искусстве. - М.: Наука, 1972.
3. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. - М.: Мысль, 1974.
4. Тарасов П.В. Этот удивительно симметричный мир. - М.: Просвещение, 1982.
5. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983.

6. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. - Томск: Изд. ТГУ, 1984.
7. Калинина И.В. Системный подход в изучении орнаментации гребенчатой неолитической керамики Прикамья // ВАУ.- 1981. - №15.
8. Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. 1973. - №12
9. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1984.
10. Усманова Э.Р. Охранные археологические раскопки Лисаковского поселения эпохи бронзы на полевой сезон 1986 г.: Отчет 1987 г. / Архив ЛИАИ КарГУ.
11. Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА.- 1965. - №130.
12. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня.- Фрунзе: Илим, 1986.
13. Позитив-негативные преобразования в андроновском орнаменте // Тез. докл. на конф. молод. учен., посвящ. 70-летию Вел. Окт. рев.- Караганда: Изд. КарГУ.

В. В. Варфоломеев

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ КЕНТ

В эпоху поздней бронзы в Сары-Арки сосуществуют две линии развития - бегазы-дандыбаевская и саргаринско-алексеевская. Выделение памятников финальной бронзы в одну бегазы-дандыбаевскую культуру в настоящее время оспаривается многими исследователями [2, с.46-48; 3, с.78; 4, с.87; 5, с.21; 6, с.16, 237]. О двух культурных традициях в Центральном Казахстане и смене позднеандроновского населения пришедшим поволжским с культурой ивановского типа писал М.П.Грязнов [7, с.42].

Памятники с керамикой "валикового" облика образуют в Урало-Казахстанском регионе культуру, получившую название саргаринская [8,9] или алексеевская [10]. В степях Сары-Арки она представлена поселениями Атасу I, Бугулы II, Суук-Булак, Каркаралинское I, II [11, с.201-257], Копа I [12, с.20-41] и др., и четырьмя могильниками - Айдарлы [11, с.183-186, табл.ХУИ], Актопрак [13, с.518-519], Донгал [14], Дермен [15].

Массовый материал, полученный при раскопках поселения Кент в Кентских горах на востоке Казахского мелкосопочника, и страти-

графические наблюдения позволяют наметить хронологическую дифференциацию некоторых керамических комплексов поздней бронзы и соответственно объектов, их содержащих.

Одним из раскопов [16,17] на северной периферии памятника на площади 828 кв.м исследовано 5 жилищ. Постройки 1 и 6 имеют стены из плашмя уложенных плит, 4 и 5 сочетают кладку с вертикальной облицовкой (рис.1). Глубина котлованов, в которых возводились стены жилищ, — до 0,8 м. Размеры сооружений: 1 — 6,5х5,7 м; 4 — 7,5х7,8 м; 5 — 7,5х7,2 м. Жилища 6 и 7 сохранились частично. Для большей части раскопанной площади характерна следующая стратиграфия: дерн — 0-15 см, наносный слой гранитной дресвы рыжеватого оттенка — 15-35, серый зольник — 35-100, зольник бурого цвета — 100-120 см. Для оценки стратиграфической ситуации на этом участке поселения важное значение имеет факт перекрытия делювиальным слоем дресвы всех стратов и жилищ 1, 6, 7. Этот грунт сформировался в результате действия мощных водных потоков, стекавших с сопок и возвышений к северу от поселения*. Увлажнение климата в конце эпохи бронзы в Западной Сибири и Северном Казахстане отмечалось неоднократно [16, с.21-22; 19, с.145-155; 6, с.27-28]. Возможно, для обитателей Кента оно было главной причиной оставления поселка. Однако делювий отсутствует над жилищами 4 и 5, где сразу под дерном фиксировалась темно-серая супесь заполнения котлованов. Он был разрушен при сооружении построек 4 и 5, прорезавших не только наносные отложения, но и золистое заполнение более раннего жилища, от которого сохранился выход в квадрате И9, а также жилища 6 и 7 (рис.1). Постройки 4 и 5 являются наиболее поздними и не связаны во времени с находками из зольника и жилищ 1, 6, 7. Свидетельства подчистки ранних котлованов фиксировались в виде находок саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской керамики, залегавшей под дерном над слоем дресвы вокруг сооружений 4 и 5.

Таким образом, в этой части поселения Кент^{ХХ} отмечено два хронологических горизонта. Как показал планиграфический и стратиграфический анализ залегания керамики, каждому из них соответствуют определенные группы посуды.

Из керамической коллекции Кентского поселения по фрагментам

* Этот слой перекрывает и жилище 2 в северной, самой высокой части поселения.

ХХ Площадь поселения — 150000 кв.м.

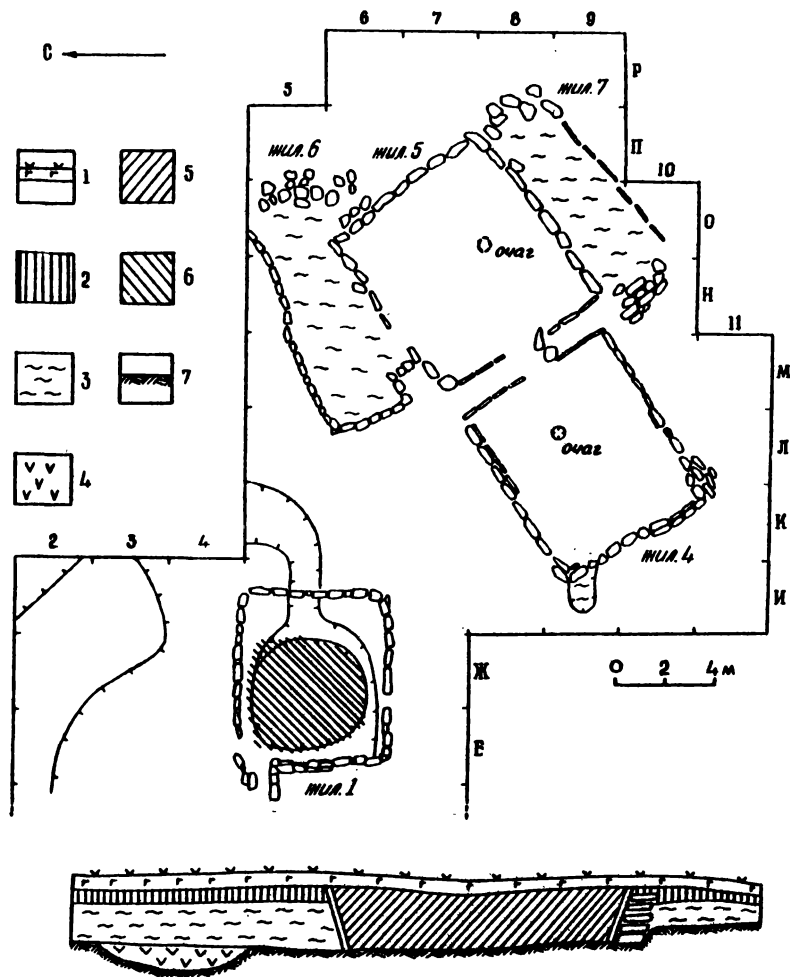

Рис. I. Поселение Кент. План жилищ и схема стратиграфической ситуации. 1- дерн, 2-делювий, 3-серый зольник, 4- бурый зольник, 5-темно-серая суглебя, 6-обмазка пола, 7-материк

шеек было выделено 1314 сосудов, разделенных на 6 групп посуды, отличающихся по типологическим признакам.

Первую, наиболее многочисленную группу - 1200 (91,3 %), сосудов составляет саргаринско-алекоевская керамика. Эта посуда по форме делится на горшки плавной профилировки и с широкой горловиной, с узким горлом, раздутым туловом и широким дном, со слабо выраженной низкой шейкой, с высокой шейкой и уступом на плечике, а также на банки и плоски. Частые элементы орнамента - валик, обычно рассеченный, вдавления, насечки, сетка, шишечки, формовочные или налепные, елочка, зацепы пальцами, перекрещивающиеся отрезки и т.д. (рис.2). Техника нанесения орнамента - резная, плоский штамп, редко - гребенчатый.

Вторая группа - бегазы-дандыбаевская - представлена 58 сосудами (4,4 %) горшечных форм с уплощенным дном или на поддоне. Они орнаментированы по шейке, плечу и верхней части тулова рядами заштрихованных полос и параллелограммов, меандровидными узорами, желобками, оттисками торца трубочки, "подковками", сеткой. Техника выполнения рисунка - гребенчатый или фигурный штамп (рис.3). Эта группа выделена по аналогиям с посудой из могильников Дандыбай [20, с.137-140, рис.5-8], Сангру I, Айбао-Дарасы [1, с.118, рис.87; с.129, рис.98; с.98, рис.105, с.142-146, рис. 107-111] и др.

Третья группа насчитывает 7 экземпляров сосудов (0,5 %). Горшки плавной профилировки с широким устьем и валиком на шейке. Орнамент занимает обычно две трети сосуда и представлен вытянутыми или тупоугольными заштрихованными треугольниками, сгруппированным зигзагом, треугольными вдавлениями под узкими желобками на плечике (рис.4-3). Рисунок гребенчатый, реже - резной. По форме и элементам орнамента эта посуда ближе всего замараевской или межовской [10, с.22, рис.3,6,8; 6, с.55, рис.11,1, с.96, рис.31, 6].

К четвертой отнесена керамика, изготовленная на гончарном круге - 14 сосудов (1,1 %). Фрагменты желтого, серого, красного, черного цветов от горшков с горизонтальным лощением или неангобированных. В двух случаях на шейке отмечены желобки. Реконструирована верхняя часть сосуда большого размера со скошенной придонной частью (рис.4-1). Наблюдается некоторое сходство гончарной керамики Кента с посудой из поселения Кангурт-Тут [21, с.142, рис.9-2] поздней фазы Намазга VI (конец II - начало I тыс.

Рис.2. Поселение Кент. Керамика I группы.

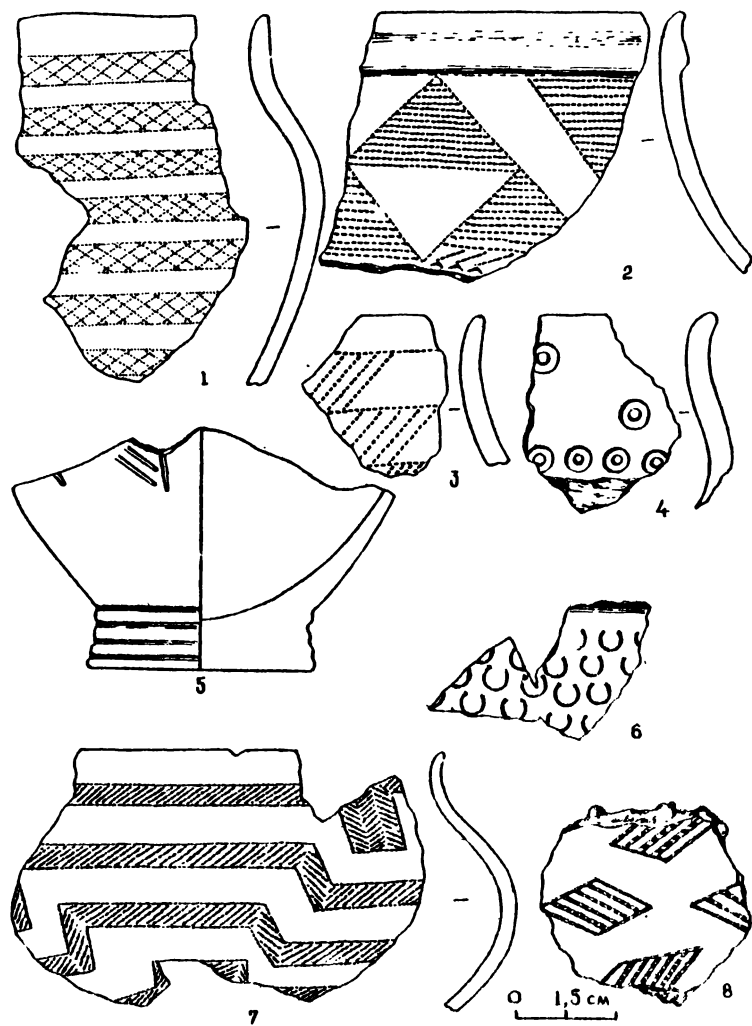

Рис.3. Поселение Кент. Керамика II группы.

до н.э.) [21, с.144]. Фрагментарность коллекции станковой керамики и отсутствие орнамента не позволяют конкретизировать район импорта, находившийся, несомненно, в Средней Азии.

Пятая группа включает фрагменты 35 сосудов (2,7 %) горшечных форм. Популярны элементы орнамента – жемчужины, выдавленные изнутри, узкий валик, рассеченный отрисками палочки, один сосуд украшен наклепными отрезками валика (рис.4-4). Такая же посуда найдена на поселении Донгал и выделена в самостоятельный донгалский тип, завершающий развитие валиковой керамики в Центральном Казахстане [22].

В жилище 4 вместе с донгалскими фрагментами найден сосуд с раздутым туловом, прямой, слегка скошенной наружу шейкой и рассеченным валиком (рис.4-2). От посуды У группы он отличается тонкостенностью, примесями (мелкий песок), желтым цветом. Подобный тип распространен в амирабадских поселениях Каунды I, Базар 3, Якке-Парсан I4 [23, с.163, рис.80,9; с.164, рис.81,7,15; с.171, рис.84, рис.84, 12]. Амирабадский сосуд представляет шестую группу керамики поселения Кент.

Выделенные группы образуют два хронологических комплекса. Ранний объединяет посуду I-IV групп, найденной в зольнике и жилищах 1,6,7. В нижнем буром зольнике залегала только "замараевская" и саргаринская посуда, в сером золистом слое эти группы дополнены бегазы-дандыбаевской и станковой керамикой. Для датировки серого саргаринско-бегазинского зольника из массы костяных, каменных, керамических и металлических предметов привлечены серп-косарь, нож-кинжал с кольцевым упором на рукояти, втульчатый двухлопастной наконечник стрелы, наконечник копья с прорезными крыльями, пряжка с неподвижным язычком и деталь конской сбруи (?) (рис.6). Время бытования этих вещей не выходит за рамки XII-УШ вв. до н.э. [8, с.12; 4, с.95; 24, с.34-36]. Исключения составляют пряжка и принадлежность сбруи, относящиеся, вероятно, к началу I тыс. до н.э. Изделия такого типа известны в памятниках раннего железного века [11, с.317, рис.8,1-6]. Совместное нахождение саргаринской и бегазинской керамики свидетельствует о формировании культурного слоя, ее содержащего, не ранее I тыс. до н.э. Бегазинские памятники датируются X-УШ вв. до н.э. [1, с.58] IX - УШ вв. до н.э. [25, с.117-118, 134] и даже УШ-УП вв. до н.э. [26, с.218]. Нижняя граница существования бегазы-дандыбаевской культуры может быть ограничена рубежом II-I тыс. до н.э. Контакты

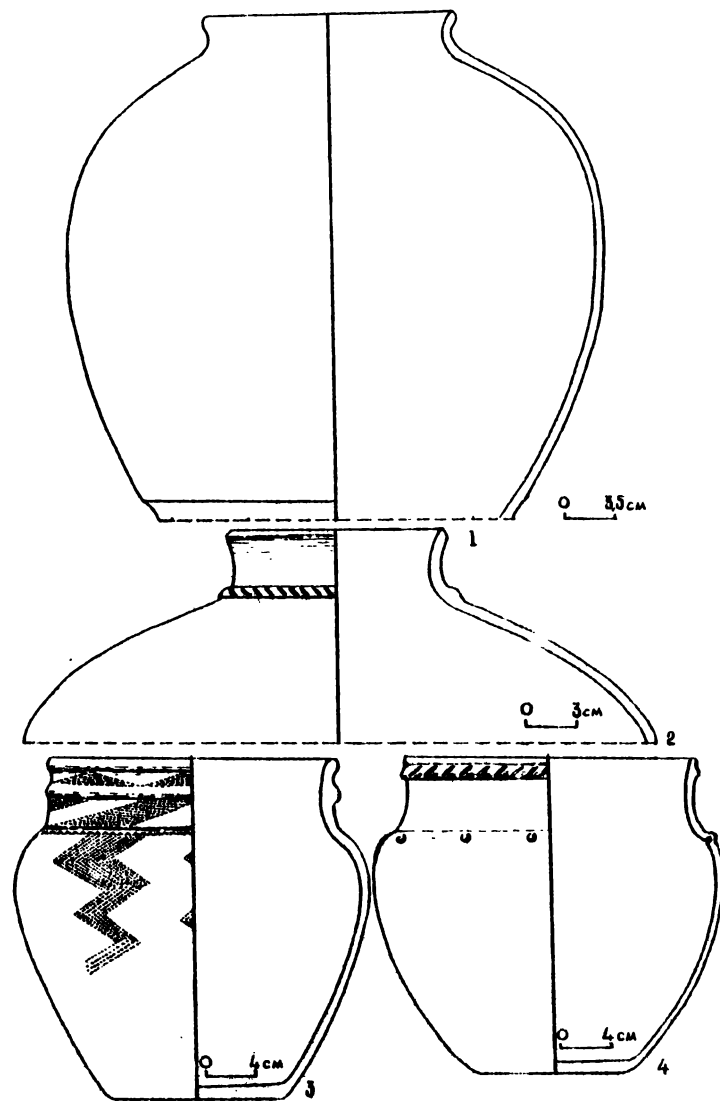

Рис. 4. Поселение Кент. Керамика. 1-группа IV, 2-группа VI, 3-группа III, 4-группа V.

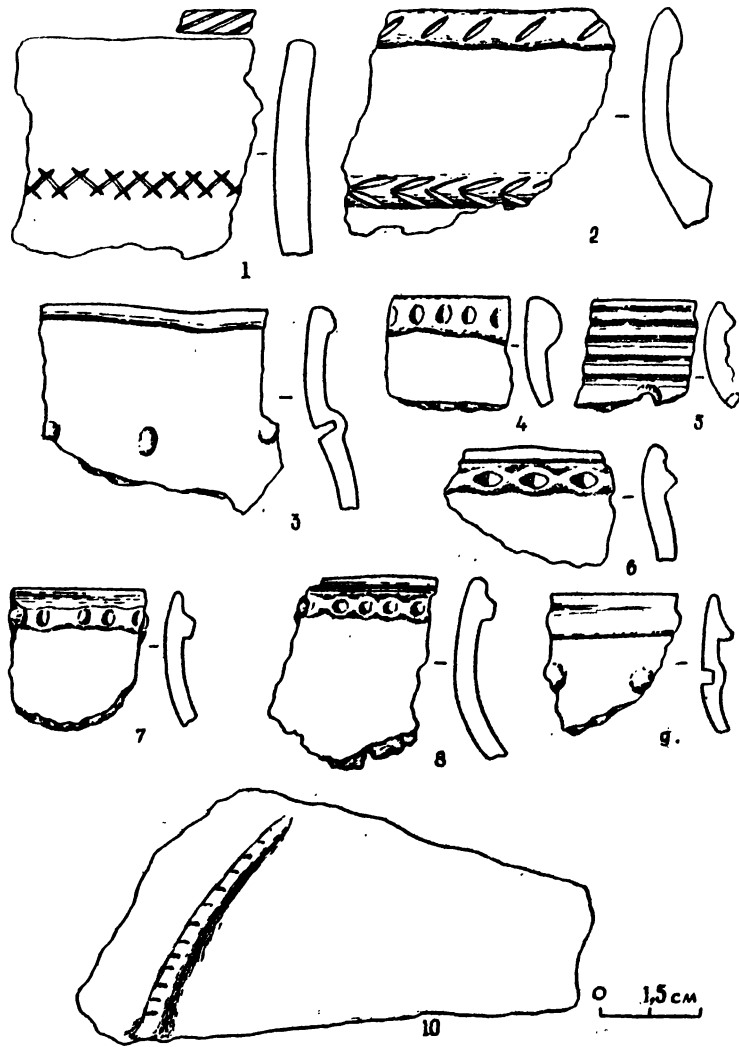

Рис.5. Поселение Кент. Керамика У группы

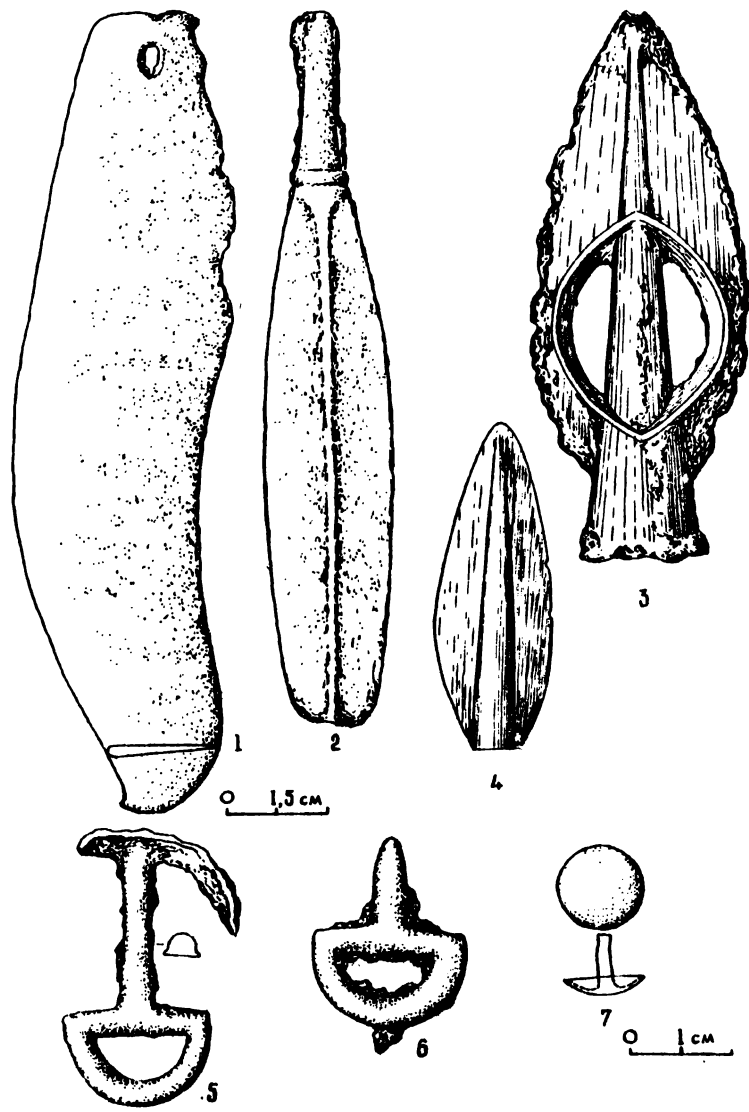

Рис.6. Поселение Кент. Бронзовые изделия.
 1-6 из вольника, 7 из жилища 4

саргаринского и бегазинского населения, фиксируемые на поселениях и могильниках [I, с.91, рис.60; с.131, рис.99; с.147, рис.112; с.194, рис.144; с.204, рис.155], видимо, прекращаются к началу УШ в. до н.э., что подтверждается отсутствием бегазинской керамики в донгальских комплексах [22; I, с.230, рис.174].

Керамика У группы (донгальская) бытовала в УШ-начале УП в. до н.э. и непосредственно предшествовала первому этапу тасмолинской культуры [II, с.311]. Этой дате соответствует и амирабадский импорт [23, с.170].

Группа Ш оставляет впечатление самого раннего комплекса. Не исключено, что эта керамика является результатом взаимодействия чернаскульского и местного компонентов, принявших участие в сложении саргаринской культуры [3, с.74-76].

Среди проблем поздней бронзы Сары-Арки совершенно неразработанной остается тема взаимодействия бегазинского и саргаринского населения. Отметим, что все бегазинские могильники в том или ином количестве содержат саргаринско-алексеевскую керамику и лишь на четырех поселениях найдена посуда типа Бегазы и Дандыбая. Видимо, бегазинско-саргаринские связи возникают на определенной стадии саргаринской культуры и сопровождаются интенсивными ассимиляционными процессами, приведшими к появлению памятников донгальского типа.

В свете новой информации, полученной за годы работ Карагандинской археологической экспедиции, представляется наиболее вероятной следующая схема периодизации саргаринско-алексеевских древностей Центрального Казахстана.

Докентский этап - XI(XII?) в. до н.э. Содержание этого этапа не совсем ясно. Возможно, этим временем датируются поселения Атасу I [I, с.164-184] и Усть-Кенетай [27, с.3-19].

Кентский этап - X-IX вв. до н.э. По набору каменного, костяного и металлического инвентаря близки между собой поселения этого этапа Кент, Шортанды-Булак, Бугулы II [I, с.191-194, 198-215, Мыржики 28, с.535]. В это же время существует бегазы-ландыбаевская культура.

Донгальский этап (УШ - начало УП в. до н.э.) - переходный между эпохой поздней бронзы и тасмолинской культурой. Представлен поселениями Донгал, Кент (поздний слой), Тагибай-Булак [I, с.225-233, Джасыбай I,4 [29, с.60-61].

1. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1979.
2. Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. - 1970. - №122.
3. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд.БГУ, 1983.
4. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд.БГУ, 1983.
5. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд.БГУ, 1984.
6. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. - М.: Наука, 1985.
7. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА - 1970. - №122.
8. Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана / Сб. научн. тр. по гуманитарн. наук. - Караганда: Изд. КарГУ, 1974.
9. Зданович С.Я. Саргаринская культура - заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Дис... канд. ист. наук. М.: Изд. МГУ, 1979.
10. Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА - 1979. - №2.
11. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966.
12. Евдокимов В.В., Ломан В.Г., Поселение Копя I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. - Караганда: Изд. КарГУ, 1982.
13. Ткачева Н.А. Раскопки могильника Актотрак // АО.-1983. - М.: Наука, 1985.
14. Евдокимов В.В. Отчет об исследованиях Карагандинского археологического отряда летом 1983 г. / Архив ЛАИ КарГУ.
15. Евдокимов В.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Карагандинской области в 1986 г. / Архив ЛАИ КарГУ.
16. Варфоломеев В.В. Отчет о работах Кентского археологического отряда в 1985 г. / Архив ЛАИ КарГУ.
17. Варфоломеев В.В. Отчет об археологических работах в 1986 г. - / Архив ЛАИ КарГУ.
18. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981.
19. Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд. БГУ, 1984.
20. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА - 1952. - № XVI.

21. Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. - М.: Наука, 1986.
22. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики. - См. наст. сборник.
23. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. - М.: Наука, 1977.
24. Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. - №90.
25. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. - Алма-Ата: Наука, 1963.
26. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967.
27. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана: Караганда: Изд. КарГУ, 1982.
28. Кадирбаев М.К., Курманкулов Ж.К., Загородний А.С., Сауымбаев С.У., Тлеуов С.Ш. Центрально-Казахстанская экспедиция // АО. - 1978. - М.: Наука, 1979.
29. Варфоломеев В.В. Поселение эпохи бронзы у озера Джасыбай // Тез. докл. научн. конф. молод. уч. ун-та. Караганда: Изд. КарГУ, 1984.

В.В. Евдокимов

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ БРОНЗЫ КУСТАНАЙСКОГО ПРИТОБОЛЯ

В начале восьмидесятых годов нами в рамках алексеевской культуры был выделен загаринский этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья [1, с.35-47]. Ряд исследователей, включая памятники поздней бронзы региона в ареал распространения алексеевской [2, с.261, рис.108] или саргаринской культуры [3, с.70-71, 4, с.6, рис.1], не отмечают при этом своеобразия памятников загаринского этапа, так как не располагают достаточной информацией. Задача настоящей работы - вводить в научный оборот материалы Загаринского поселения, решить вопрос о правомерности выделения заключительного этапа эпохи бронзы региона и так образом конкретизировать периодизацию памятников степной и лесостепной зон Притоболья.

Загаринское поселение находится в 3 км к северо-востоку от

одноименного поселка Загаринка Боровского района Кустанайской области. Расположено на мысе длиной 50, шириной 100, высотой 5-6 м первой надпойменной левобережной террасы. С одной стороны мыса, вдоль реки, тянется пойма с отличными сенокосными угодьями, с другой, пологой стороны, течет ручей, впадающий в р.Тобол. Поверхность мыса задернованная, относительно ровная.

Жилая площадка поселения разрушена котлованами сооружений казахского аула, функционирующего, по словам старожилов, с незапамятных времен по 30-е годы нашего столетия. Лишь на оконечности мыса фиксировались две впадины сооружений овальной формы размером 14,5x8 м, глубиной до 0,4 м. Над одной из впадин был заложен раскоп площадью 430 кв.м (вскрыто жилище, ориентированное по линии ССВ-ЮЮЗ). Котлован жилища подпрямоугольной формы, размером по осевым линиям 24,8x12 м, глубиной в материковом суглинстом слое 0,3-0,4 м. Северная, западная и восточная стенки котлована крутые, а с южной стороны уровень горизонтально идущего пола выклинивается по склону мыса на поверхность. Северо-западный и юго-восточный углы округлые, в северо-восточном углу переход во второе жилище, в юго-восточном - выход (рис.1). Переход между жилищами (длина 1,2, ширина 0,8 м) на 0,1 м углублен в материковый слой. Выход в виде небольшого прямоугольного выступа (1,2x0,9 м) шел со стороны реки. Дно выхода, оказавшегося на склоне террасы, почти с nivelировано с уровнем дна котлована.

На полу жилища зафиксированы 5 очагов, 2 кострища, 4 хозяйственные ямы, 6 зольников. Из них 3 очага и 3 хозяйственные ямы расположены в центральной части южной половины жилища, 2 очага, 2 кострища, 1 хозяйственная яма-зольник - возле стен северной половины. Очаги выложены из камней на полу жилища (П-У), очаг I - в очажной яме глубиной 0,4 м. Форма очагов в плане округло-овальная (табл.1), размеры 0,5-0,9x0,9-1,8 м.

Кострища небольшие по размеру: первое-овальной формы (0,3x0,4 м), мощность прокала-0,4 м, второе - круглое в плане, диаметр 0,4 м, мощность прокала-0,1 м.

Хозяйственные ямы глубиной 6-25 см имеют различную в плане форму (табл.1). Так, яма I была хранилищем подобно яме из землянки I Алексеевского поселения - в двух боковых стенках по камню-узору, в засылке - фрагмент большого горшковидного сосуда.

Зольники представляют собой неглубокие ямы, заполненные зо-

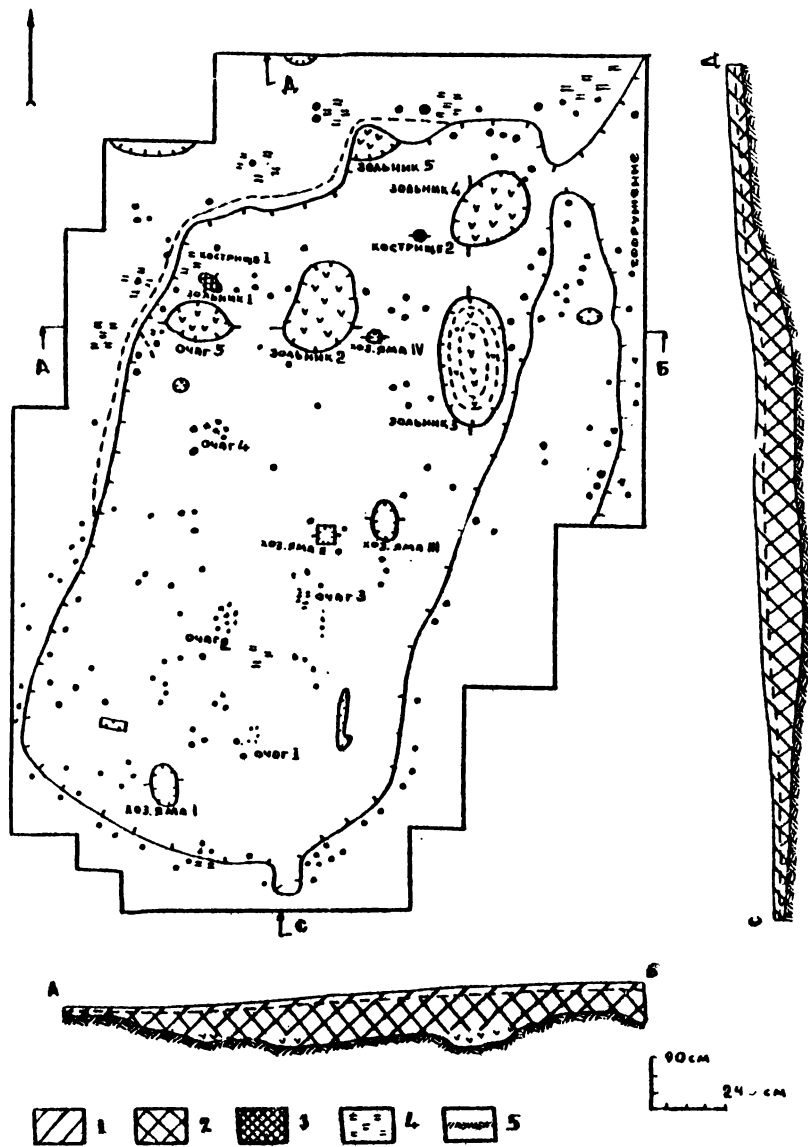

Рис. I. Загаринское поселение. План и профиль разрезов жилища: 1-дерновый слой, 2-светло-серый супесчаный слой, 3-подстилающий нижний слой, 4-глиняная обмазка, 5-материковый слой

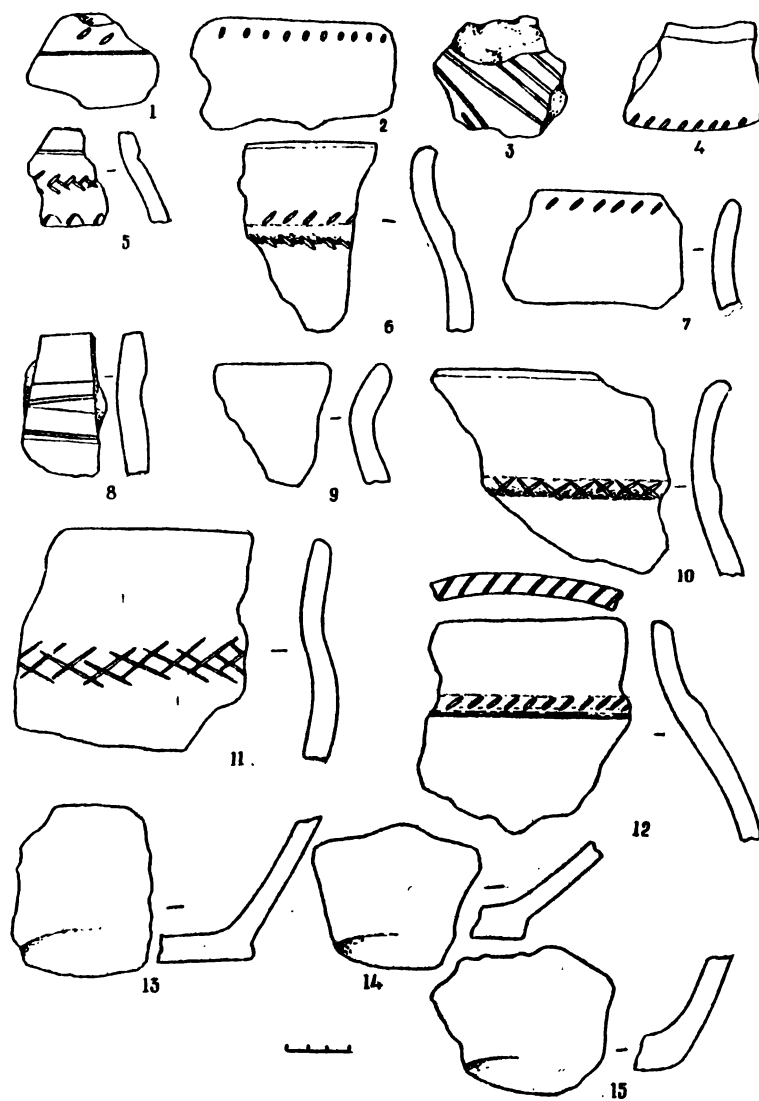

Рис.2. Загаринское поселение. Керамика первой группы

Т а б л и ц а I

Характеристика каменных очагов,
хозяйственных ям, зольников

Очаги		Хозяйственные ямы			Зольники		
Форма в плане	Размеры, м	Форма в плане	Размеры, м	Глубина, м	Форма в плане	Размеры, м	Глубина, м
Округлая	1,8x1,2	Округлая	0,42x0,31	0,25	Овальная	0,8x0,35	0,03-0,05
Круглая	0,5	Овальная	1,32x1,02	0,18	Овальная	2,1x1,4	0,12
Овальная	0,9x0,6	Прямоугольная	0,8x0,5	0,15	Округлая	3,2x2,1	0,12
Округлая	1,0x0,9	Прямоугольная	1,02x0,6	0,6	Овальная	4,3x2,4	0,40
Подовальная	1x0,6	"	1,02x0,6	0,06	Округлая	1,8x1,4	0,02-0,03
-	-	-	-	-	"	3x2,1	0,20

лой. Для зольника У был использован небольшой выступ в задней стене котлована (рис.1). Яма зольника VI имела глубину 10 см, а мощность золотого слоя достигла 20 см. В зольниках встречены фрагменты керамики, кости животных. В юго-восточном углу котлована отмечена канавка длиной 1,8 м, шириной 12-18 см, глубиной 5 см, размеры второй, обнаруженной в юго-западном углу, равнялись соответственно 0,72x15-20x12.

До 80 столбовых ям расположены вдоль стен снаружи котлована и до 100 ям внутри жилища (рис.1). Ямы округлой формы, диаметром 6-40 см, глубиной 3-36 см. В разрезе имеют блюдцеобразную, котловидную и конусовидную формы.

Вне жилища, у северной и частично западной стены, зафиксированы 7 бесформенных развалов глиняной обмазки стен (длиной 0,5-1,5 м, шириной 0,5-1,0 м, толщиной 5-7 см) с почти сплошными белыми известковыми вкраплениями, которые свидетельствуют о побелке стен.

Комплекс керамики насчитывает более 2 тысяч фрагментов. Выделены шейки 251 сосуда, но из-за фрагментарности часть из них исключена из анализа и статистических таблиц. Керамика визуально разделена на три группы. Вторая группа (фрагменты 87 сосудов Федоровско-черкаскульского облика) и третья (фрагменты 5 сосудов, имеющих сходство с позднеарскими Поволжья, рис.4-13-16) не рас-

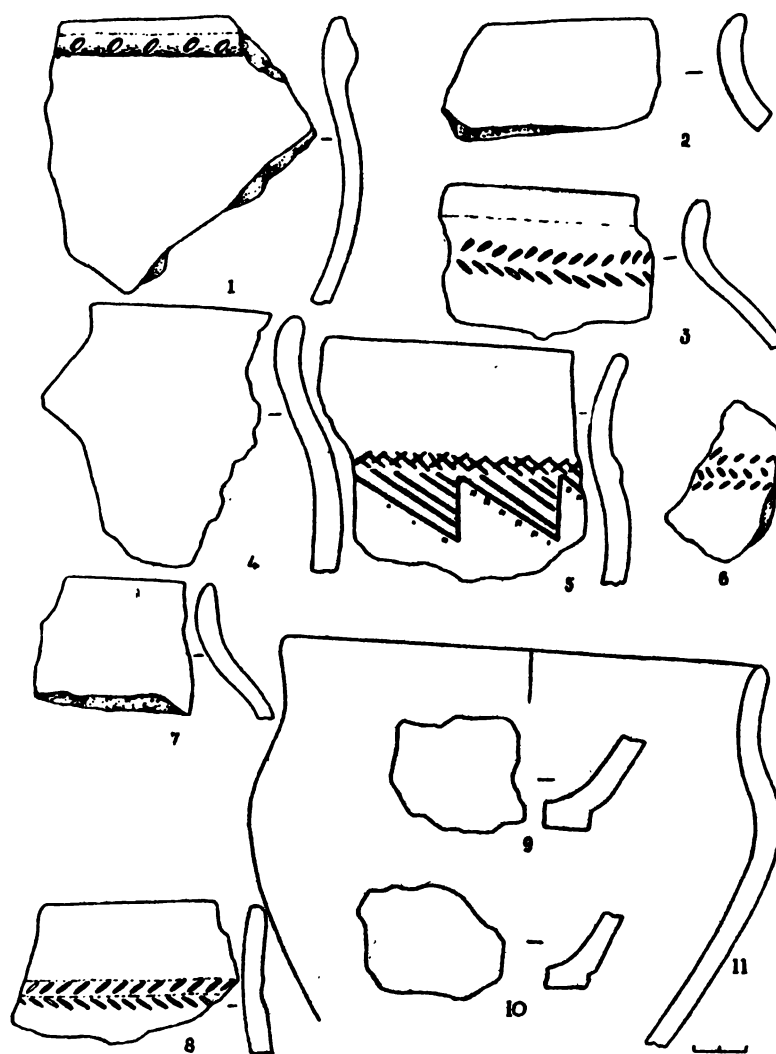

Рис.3. Зегариновое поселение. Керамика первой группы

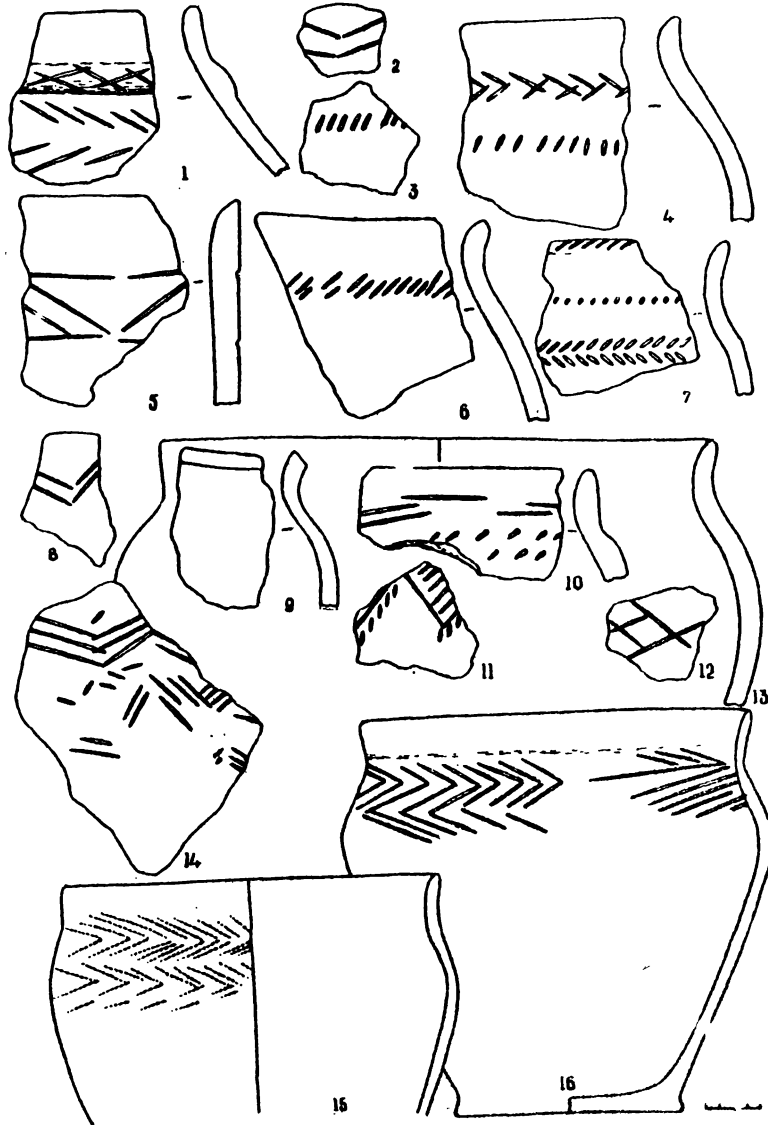

Рис.4. Загаринское поселение. Керамика первой (1-12) и третьей (13-16) группы

смаатриваются. Первая группа керамики представлена фрагментами 120 горшковидных плоскодонных сосудов. Для статистической обработки выбрано 80 шеек. Тесто сосудов состояло из примесей песка, шамота, раковины.

Т а б л и ц а 2

Суммарная характеристика шеек сосудов второй группы

Показатели	Количество	Состав, %
Примеси к глине		
песок	65	80
раковина	6	7,5
шамот	9	12,5
Способ обработки поверхности		
а) наружной	80	100
гладко	77	96,3
штриховка	3	3,7
б) внутренней	80	100
гладко	65	81,2
штриховка	15	18,8
Форма венчика	80	100
округлая	43	53,8
уплощенная	28	35
заостренная	9	11,2
Диаметр по венчику, см	59	100
16-25	29	49,2
26-35	30	50,8
Элементы узора. Отрезки наклонные	18	31,5
линии горизонтальн.	8	14,1
"елочка"	8	14,1
сетка	7	12,3
зигзаг вертикальн.	7	12,3
отрезки пересекающ.	6	10,5
зигзаг горизонтальн.	2	3,5
треугольник заштрих.	1	1,7

Песок отмечен у всех сосудов и добавлялся в большом количестве. Наружная поверхность сосудов гладкая, лишь у трех сосудов видны четкие полосы от заглаживания. Сосудов со следами заглаживания с внутренней стороны значительно больше (табл.2).

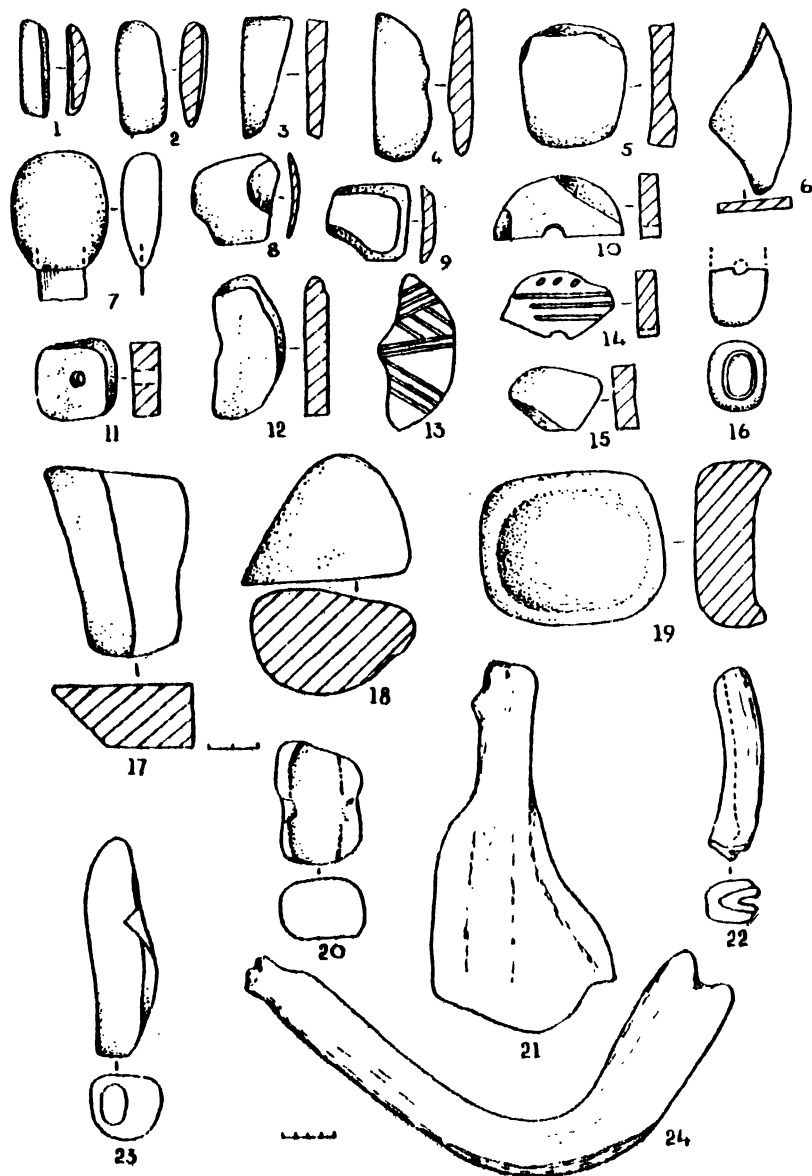

Рис. 5. Загайницкое поселение. Наделия.
 1-6, 8-9, 17-17, 22-камень; 10-15, 20-глина;
 21, 22, 24-кость; 7-глиня, бронза.

Шейка большинства сосудов короткая, прямая, плавно переходящая в раздутое тулово (рис.2-6-10). Несколько сосудов имело довольно высокую шейку (рис.2-11; 4-5), у части бомбовидное или близкое к бомбовидному тулово (рис.3-3,7). Венчики округлые (рис.6,7,10), уплощенные (рис.2-5,8) и заостренные (рис.4-5,9). Следует отметить большой процент уплощенных венчиков, зачастую орнаментированных рядом наклонных отрезков или вдавлений (рис.2-12), и наличие заостренных венчиков.

Диаметр устья сосудов 16-13 см, причем половина сосудов устьем большого (26-35 см) диаметра.

Сосуды орнаментировались по венчику узорами, выполненным почти исключительно резной техникой нанесения. Лишь на одном сосуде отмечены мелкие вдавления, обрамляющие заштрихованный треугольник (рис.3-5). Наиболее распространен узор в виде ряда наклонных отрезков (рис.4-4), часто встречаются "елочка" (рис.4-сетка (рис.2-11), пересекающиеся отрезки (рис.4-4). На двух сосудах отмечен горизонтальный зигзаг, на одном - ряд заштрихованных треугольников вершинами вниз (рис.3-5). На семи сосудах (5,8 %) отмечен напечной, широкий, приплюснутый валик, расположенный по грани шейки и тулова. Четыре валика из семи орнаментированы наклонными или пересекающимися отрезками, сеткой (рис.2-6,10,12).

Днища сосудов прямоугольные (рис.2-14), тупоугольные (рис.2-15) и с закраиной (рис.2-13).

В заполнении котлована жилища найдены следующие находки: бронзовый резак в виде пластинки длиной 2, шириной 0,7 и толщиной 0,1 см с заточенным краем, закрепленной в глиняную ручку овальной формы, размером 4,8х3,6х1 см (рис.5-7), оков для выгребания золы длиной 16 см, сделанный из лопатки животного (рис.5-21), ступка каменная прямоугольной формы с закругленными углами длиной 15, толщиной 5 см (рис.5-19), пест каменный высотой 10 см с уплощенным рабочим краем диаметром 4 см (рис.5-23), керамическая поделка длиной 15 и шириной 4,5 см с пропиленным продольным пазом (рис.5-22), грузило рыболовное из обожженной глины с округлым пазом (рис.5-20), 4 галечниковых лошильца, имеющие шлифованную рабочую площадку (рис.5-1-4), одно целое и фрагменты пяти пряслиц-колесиков, сделанных из фрагментов сосудов (рис.5-10-15), заготовки и околы с каменных орудий (рис.5-5,6,8,9), камни с довольно ровными площадками на одной из плоскостей.

тей (рис.5-17,18).

Керамика поселения (первая группа) имеет наибольшее сходство с керамикой позднего слоя Алексеевского поселения (раскопки автора: 5, с.163-172). Так, показатели коэффициента парного сходства по основным категориям признаков равны: примеси - 73 %, обработка внешней поверхности - 96, внутренней - 81, форма венчика - 85, диаметр по венчику - 63, элементы орнамента - 69, техника выполнения орнамента - 74, усредненный среднеарифметический показатель - 79 %. Если взять лишь для сравнения такие категории признаков, как примеси, элементы и техника выполнения орнамента, то и в этом случае усредненный среднеарифметический показатель парного сходства будет равен 72 %. На основании сходства керамических комплексов поселение включено нами в круг памятников алексеевско-саргаринской культуры. Но загаринская керамика имеет отличительные признаки: почти полное отсутствие орнамента по шейке сосудов, который наносился преимущественно узкой полосой по верху тулова, значительный процент горшков с уплощенным венчиком, нередко орнаментированным насечками, выполнение узоров исключительно резной техникой, которая будет, если не абсолютно, то значительно преобладающей и на керамике других коллекций. К памятникам загаринского этапа можно отнести пос.Чернореченское I (поздний слой), керамику которого отнесли в свое время к срубной [6, с.30], пос.Синташта (раскопки экспедиции Уральского университета) и пос.Язёво I (слой с керамикой группы П А, выделенный планиграфически и стратиграфически).

Комплекс группы П А пос.Язёво I предполагают позднеалексеевским и датируют X-IX вв. до н.э. [2, с.53, рис. II-8-13; I2, с.292]. На наш взгляд, комплексы загаринского этапа относятся к X-VIII вв. до н.э., т.е. датировки позднеалексеевских (по Т.М.Поемкиной) и загаринских (в нашем понимании) комплексов фактически совпадают. Памятники загаринского этапа, выявленные в степном и лесостепном Притоболье, мы рассматриваем как локальный вариант алексеевско-саргаринской культуры.

1. Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной подзоны Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд. БГУ, 1983.
2. Поемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. - М.: Наука, 1985.

3. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры. // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд. БГУ, 1983.
4. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд. БГУ, 1984.
5. Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол. - СА.- 1975. - №4.
6. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. - М.: Наука, 1972.

В.А.Новоженков

О ДАТИРОВКЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ САРЫ-АРКИ

Территория Джезказганской области занимает южную часть Казахского мелкосопочника, получившего еще в древности поэтическое название Сары-Арка (желтеющий хребет). Наскальные изображения в этом преимущественно степном районе выявлены на скальных обнажениях сопков, по берегам небольших пересыхающих летом речек. О петроглифах Сары-Арки сообщали М.М.Пригородовский Н.Е.Воронец [1, с.57-60], В.А.Городцов [2, с.37-69], К.И. Сатпаев [3, с.197], А.Х.Маргулан [4, с.17, 22; 5, с.53-59; 6, с.14-16], А.Г.Медоев [7, с.163-164], М.К.Кадырбаев [8, с.139], но полной фиксации их не проводилось. В 1983-1985 гг. петроглифическим отрядом археологической экспедиции Карагандинского университета была проведена полная фиксация пяти местонахождений [9].

Местонахождение Зынгертау - в 15 км к ССВ от райцентра Улутау, на вершине одноименной сопки. Среди округлых валунов, протянувшихся узкой грядой по линии СЗ-ЮВ на 0,3 км, обнаружено 13 камней с изображениями*. Петроглифы расположены по всей пригодной для гравировки поверхности валунов, имеют горизонтальную или наклонную экспозицию. Уровень патинизации изображений по шкале А.Н.Марьяшева и М.К.Кадырбаева [10, с.152-155] достигает ПТ-4, цвет темно-серый, отмечены темно-коричневые тона. Сохрани-

* По сообщению сотрудников Джезказганского краеведческого музея, 3 валуна с изображениями были вывезены сотрудниками Республиканского государственного музея казахских музыкальных инструментов летом 1983 г. в Алма-Ату. Ав кроме скопированы изображения лишь с одного находящегося в музее валуна.

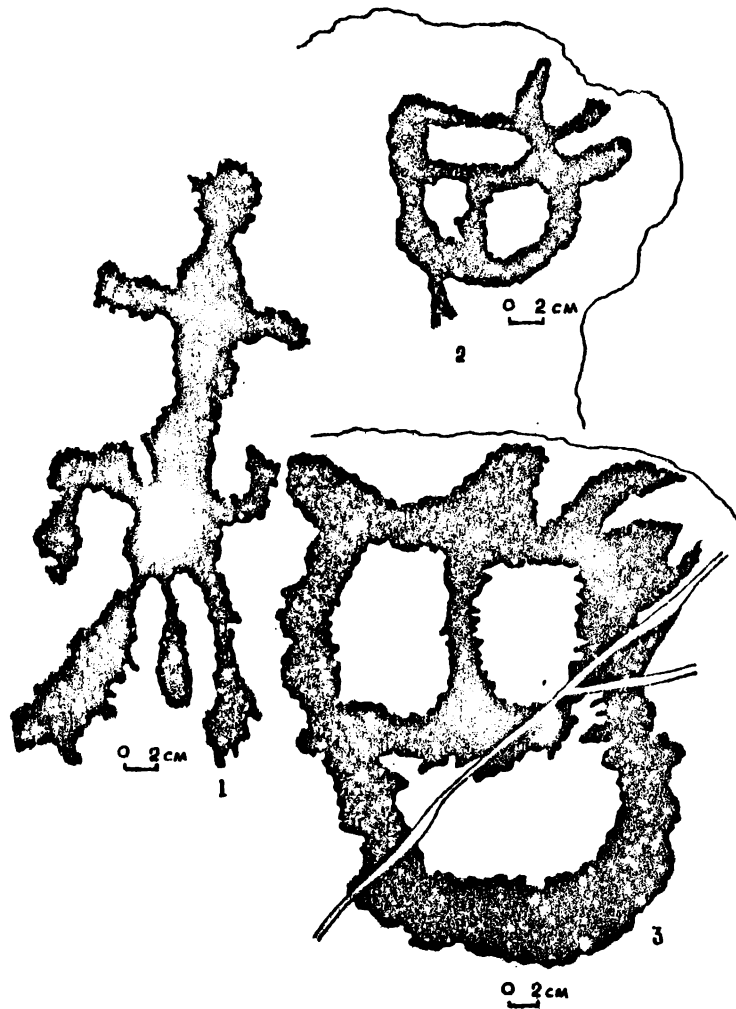

Рис. I. Местонахождение Зынгертгау
1 - вадул I, 2, 3 - вадул IO

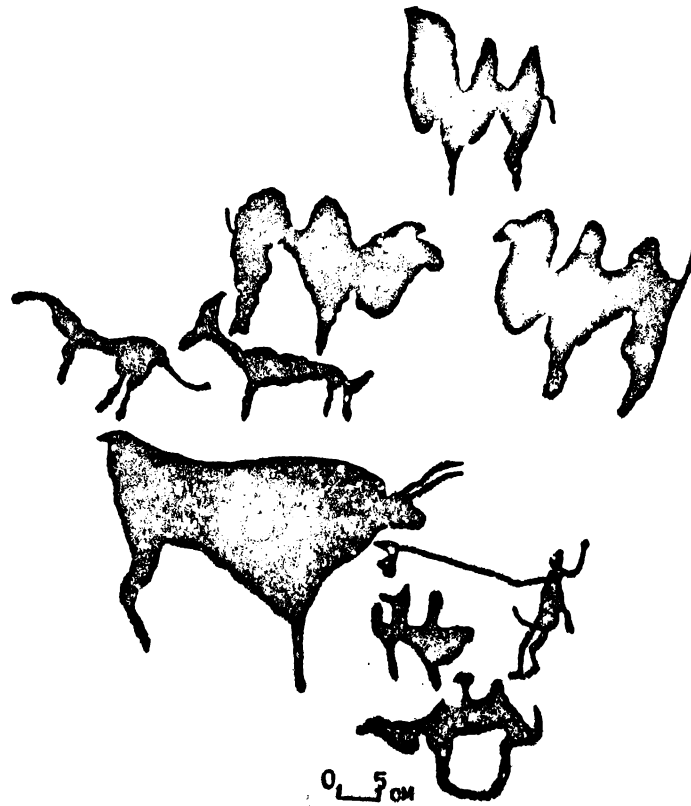

Рис.2. Местонахождение Байкоур 2.
Плита 4а

лась частично блестящая черная корка патины. Сохранность большинства изображений неудовлетворительная. Зафиксированы фигуры мужчин с подчеркнутым признаком пола, антропоморфные изображения, изображения верблюдов, горных козлов, всадника, эротические сцены, тамгообразные и солярные знаки, нанесенные техникой точечной выбивки со следами шлифовки патины [рис. I, I-3; 5, 3, 7; 6-3, 7, 8].

Местонахождение Тасуткель - в 25 км к СЗ от центральной усадьбы совхоза им. Амангельды Улутауского района и в 0,3 км к ЮВ от переезда через р. Тамды. Петроглифы выбиты на плите прямоугольной формы размером 3,7x2,1 м, имеющей темно-коричневый цвет поверхности. Уровень патинизации изображений ПТ-3-4, экспозиция вертикальная, ориентация юго-восточная. Зафиксировано 38 фигур, нанесенных мелкоточечной выбивкой с предварительной прорисовкой изображений по контуру [рис. 5-9; 6-5, 9, 10]. В правой части композиции нанесены крестообразный знак, две сцены эротического характера, фигуры животных и змеи, в центральной - летящие птицы, два верблюда, горный козел, антропоморфное существо, различные животные (двое со спутанными ногами), в левой - эротические сцены, горный козел, лошади.

Грот Тесик-Тас - в 16 км к ССЗ от райцентра Аксу-Аюлы (Шетский район) и в 3 км к ЮВ от фермы Актобе. По верхнему своду грота, на площади около 1,1 кв. м, охрой нанесены изображения двух быков (один выполнен контурно линиями шириной около сантиметра, от второго фиксируется передняя часть туловища, переданная сплошным заполнением охрой) (рис. 5-1), двух крестообразных знаков, переходящих один в незамкнутую окружность, другой в неясную фигуру, неправильный прямоугольник, разделенный на три части с тремя отростками снизу и шестью точками между отростками, сверху к прямоугольнику наклонно расположена прямая линия, которая могла быть частью какого-то зооморфного изображения.

Местонахождение Теректы - в 14 км к ССВ от одноименной железнодорожной станции, в 0,2 км к ЮВ от родника Тасбулак, на склонах сопки Аулие [5, с. 58-59, рис. 4]. Автором выявлено 7 групп изображений, приуроченных к промежуточным вершинам сопки, свободных от лишайника. Изображения людей, лошадей, верблюдов, быка, сцена охоты всадника, ступней человека, антропоморфных и зооморфных фигур [рис. 4-7, 10; 5-5] выполнены выбивкой с последующей шлифовкой на глубину до 1 см, отчего изображения имеют

очертания без детализации, схематичные, фрагментарные, размером до 1 см.

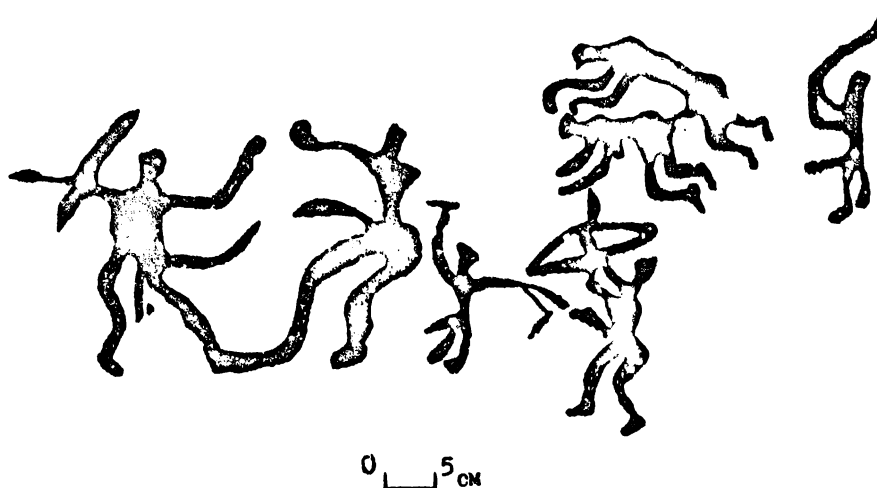

Рис.3. Местонахождение Байконур 2. Плита Ia

Местонахождение Байконур - в 22 км к ЮЗ от центральной усадьбы одноименного совхоза Джездинского района, в 6 км к ЮВ от зимовки Лакбай. Крупнейшее из известных местонахождений области. Выявлено 3 группы изображений, нанесенных на сланистых выходах метаморфического сланца. Первая и вторая группы расположены в 0,12 км друг от друга, третья - на противоположном берегу р. Лакбай в 1 км к ССВ. Многофигурные композиции и отдельные изображения выбиты точечной техникой на массивных плитах, обращенных на В или на ЮВ и имеющих вертикальную экспозицию. В охотничьих и культовых сценах мужчина показан с подчеркнутыми признаками пола с хвостом, вооруженный напичей, дуком, копьём, топором. Широко представлены сцены охоты на быка, верлюда, горных козлов. Интересны сцены противоборства двух верблюдов, двух мужчин, изображения двух 4-колесных повозок [рис.2; 3; 6-1,2,4]. Среди животных наиболее распространены изображения быка, лошади, верлюда - бактриана [рис.5-4,6,8,10,11]. Есть фигуры сайгаков, горных козлов, оленей. Изображения верблюдов даны с детальной прорисовкой, своеобразная трактовка лошади, быки-туры имеют массивную фигуру, небольшую голову, рога направлены вперед.

Известные местонахождения петроглифов Центрального Казахстана-

Рис. 4. Изображения оленей и лошадей
 1, 3, 4 - р. Теректы (по А. Г. Медоёву); 2- р. Шienti (по А. Г. Медоёву); 5- Байконур 2, плита 4в; 6-Зыягертау, ведун 6; 7- Те; екты, группы 2; 8-Байконур 2, плита 8; 9-Байконур, плита 3; 10-Теректы, группа 3.

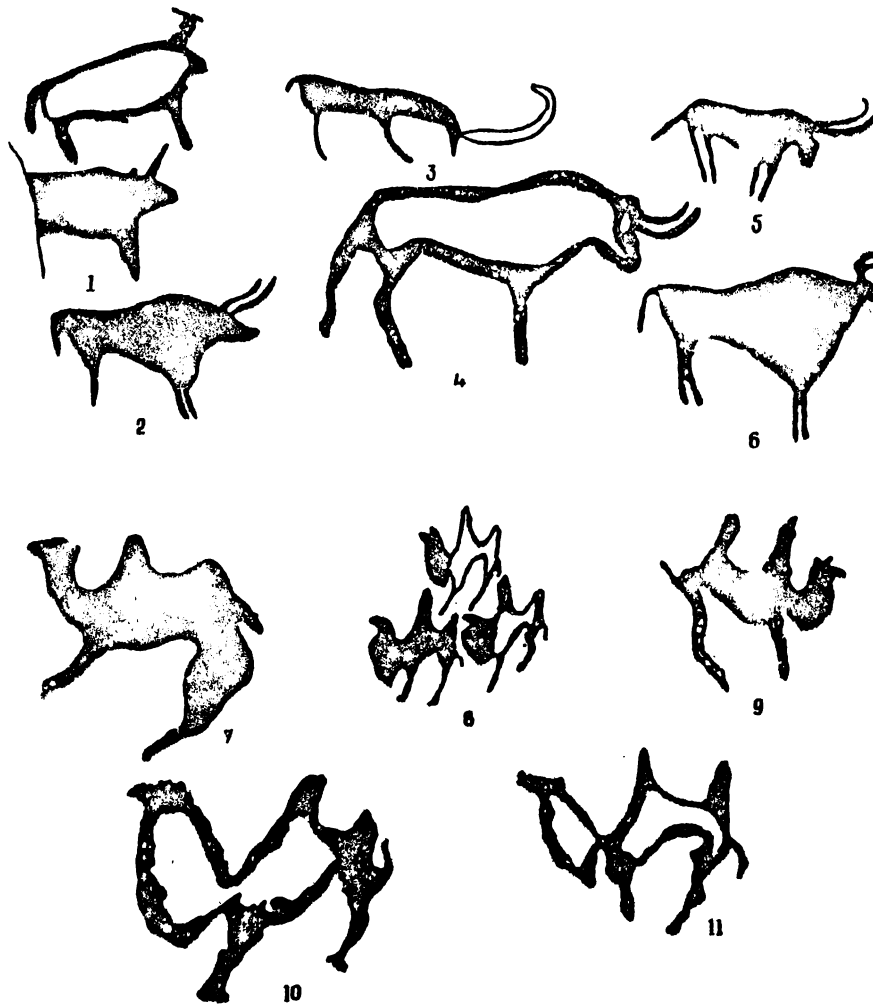

Рис.5. Неокальные изображения Сары-Арни

на имеет ряд особенностей, в том числе небольшие размеры и планиграфическую компактность, относительное однообразие образов и сюжетов, отсутствие палимпсестов. Эти особенности указывают на узкие хронологические рамки использования памятников.

О хронологии петроглифов Сары-Арки писал В.А.Городцов, датирующий изображения Байконурского комплекса в пределах XIX-I вв. до н.э. [2, с.54]. А.Г.Медоев выделил по петроглифам Прибалхашья изображения бизонов "допалеолитического времени", изображения периода туров и колесниц (неолит-бронза), изображения в зверином стиле сакского времени и тюркокий пласт [II, с.75-76]. На необоснованность выделения им "допалеолитических изображений" справедливо указывали А.А.Формозов [12, с.14] и Я.А.Шер [13, с.184-185]. Одним из древнейших мотивов является бык-тур. М.К.Кадырбаев, А.Н.Марьяшев допускают появление этого мотива в эпоху камня, но в целом относят его к эпохе бронзы [10, с.172-180, рис.99]. Рисунки быков хребта Тесик-Тас, которые являются более ранними по отношению к рисункам, выбитым на скалах, находят аналогии с изображениями туров святилища Чулуут в Монголии [14, с.52, рис.16] и на плитах погребений из Южной Сибири [15, с.265], которые датируются временем энеолита. Изображения быков местонахождений Байконур и Зынгертау имеют значительное сходство с подобными изображениями хребта Каратау, которые датируются эпохой поздней бронзы [10, с.172, 180, рис.99]. Таким образом, изображения быка-тура появляются в эпоху энеолита и получают широкое распространение в эпоху бронзы.

Изображения колесниц Казахстана аналогичны изображениям колесниц на сосудах из погребений эпохи бронзы [16, с.7]. Схематичное изображение колесницы, сходное с колесницами-эмблемами, описано М.К.Кадырбаевым и А.Н.Марьяшевым [10, с.162, 188, 192; рис.101] аналогично колесницам местонахождений Мугур Саргол и Ортав Саргол в Туве [17, с.22-25, 27-29, рис.8]. Грузовые повозки на четырех дисковидных колесах обнаружены на местонахождении Арпаузен III в горах Каратау [10, с.105, рис.103-4], отнесенные ко времени ранних кочевников. Двусонные повозки местонахождения Байконур имеют дисковидные колеса и дышловую упряжку, что может свидетельствовать о более раннем времени. Факт использования колесного транспорта населением Центрального Казахстана подтверждается находкой остатков колесницы в могильнике Сатан, который датируется серединой II тыс. до н.э. [18, с.434]. Сцена противо-

Рис.6. Наскальные изображения Сары-Арчи

борства двух людей местонахождения Байконур II (рис.3) находит аналогии среди петроглифов урочища Саймалы-Таса [13, с.32, табл. У1, 10], хребта Каратау [10, с.104, рис.54], которые датируются эпохой бронзы.

Широко распространенные сцены эротического характера, отражающие идею воспроизводства, продолжения рода (рис.6,5-13), известны в петроглифах Сибири, Семиречья, Южного Казахстана, Монголии, датируются временем неолита - раннего железного века [19, с.85-87]. В петроглифах Жезказганской области рассматриваемые сюжеты были особенно популярны в эпоху бронзы, что находит хронологическое подтверждение в петроглифах урочища Тамгалы [16, с.12].

Эпохой ранних кочевников датируются сцена борьбы двух верблюдов местонахождения Байконур II, плита 3 (рис.6,4), аналогичная изображениям на плите 85 местонахождения Арпаузен III [10, с.29, рис.108] и сходная с изображениями на бляшках из савроматских могильников. Стилистической особенностью некоторых изображений (рис.4,4-5) является выступ на холке или крупе животных как правило треугольной формы, что, по мнению Я.А.Шера, является диагностирующим признаком для отнесения изображений к раннему этапу скифо-сибирского звериного стиля [20, с.344].

В наскальных изображениях области А.Г.Медоев выделил малочисленную группу петроглифов тюркского времени - всадники, вооруженные копьями. Петроглифы тюркского времени отражают новый мир идей и представлений кочевников, которые творчески переработали образы и сюжеты предшествующих эпох. Сквозные образы горных козлов, верблюдов, лошадей, хищников, сцены загонной охоты, существовавшие многие столетия, хотя и датируются в большинстве исследователями временем эпохи бронзы - раннего железного века, однако требуют дальнейшей работы по изучению развития стиля, что позволит определить конкретные хронологические рамки этих изображений. Петроглифы Жезказганской области являются частью обширного архаического наскальных изображений горно-степных, в основном пустынных областей Внутренней Азии, которые простираются от нагорий Тибета и Гиндукуша до Байкала и Балхаша [21, с.95]. Традиция нанесения изображений на скалах зародилась, вероятно, в Сары-Арке в конце эпохи камня, усиленно развивалась в эпоху бронзы, трансформировалась в звериный стиль эпохи раннего железного века и перерабатывалась в тюркское время.

1. Воронец И.С. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сыр-Дарьинской областей // РАЗ. - 1916. - №3,4.
2. Городцов В.А. Скальные рисунки Тургайской области // Тр. госуд.ист.музея.-1926, вып.1.
3. Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. - 1941. - №1.
4. Маргулан А.М. Археологические разведки в бассейне р.Сары-Су// Вест. АН КазССР. - 1947. - №7.
5. Маргулан А.Х. К изучению памятников района р.Сары-Су и Улутзу// Вест.АН КазССР. - 1948. - №2.
6. Маргулан А.Х. Бегазы-дандибаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1979.
7. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. - Алма-Ата: Жалын, 1979. - Ч.1.
8. Агачов П.В., Кадирбаев М.К. Сопровища древнего Казахстана. - Алма-Ата: Жалын, 1979.
9. Новоженев В.А. Отчет о полевых исследованиях петроглифического отряда археологической экспедиции Карагандинского государственного университета на территории Джезказганской области летом 1984 г. /Архив музея археологии и этнографии Карагандинского университета.
10. Кадирбаев М.К. Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. - Алма-Ата: Наука, 1977.
11. Медоев А.Г. Наскальные изображения гор Тесик-Тас и Караунгур// Тр.ТИИАЭ АН КазССР. - 1961. - №12.
12. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. - М.: Наука, 1969.
13. Шер Н.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980.
14. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука, 1984.
15. Леонтьев Н.В. Изображения животных и птиц на плитках могильника Черновая Уш // Сибирь и ее соседи. - Новосибирск: Наука, 1970.
16. Максимова А.Р., Ермолаев А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. - Алма-Ата: Онеар, 1985.
17. Давлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. - М.: Наука, 1982.
18. Ендюкимов В.В. Работы Карагандинского отряда// АО, 1980. - М. 1981.
19. Окладников А.П. Петроглифы Байкала. - Новосибирск: Наука, 1974.
20. Шер Н.А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля// Скифо-сибирское культурно-историческое единство. - Кемерово: Изд.КемГУ, 1980.
21. Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. - Л.: Наука 1980.

К.М.Карабаспакова

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО СЕМИРЕЧЬЯ
И ИХ СВЯЗЬ С ПАМЯТНИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Сведения о памятниках эпохи бронзы Семиречья скудны и отрывочны, что значительно затрудняет создание общей схемы историко-культурного процесса для данного региона. В силу этих обстоятельств попытки создания единой схемы развития, предпринятые А.Н.Бернштамом [1, с.337-350] и Е.Е.Кузьминой [2, с.44-48; 3, с.270-280; 4, с.100-111; 5, с.126-151] имеют определенные недостатки. Их следует расценивать как первоначальные гипотезы, основанные на малочисленных источниках, известных авторам. Для формирования достоверной схемы требуется накопление и осмысление более значительного материала. В последние годы появились хотя и фрагментарно, но весьма выразительные данные, позволяющие наметить периодизацию и хронологию памятников поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и определить их культурную принадлежность.

Анализ археологических источников свидетельствует о существовании в этот период двух основных групп памятников.

К памятникам I-й группы относятся могильники Бигаш, Аксай и условно могильник Саганды, выделенный в группу Ia, отличающийся от основной группы рядом признаков (табл.1). Наибольшее сходство по типам надмогильных сооружений и погребальных конструкций отмечено между могильниками Бигаш и Аксай. Для них характерны 4 типа надмогильных сооружений:

- круглые (овальные) ограды из грубо обработанных камней, врытых на ребро или уложенных плашмя в 1-3 кольца (18,1%), некоторые из них имеют небольшие прямоугольные или овальные пристройки;
- прямоугольные ограды (77,1%);
- курганы-ограды с возвышающимся ящиком, расположенным в центре каменной насыпи (3,4%);
- сплошные каменные выкладки над могильной ямой (1,4%).

В их ориентировке отсутствует строгая направленность, однако чаще встречается ориентировка по линии В-З (31,7%) и ЮВ-СЗ

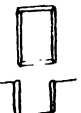

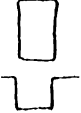
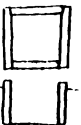
ТИПЫ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ		1 ^й тип	2 ^{ой} тип	3 ^й тип	4 ^й тип	КЕРАМИКА
						
I ^я группа	1 ^й тип		+	+		+
	2 ^{ой} тип				+	
				+		
	I ^а группа			+		
			+			

Таблица I. Погребальные сооружения и керамика I группы

(27,8 %).

Погребальные камеры 2 типов: ящики (95,8 %) и грунтовые ямы (мог.Бигаш - 4,2 %). Для детей сооружали небольшие ящики, которые приставляли к основной ограде. Ящики для взрослых встречаются 3-х видов: прямоугольные небольших размеров - типичные (0,5x1,15 м), прямоугольные широкие (1,24x1,5 м) трапецевидные узкие (0,8-0,95x1,8 м). Ориентировка могильных ям различная с преобладанием СВ-ЮЗ (36,7 %) и В-З (19,6 %). Для памятников этой группы характерен в погребальном обряде моноритуализм - захоронение по способу ингумации. Погребения в массе своей разграблены и только в двух могилах были обнаружены фрагменты стенок толстостенных, неорнаментированных лепных сосудов.

Могильник Ia группы Саганды отличается определенным единообразием форм оград и ящиков. Здесь зафиксированы только прямоугольные ограды с квадратными ящиками. Погребальный инвентарь представлен небольшим набором предметов. Следует выделить сосуды с округлым туловом и небольшим плоским дном, орнаментированные формованным валиком по шейке и каннелюрами равнобедренными небольшими треугольниками, опущенными вершинами вниз. Из бронзовых изделий найдена только круглая полуоферическая бляшка с петелькой [6, с.448].

Надмогильные и погребальные конструкции I-й группы аналогичны сооружениям предбегазинского и бегазин-дандыбаевского времени Центрального Казахстана [7, рис.13,15-17,21-22,28,30,36,88,92, с.58]. Наличие на Бигаши и Аксае курганов-оград, прямоугольных оград с несколькими ящиками внутри и круглых концентрических оград, которые характерны главным образом для предбегазинских памятников, позволяет относить семиреченские могильники, подобные Бигаши и Аксаю, к этому же периоду, то есть к XIII-XI вв. до н.э. [7, с.25].

Дата могильника Саганды, вероятно, более поздняя и по совокупности признаков ее нижнюю границу следует опустить до X-IX вв. до н.э. Так, квадратные ящики чаще встречаются в бегазин-дандыбаевских могильниках, керамический материал из Саганды сопоставим не только с сосудами из памятников Беласар, Егизек II [7, рис.11, 23], но и с караукской [8, табл.15, рис.5,8, табл.17, рис.53; 9, рис. 5,1-9] и армеевской керамики [10, рис.69, 16; 11, рис.60, 12, рис.61, 7, 16], бляшки с петельками имеют

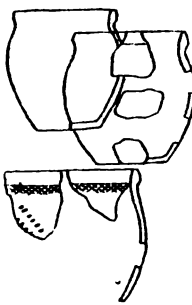
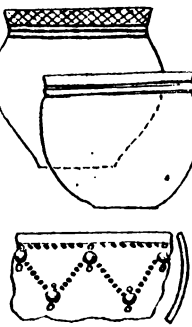

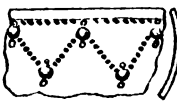
ТИПЫ НАДМОГильных со-оружений ТИПЫ ПОГРЕБАльных КАМНЕв		1 ^й ТИП		2 ^й ТИП		ТИПЫ КЕРАМИКИ
		а	б	а	б	
1 ^й ТИП	а	+		+		1 ^й ТИП
	б				+	
	б			+		
2 ^й ТИП	а		+			2 ^й ТИП
	б	+	+			
	з		+		+	
3 ^й ТИП						

Таблица П. Погребальные сооружения и керамика II группы

широкий круг аналогий в комплексах эпохи поздней бронзы и раннего железа всего обширного пояса евразийских степей.

II-ю группу составляют памятники, расположенные в бассейне р. Биен: могильники Арсан, Биен I3 и поселение Биен (табл. 2). Надмогильные сооружения в этой группе отличаются разнообразием и отсутствием единых форм. Выделено 2 типа наземных конструкций:

- ограды округлой или сегментовидной формы (39,5 %) из окатанных галек и валунов. Иногда кольцо из валунов прерывалось плитой, врытой на ребро. Встречаются ограды единичные (валуны укладывались в одно кольцо), двойные или тройные (валуны укладывались в 2-3 кольца и в 1-3 слоя). Отдельные ограды имеют пристройки;

- сплошные выкладки из валунов или обломков камней двух видов: овальные (круглые) и прямоугольные. Часть погребений не имеет наземных сооружений. Могильные ямы по своим конструктивным особенностям делятся на 3 типа:

- грунтовые ямы овальной формы трех видов: с вертикальными стенками, с заплечками, со спуском - характерны для могильника Биен I3;

- ящики из гранитных и сланцевых плит четырех видов: прямоугольные, трепещевидные разных форм (иногда с двойной западной стенкой из гранитной и сланцевой плит), овальные из сланцевых плит, поставленных на узкое ребро, облицовывающие нижнюю часть грунтовой ямы, узкие, длинные, представляющие собой облицовку нижней части ямы из сланцевых плит, установленных на узкое ребро - характерны для могильника Арсан;

- цисты из валунов, уложенных на дневной поверхности в 3 слоя горизонтально и вертикально (могильник Биен I3).

Ориентировка могильных ям неустойчивая, но преобладают направления В-З и ЮВ-СЗ. Захоронения совершались по способу ингумации, умершим придавали различные позы: скорченно на правом боку, скорченно на спине (ноги и руки согнуты и уложены на правую сторону, голова повернута на бок), скорченно на животе, то есть ничком (конечности согнуты в суставах и уложены на левую сторону). На дне и в заполнении могильных ям попадаются частицы древесного угля и кусочки охры, иногда встречаются кости, окрашенные охрой. В погребениях устанавливали от 1 до 4 керамических сосудов. По отношению к умершему их располагали перед ли-

ном, за головой, за спиной и возле живота. В некоторых могильных ямах место для сосудов отгораживалось камнями.

Весь комплекс керамики представлен горшковидными сосудами двух типов. 1) Толстостенные, бедно орнаментированные каплевидными, ногтевидными вдавлениями, прочерченной сеточкой. Декор покрывает только шейку сосуда. Венчики отдельных сосудов утолщены налепными валиками. Большая часть керамики этой группы не имеет орнамента. 2) Тонкостенные с выпуклым туловом и плоским небольшим дном. Орнамент в виде каннелюр, косых сеточек, жемчужин, круглых налепов располагается по шейке и верхней части тулова. И только в одном случае ногтевые зацепы покрывают придонную часть. Украшения немногочисленны: белые пастовые пронизки и проволочная круглая подвеска из бронзы (мог. Биен 13).

Поселение Биен, составляющее единый комплекс с могильником Биен 13, представляет собой систему округлых в плане жилищ. Сооружались одно- и двухкамерные жилища площадью 31-70 кв. м, глубиной котлованов 0,35-0,5 м. В центральной части жилищ отмечены деревянные столбовые конструкции. Основания стен возводились из крупных валунов, причем валуны наружных стен закреплялись на материке глиняным раствором. К одному из помещений примыкает прямоугольная пристройка-жертвенник (1х1 м), в котором обнаружен костяк барана. Внутри жилищ имелись наземные очаги двух типов: кострища и каменные - из 2-х плиток, врытых на ребро. Поселение однослойное, мощность культурного слоя 0,25-0,4 м.

Вещевой материал представлен двумя металлическими изделиями (медная игла), железный предмет сильно коррозированный (наконечник?), каменными предметами (лощила, обломок пряслица) и костяными орудиями (трепала). Основную массу находок составляют фрагменты сосудов (400 фр.). Выделено 3 типа керамики:

толстостенная, сосуды орнаментированы валиками, ногтевыми

вдавлениями, пальцевыми зажимами, насечками, кривой сеточкой. Декор располагается по шейке. Венчик часто уплощен и оттянут наружу. При ее изготовлении в качестве искусственной примеси добавлялись дресва гранитная, органика и примесь в виде дресвы, органики и шамота;

тонкостенная с выпуклым округлым туловом, орнаментированная кривой сеточкой, каннелюрами по шейке. В качестве искусственных добавок использовались гранитная дресва и органика;

станковая керамика. Искусственные добавки: дресва гранитная и пух камыша. Поверхность снаружи покрывалась ангобом.

Первые две группы поселенческой посуды по своим технологическим параметрам в основном совпадают с керамикой могильника Биен 13. Отмеченные небольшие расхождения лишь дополняют характеристику выделенных групп. Для второй группы характерна еще одна технологическая традиция – в качестве искусственной примеси использовались мелкий шамот, дресва гранитная и органика.

Определение времени существования биенских памятников имеет особое значение, поскольку это новые и своеобразные памятники, впервые обнаруженные в Семиречье. Более того, имеется достаточно оснований утверждать, что они новы и для всей обширной территории Казахстана. Общие хронологические рамки могут быть установлены путем анализа всей суммы фактов, полученных в результате раскопок и сопоставления их с датированными комплексами с сопредельных территорий. Наибольшая степень сродства по основным признакам отмечена с мог. Вуадиль из Ферганы. В обоих регионах встречаются идентичные по форме надмогильные выкладки и ящики, при их сооружении использовались галька, валуны, сланцевые плиты [12, с. 86, рис. 37, тип А, Б, В; 13, рис. 1, 1, рис. 2]. Тылы сосудов также отличаются близостью [12, рис. 39, 2; 13, рис. 3, II]. Могильник Вуадиль датируется X–III вв. до

н.э. [12, с.85-93; 13, с.130-135]. По керамике можно наметить и другую линию связи - с Каиндинскими и Джайльминскими стоянками Киргизии, где имеются аналогичные по форме и орнаментации сосуды [14, табл. XXIX-XXXI]. А.Н.Бернштам, анализируя керамические комплексы этих стоянок, также разделил их на 2 группы: андроновскую - грубые сосуды, бедно орнаментированные елочкой, жемчужинами, налепными валиками (валиковая) и карасукскую - тонкостенные сосуды черного лощения, орнаментированные ромбами, треугольниками (близкие бегазы-дандыбаевским) [1, с.342; 14, с.103]. Среди среднеазиатских параллелей следует выделить могильники Бишкентской долины Таджикистана - Ранний Тулхар и Аруктауский. Ряд общих признаков сближает могильники Биен 13 и Ранний Тулхар: каменные выкладки над грунтовыми ямами [15, с.32, рис.21], грунтовые ямы со спуском (вариант Г) [15, с.56], погребальный обряд [15, с.41-42, 54, рис.26]. Наземным погребениям могильника Биен 13 (погр.1,9) отчасти соответствуют захоронения на древнем горизонте могильника Аруктауского [15, рис.32]. Могильные ямы со спуском из Раннего Тулхара осуществляли, по мнению А.М.Мандельштама, в пределах XШ-IX вв. до н.э. [15, с.92,99], а погребения на древнем горизонте из Аруктау - в конце II - начале I тыс. до н.э. [15, с.95]. Присутствие станковой керамики на поселении Биен свидетельствует о наличии контактов с районами земледельческих культур Средней Азии.

Наряду с южными параллелями явно существовали северные (с Центральным Казахстаном) и восточные (с Южной Сибирью). Общие черты с центрально-казахстанскими памятниками прослеживаются в типах керамики и форме жилищ. Еменская керамика аналогична керамическим комплексам бегазы-дандыбаевского времени,

внутри которых также выделяются 2 основные группы: валиковая (саргаринско-алексеевская) и бегазы-дандыбаевская [7, рис.23, рис.63,1,2,4, рис.174,2,11, рис.99, рис.125, 129, рис.155-157, рис.174]. В набор поселенческой посуды Центрального Казахстана также входит и станковая керамика [16, с.87-89].

Округлая планировка жилищ зафиксирована на поселениях Атасу-I [7, рис.128,130] и Чаглинка, расположенных в Северном Казахстане [17, рис.1, рис.7], относящихся к началу I тыс. до н.э.

Отдельные погребальные конструкции (трапециевидные ящики могильника Арасан) и керамика биенских памятников встречают аналогии в карасукских комплексах [8, табл.18,37, табл.49,9, 27, табл.51,13,25;9, рис.12-19, 21]. Близостью форм и элементов декора отличаются ирменские сосуды [11, рис.59,15,20,21, рис.60,5,12,13, рис.61, 7, 16].

Необходимо отметить, что биенская керамика при всем своем сходстве с бегазы-дандыбаевской, карасукской и ирменской имеет явное своеобразие, проявляющееся в пропорциях сосудов.

Таким образом, приведенный круг аналогий позволяет определить хронологические рамки, культурную принадлежность и наметить направление связей биенских памятников. Датировка памятников, сопоставимых с биенскими, укладывается в пределах XIII-УШ вв. до н.э. Наиболее полярные даты дают мог.Ранний Тулхар (XIII-IX вв. до н.э.), с одной стороны, и мог.Буадиль (X-УШ вв. до н.э.) и ирменские аналогии (IX-УШ вв. до н.э.), с другой. Имеются определенные основания, позволяющие ограничить время существования биенских памятников X-УШ вв. до н.э. Об этом свидетельствуют те элементы в биенских памятниках, которые находят свое дальнейшее развитие в комплексах ранних кочевников: погребальные

конструкции типа узких, длинных ящиков, впущенных в глубокую
грунтовую яму, достаточно известны в могильниках ранних кочев-
ников Семиречья [18, с.33,37] и Центрального Казахстана [19,
с.343, с.345, рис.37, 4], поза погребенного на спине с согну-
тыми конечностями характерна для сакских могильников Памира
20, рис.51,52,68, отдельные орнаментальные мотивы в керами-
ке (жемчужины, остроугольные валики с пальцевыми зашипами
под венчиком). Диагностическим признаком является наличие же-
лезного предмета (наконечника?) на полу жилища №2 поселения
Биен. Близость с Ранним Тулхаром обусловлена, по всей вероят-
ности, тем общим субстратом, который вошел в состав биенских
племен Семиречья и бишкентского населения Южного Таджикиста-
на.

Механизм культурного влияния является наиболее сложным
вопросом в ретроспективных построениях, основанных на архео-
логическом материале. Основным критерием, свидетельствующим
об инновациях миграционного характера, является появление чуж-
дой, генетически не объяснимой культурной традиции.

Наши материалы подтверждают высказанную ранее Е.Е.Кузь-
миной точку зрения о проникновении групп населения из прос-
торов Сары-Арки на юг в предгорные и горные районы в эпоху
поздней бронзы. Памятники, выделенные нами в I группу, отража-
ют начальный этап этого процесса, датируемого XIII-XI вв. до н.э.
в этот же период становится ощутимым влиянием южносибирского
населения, которое особенно сильно проявляется в памятниках
2 группы. Возникновение памятников 2 группы (биенских) -
результат взаимодействия пришлых центрально-казахстанских, южно-
-сибирских и местных семиреченских племен. Памятники биенско-
го типа формировались путем трансформации бегазы-дандыбаев-

ских, саргаринско-алексеевских и карасукско-ирменских традиций в биенские при значительной роли местного населения. Процесс интеграции привел к возникновению нового явления, впитавшего в себя все компоненты. Биенские памятники по всем культурно-образующим признакам следует рассматривать как принадлежащие к самостоятельной, своеобразной культуре эпохи поздней бронзы Семиречья.

1. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. - 1949. - XI.
2. Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. - 1970. - Вып.122.
3. Кузьмина Е.Е., Мокрынин В.П. Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблема заселения Семиречья андроновскими племенами// Из истории дореволюционного Киргизстана. - Фрунзе: Илим, 1985.
4. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. - Фрунзе: Илим, 1986.
5. Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы// Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. - М.: Наука, 1986.
6. Акишев А.К. Работы разведочного и петроглифического отрядов Семиреченской экспедиции// АО, 1982. - М.: Наука, 1984.
7. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1979.
8. Членова Н.Д. Хронология памятников карасукской эпохи. - М.: Наука, 1972.
9. Зябдин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены 3. - М.: Наука, 1977.
10. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981.
11. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985.
12. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Могильники эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК, 1956. - Вып.63.
13. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. - 1957. - №13.
14. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина" // МИА. - 1950. - №14.
15. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. - 1968. - №145.
16. Варфоломеев В.В. О связях населения Центрального Казахстана с культурами Зауралья, Западной Сибири и Средней Азии в эпо-

- ху поздней бронзы// Смены культур и миграции в Западной Сибири. - Томск: Изд. ТГУ, 1987.
17. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1970.
18. Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области// Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1961. - Т.12.
19. Маргулан А.А., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966.
20. Литвиновский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". - М.: Наука, 1972.

Л.Н.Ермоленко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ
С ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ АТАСУ

Центрально-Казахстанской археологической экспедицией, исследовавшей в продолжение ряда полевых сезонов район верховьев р.Атасу, было выявлено несколько антропоморфных каменных изваяний.

Древнетюркская скульптура* представлена двумя экземплярами.

Изваяние I (рис. I-I). Обнаружено в кладке стены кошары в урочище Ак-Мустафа в 50 км к западу от центральной усадьбы совхоза им.К.Мынбаева Агадырского района Дзезказганской области**.

Обломано по пояс, гранит размером 0,80х 0,26х 0,26 м. Изображение человека с сосудом в одной руке. Пол и антропологический тип не ясны. Фигура органически вписана в исходную форму монолита. Не пропорционально крупная голова выделена в блоке выемкой по линии массивного подбородка и некоторым сужением головного отдела. Верх головы прямоугольный. Брови стилизованы едино с тонким резко расширенным на конце носом. Глаза обозначены незначительными выпуклостями. Другие детали лица не различимы. В согнутой правой руке видны поврежденные очертания сосуда с широким плоским дном, возможно, чашевидного. Левая рука не прослеживается. На шее "висит" ромбический предмет, заключающий внутри ромб меньших размеров. Все детали скульптуры переданы невыразительным барельефом. Более или менее тщательно изваяние обработано только спереди. С боков и сзади фигура грубо

* Скульптура времен господства древних тюрков. Семиреченско-казахстанская древнетюркская скульптура датируется исследователями VI - VII вв.

** В данное время вкопано во дворе историко-краеведческого музея Целинограда.

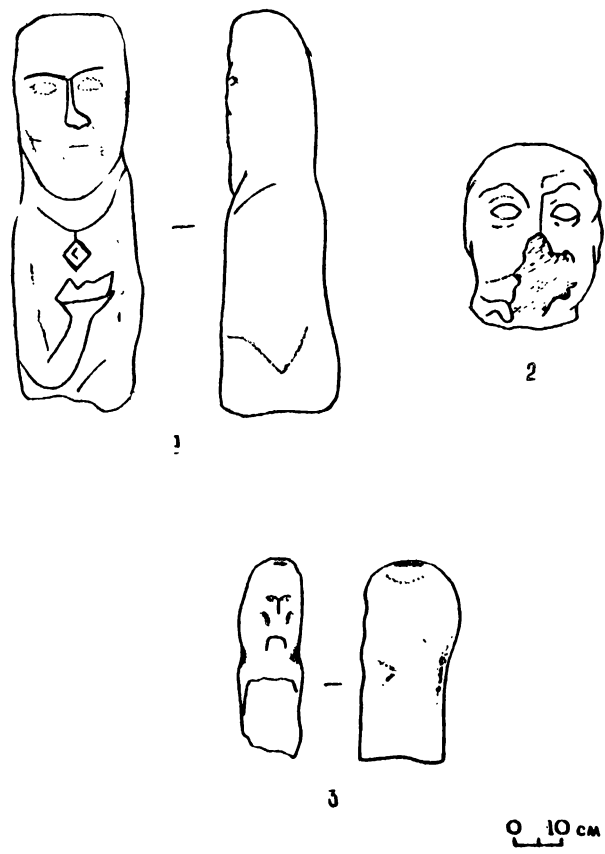

Рис.1. Каменные изваяния.
1- урочище Ак-Мустафа, 2 - мог.Мыржи,
3- мог.Атасу.

отесана.

Изваяние 2 (рис. I-2). Сильно поврежденная голова скульптуры найдена среди камней насыпи поздней казахской могилы, расположенной в южной части могильника Мыржик*.

Розовый крупнозернистый гранит размером 0,35х 0,28х 0,18м. Изображен мужчина-монголоид. Черты лица выполнены барельефом, голова моделирована объемно. Брови соединены с носом. Крупные, широко раскрытые (показаны веки) глаза миндалевидной формы. Нос почти до корня сбит. Видимо, разрушены усы с бородкой, следы которых заметны на правой стороне лица. Сохранились элементы прически: волосы на лбу разделены посредине пробором. Тыльная часть головы сколота. Уши выполнены рельефно. В правом различима серьга с шаровидной (каплевидной?) подвеской. Сохранившийся фрагмент скульптуры свидетельствует о тщательном ее изготовлении.

Несмотря на плохую сохранность изваяний можно уверенно отнести к древнетюркской скульптуре VI-VIII вв. Изваяние I - на основании композиции (изображение человека с сосудом в одной руке). Кроме того, аналогичные ромбические украшения встречаются на статуях VI-VIII вв. [I, табл. II, 9; 2, с. 154, рис. 2]. Изваяние 2 - по ряду признаков, составляющих стилевую особенность древнетюркской культуры семиреченско-казахстанского региона: на изваянии показаны прическа, серьги, как правило не встречающиеся на предельно усложненных статуях позднего времени. Изображение крупных глаз на монголидном лице также отличительная черта семиреченско-казахстанских древнетюркских изваяний.

Изваяние 3 (рис. I-3) обнаружено лежащим на поверхности беспорядочного напластования разновременных сооружений около

* Найдено А.С. Загородним в 4 км к ЮОЗ от изваяния I. В настоящее время находится в помещении Центрального Совета Общества охраны памятников истории и культуры КазССР.

кургана с "усами" №2 в северо-западной части могильника Атасу*.

Обломано. Гранит размером 0,41х 0,13х 0,19 м. Изображение головы мужчины-монголоида. Голова выделена в блоке неглубокой выемкой спереди. Туловищная часть несколько выдается вперед. Брови, показанные совместно с носом, отвислые усы, сливающиеся с изображением губ, монголоидные скулы выполнены в стиле барельефа. Глаза не прорисованы, они замечены углублениями под бровями. Перечисленные приемы создают в совокупности впечатление объема. Изваяние обработано в области лица, на боковых гранях заметны следы подтечки, на макушке имеется скол-выемка.

Данное изваяние, несомненно, относится к кругу средневековой кочевнической скульптуры. Об этом свидетельствует, например, прием слитного изображения носа и бровей. Н.А.Шер указывал на тюркскую природу этого приема [1, с.67], однако изваяние сложно соотнести с конкретным периодом бытования скульптуры средневековых кочевников. Композиция изваяния не может быть классификационным признаком [3, с.45-46], поскольку погрудные скульптуры на территории Казахстана ставились как при оградках, так и при позахних сопровождающих сооружениях-курганах.

В верховьях р. Атасу раскопано ритуальное сооружение с тремя столбами, две из которых имеют антропоморфные черты (рис.2-1). Сооружение было возведено на юго-восточном склоне сопки в 1 км к западу от места находки изваяния 1 и представляло собой незадернованный каменный курган высотой 0,76 м овальной в плане формы. Размеры курганной насыпи с севера на юг - 8, с запада на восток - 7 м. С восточной стороны кургана по линии ССВ-ЮВ располагались 3 грубо обработанные столбы, сильно наклонен-

* Найдено М.С.Нуркабеевым в 5,5 км на ЮВ от изваяния 1. Хранится в музее КЭГУ.

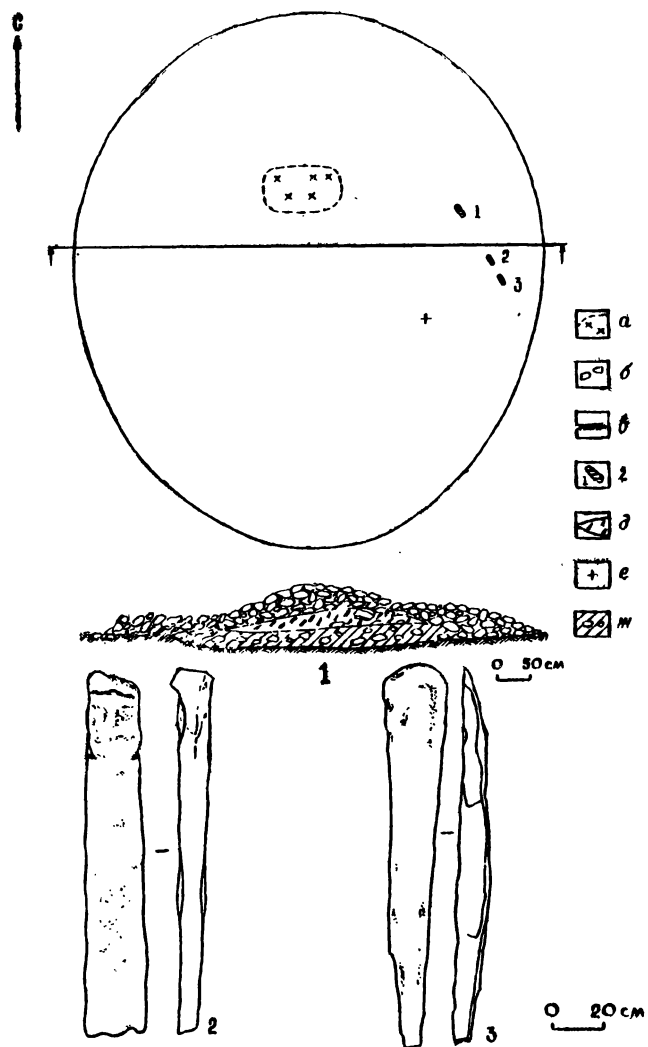

Рис.2. План и разрез ритуального сооружения (I),
 Каменные стелы (2,3):
 а-контуры золистого пятна; б-камни; в-мя-
 терик; г-стелы; д-линия щебенки; е-уголек,
 ж-земля, камни.

ние к востоку под давлением оползших камней насыпи. Для изготовления стел и в сооружении использован розовый гранит.

В структуре насыпи различаются 3 слоя: первоначально на специально выровненную и немного углубленную в центре площадку был уложен слой колотого камня в смеси с землей мощностью до 35 см. На него опиралась щебневая линза диаметром 3 м, толщиной до 30 см. На этой основе была надстроена куполообразная конструкция из крупных колотых камней. Вероятно, в начале диаметр сооружения был близок диаметру щебневой прослойки, а высота его значительно превосходила современную. Под насыпью на уровне древней поверхности в южной половине сооружения найден уголек, в северной зафиксировано золистое пятно.

Стела I (рис.2-2). Размеры 1,40x 0,25x 0,15 м. На широкой плоскости, обращенной к востоку двумя зарубками с боков, намечена граница лицевого отдела. Его неровная поверхность ограничена сверху нависающим выступом.

Стела 2. Уакий каменный блок размерами 0,80x 0,10x 0,10 м.

Стела 3 (рис.2-3). Размеры 1,52x 0,25x 0,13 м. Анифас расширяется снизу вверх. Верх округлен. В профиле кверху сужается, заостряясь в высшей точке. Широкой стороной стела ориентирована на восток. Сооружение тяготеет к так называемым кимако-кипчакским культовым памятникам, выделенным на материале Восточного Казахстана А.А.Чариковым. В отличие от древнетюркских кимако-кипчакские изваяния воздвигались около ритуальных курганов, нередко не в единственном числе [2, с.160; 4, с.231]. Антропоморфные стелы данного памятника свидетельствуют об эволюции скульптуры в стелу.

Таким образом, обнаруженные в верховьях р.Атасу изваяния, представляют основные периоды бытования семиреченско-казахстан-

ской средневековой скульптуры - древнетюркский и так называемый кимако-кипчацкий.

1. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М.-Л.: Наука, 1966.
2. Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. - 1976. - №4.
3. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1984.
4. Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. - 1974. - №3.

С.У.Жауымбаев

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНИХ РУДНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В результате проведенных в последнее время археологических исследований в Центральном Казахстане выявлено более сорока древних рудников. Они расположены по трем рудным поясам: Жезказганскому, Прибалхашскому и Успенско-Спасскому [1, с.3-30; 2, с.113-121; 4, с.3-20]. Однако вопросы хронологии их остаются до сих пор нерешенными.

В данной работе на основании имеющихся материалов делается попытка определить хронологию древних рудников Центрального Казахстана.

Один из памятников горного дела - Сарыбулакский рудник Успенско-Спасской зоны, расположенный в 20 км к западу от поселения эпохи бронзы Атасу I в Агадырском районе Жезказганской области [2, с.114-115]. На Сарыбулакском месторождении меди нами обследовано шесть выработок разного размера и глубины. На границе между карьером № 4 и отвалом на глубине 30-35 м обнаружен 21 фрагмент керамики ручной лепки от сосудов баночной формы [2, с.115, рис.1, 1,4,5,8]. Керамика орнаментирована канелюрами и косыми насечками. Данные элементы орнамента посуды встречают аналогии в керамике 2 группы раннего горизонта поселения Атасу I, датированного третьей четвертью II тыс. до н.э. [4, с.12; 6, с.138].

Рудник Алтын-Тюбе расположен на правом берегу р.Алтын-Су (левый приток р.Нуры) у подножья одноименной горы в Ульяновском районе Карагандинской области [2, с.117, рис.2]. Здесь зафиксированы и исследованы 24 древние выработки [2, с.117,

табл.2]. С отвалов карьеров № I,2 собраны фрагменты керамики [2, с.116, рис.1]. По орнаментации и составу теста керамика делится на две группы: тонкостенные сосуды, орнаментированные равнобедренными заштрихованными треугольниками, горизонтальными зигзагами и меандрами, выполненными гребенчатым штампом, и толстостенные неорнаментированные. Коллекция керамики находит аналогии в материалах поселений и могильников развитой и поздней бронзы Центрального Казахстана [7, с.71] и может быть датирована второй половиной II тыс. до н.э. [2, с.119].

В юго-западной части Успенско-Спасской зоны находятся рудники Кенказган и Ефимовский, расположенные в Северной Бетпақдале в Жана-Арқинском районе Джезказганской области на расстоянии 3 км друг от друга [2, с.114]. Они относятся к эпохе бронзы. Об этом свидетельствуют 5 фрагментов керамики, собранные геологом Д.Х.Хайрутдиновым. Керамика орнаментирована резным меандром и отрезками гребенчатой линии. Судя по аналогиям [7, с.278-279, табл.58; 5, с.326-327], сосуды могут быть датированы эпохой развитой бронзы.

Рудник Тесик-Тас расположен [II, с.85, рис.1] в районе массива Саякских гор в северо-восточном Прибалхашье. На этом месторождении обнаружены куски шлака, фрагменты керамики. В западной части в 3 км от борта карьера №2 на глубине 35-40 см — каменные молотки и клинья, изготовленные из порфирита [II, рис.2]. Судя по полученным сведениям, керамика напоминает посуду поздней бронзы: толстостенная, орнаментирована прочерченной елочкой и наlepными валиками по шейке. Вероятная датировка рудника Тесик-Тас — эпоха поздней бронзы.

В Центральном Казахстане сохранился ряд выработок эпохи раннего железа. К ним относят выработки Восточно-Карнарлийс-

кого района, в частности Кентюбе, Кенказган, Кара-Шошак, Темирчи, Кызыл-Эспе, Акчагыл; Баян-Аульского - Мурзашоки, Сары-тюбе, У катын [1, с.14-15; 9, с.18].

В древних карьерах Джезказгана найдены бытовые предметы, характерные для раннего средневековья. В их числе глиняные светильники, сосуды, сделанные на гончарном круге [1, с.13]. На открытых карьерах и в штольнях Степняка, Айнакуля, Алабуги встречены глиняные и бронзовые светильники, орудия из бронзы и железа, истлевшие остатки деревянных корыт, а также обрывки кожаного мешка [8, с.37].

Во втором культурном слое Милыкудука вместе с керамикой, сделанной на гончарном круге, найдено большое количество каменных орудий, обломки железных инструментов [3, с.27-29, рис.9, 10]. Аналогичные находки были сделаны на рудниках Кресто-Центр, Петро, Златоуст и др. Собранный материал свидетельствует о том, что в период раннего железа и средневековья, наряду с медной, добывали и железную руду [3, с.30].

При хронологической оценке древних медных рудников Центрального Казахстана следует учесть, что различные типы горных выработок (карьеры, штольни, шахты) не могут иметь определяющего значения, так как следы более ранней добычи бывают уничтожены последующей эксплуатацией рудников. Однако при этом необходимо заметить, что открытые выработки типа карьеров, вероятно, древнее, чем штольни и шахты, так как древние рудокопы добывали в первую очередь поверхностные руды [12, с.97-98; 13, с.57].

По размерам древние выработки подразделяются на 4 группы: маленькие (I группа) относятся преимущественно к эпохе бронзы, средние (II группа) - к раннему железному веку, большие и очень большие (III и IV группы) - средневековью.

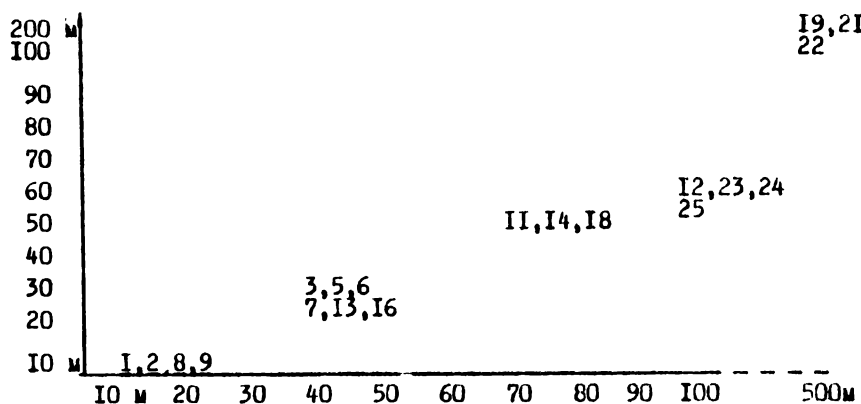

Таблица I. Распределение рудников по размерам

1. Сары-Булак	9. Босога	17. Коунрад
2. Алмалы-Акбшик	10. Огызтау	18. Гульшад
3. Сары-Адыр	11. Малдыбай	19. Кенказган
4. Джетым-Шока	12. Саяк I-У	20. Джебказган
5. Кузде-Адыр	13. Тастау	21. Кресто-Центр
6. Акбюрат-Адыр	14. Берккара	22. Петро
7. Бес-Шоки	15. Джамбас	23. Златоуст
8. Алтын-Тюбе	16. Тесик-Тао	24. Спасский
		25. Никольский

Для характеристики горных работ определенный интерес представляет инструментарий рудокопов. Непосредственно на местах разработок эпохи бронзы и раннего железа была собрана коллекция примитивных каменных молотов и кайл весом от 3 до 10 кг и более [3, с. 26, 4, с. 10]. Однако, по мнению С.С. Черникова, "... Каменные орудия горного дела не имеют столь четких и характерных форм, как соответствующие им по времени бронзовые, не могут быть с ними сопоставлены и поэтому не могут служить материалом для точной датировки" [14, с. 46]. Между тем следует заметить, что каменные орудия существовали в горном деле

вместе с медными и бронзовыми инструментами вплоть до появления железных орудий.

Таким образом, известные в настоящее время древние рудники Центрального Казахстана относятся к трем эпохам – бронзы, раннего железа и средневековья. Для эпохи бронзы характерны закопшки и небольшие открытые карьеры. В раннем железном веке преобладают открытые карьеры средних размеров (60х30 м) и появляются штольни и шахты. В средневековье наряду с большими открытыми карьерами (Джезказган, Кенгазган), шахтами, штольнями существуют подземные выработки типа камер (Кресто-Центр, Петро).

Дальнейшая работа в этом направлении позволит конкретизировать хронологию древних выработок Центрального Казахстана.

1. Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972.
2. Жауымбаев С.У. Древние медные рудники Центрального Казахстана // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд.БГУ, 1984.
3. Маргулан А.Х. Джезказган – древний металлургический центр // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972.
4. Жауымбаев С.У. Древняя металлургия и горное дело Центрального Казахстана: Дис... канд.ист.наук. – Кемерово: КемГУ, 1984.
5. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979.
6. Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд.БГУ, 1983.
7. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966.
8. Чудинов Б.И. Древние горные работы на месте современных рудников треста "Каззолото" // Советская золотопромышленность. 1936. – №10.
9. Романовский Г.Д. Краткий очерк геологического исследования в восточной части Киргизской степи. – СПб., 1903.

10. Алексеев В.А., Кузнецова Э.Ф. Кенкааган - древний медный рудник в Центральном Казахстане // СА. - 1983. - №2.
11. Хайрутдинов Д.Х. О следах древнего горного промысла в Северном Прибалхашье// Вест. АН КазССР, - 1955. - №8.
12. Вуряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. - М.: Наука, 1974.
13. Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве. - М.: Наука, 1969.
14. Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. - Алма-Ата: Наука, 1949.

В.Г.Ломан

ДОНГАЛЬСКИЙ ТИП КЕРАМИКИ

В 1982-1983 гг. отрядом археологической экспедиции Карагандинского государственного университета были проведены раскопки на поселении Донгал, находящемся в Талдинском районе Карагандинской области [1, с.453; 2, с.508; 3, с.56-58].

Настоящая работа посвящена характеристике керамического комплекса поселения, который насчитывает несколько тысяч фрагментов от более чем 300 сосудов (подсчет проводился по фрагментам с венчиками).

Поскольку большая часть сосудов представлена незначительными по величине фрагментами, то говорить о какой-либо статистике форм пока не приходится. Преобладают сосуды горшковидной формы с раздутым туловом и четко выраженной в большинстве случаев шейкой, разделяемые визуально на следующие типы:

1 - с высокой, прямой, вертикальной или отогнутой шейкой (рис.1-1,3; 5-1,2,3,4; 6-1,2; 7-4,6);

2 - с высокой прямой шейкой, переходящей в слабо раздутое тулово (рис.4-1; 7-3,7);

3 - с высокой дугообразной шейкой (рис.3-4; 4-2,3,4);

4 - со средней высоты шейкой, плавно переходящей к тулову (рис.6-3; 7-1);

5 - с короткой прямой шейкой, соединяющейся с туловом под прямым углом (рис.2-6; 3-2).

В незначительном количестве (2,1 %) в керамическом комплексе поселения встречаются и банкивидные сосуды (рис.4-6; 8-5).

Венчики сосудов-округлые (63,8 %), уплощенные (29,2 %) и заостренные (7 %). Среди них можно выделить венчики с бортика-

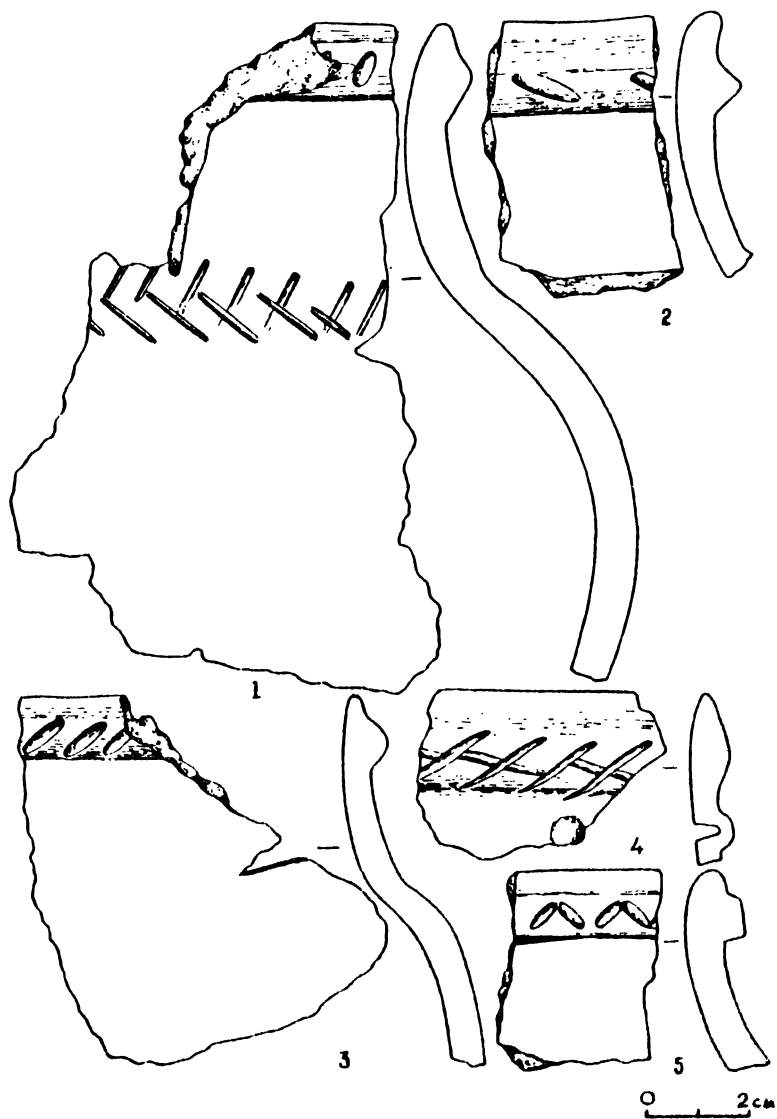

Рис.1. Керамика поселения Донгга

ми (рис.3-5,6), утолщенные венчики (рис.3-4) и венчики, имеющие плавный скос во внутрь сосуда (рис.3-2; 4-1; 7-1). Ряд сосудов (8,5 %) имеет воротничок (рис.3-1; 5-2,3; 7-6).

В орнаментировании сосудов использовался набор элементов, обычный для валяковой керамики поздней бронзы, - наклонные отрезки (21,6 %), сетка (10,1 %), горизонтальные линии (7,8 %), "елочка" (4,5 %), ряды разнообразных вдавлений (11,2 %), зигзаги (3,4 %), треугольники (1,5 %). Из более редких назовем зацепы (рис.5-3), орнамент, имитирующий плетение (рис.1-4; 7-5). Широко применялся рельефный декор-"жемчужины", наlepные и вдавленные изнутри (6,3 %), шишковидные ладепы, валики (21,6 %). Оригинальны наlepные украшения в виде косо поставленных отрезков валика, встреченные на двух сосудах - по шейке одного (рис.5-1) и по плечу другого (рис.5-2). Валики в основном наlepные, имеются на 17,3 % сосудов. На двух сосудах валики были со связующими "усами", 84,5 % валиков орнаментировано наклонными отрезками (49,1 %), сеткой (22,4 %), пальцевыми вдавлениями (8,2 %), зигзагом (8,2 %) и др. В подавляющем большинстве (70,6 %) валики располагаются под самым венчиком сосудов; на середине шейки - 26 %, меньше всего их в основании шейки (3,4%). Один из сосудов имеет два валика - под венчиком и в основании шейки. На небольшой части (3,7 %) сосудов орнамент располагается на плечике. В четырех случаях украшался венчик, под которым мы понимаем верхний обрeз устья сосуда (рис.3-3,8). Перечисленные элементы орнамента кроме того, что выступали как единственное украшение, могли объединяться в различные композиции, которых на донгальской керамике насчитано более 30. При этом еще не учитывались орнаментированные валики, также являющиеся композициями из двух элементов.

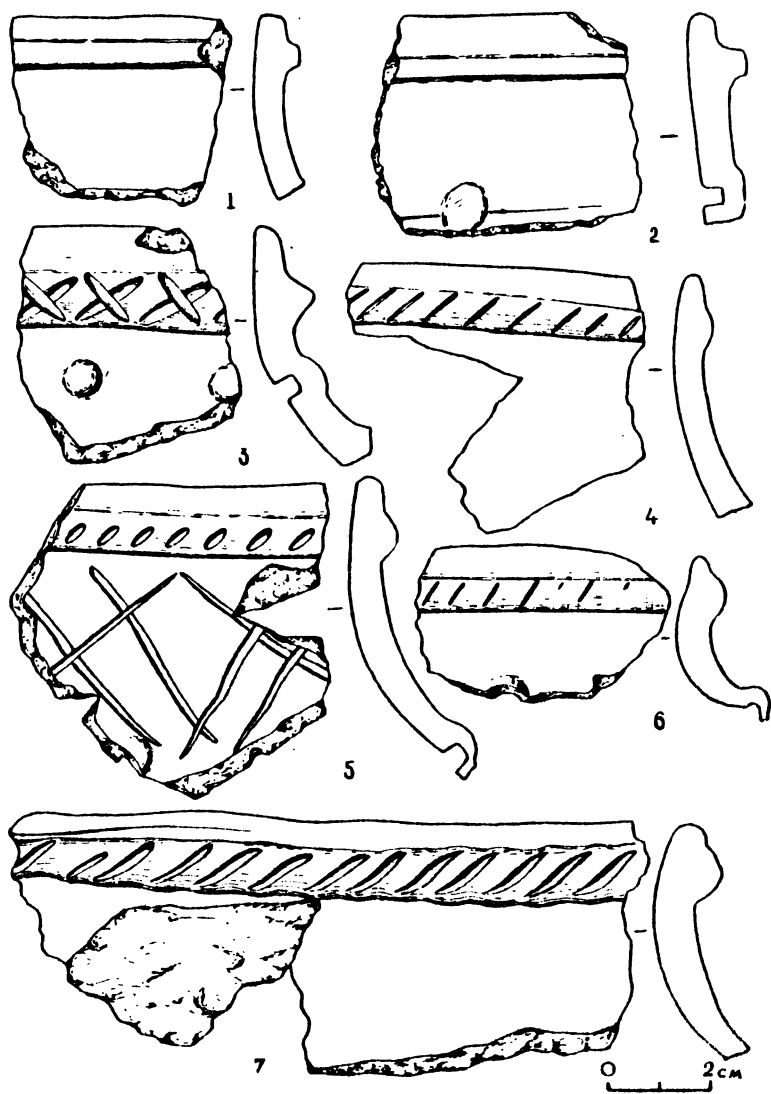

Рис.2. Керамнка поселения Донгад

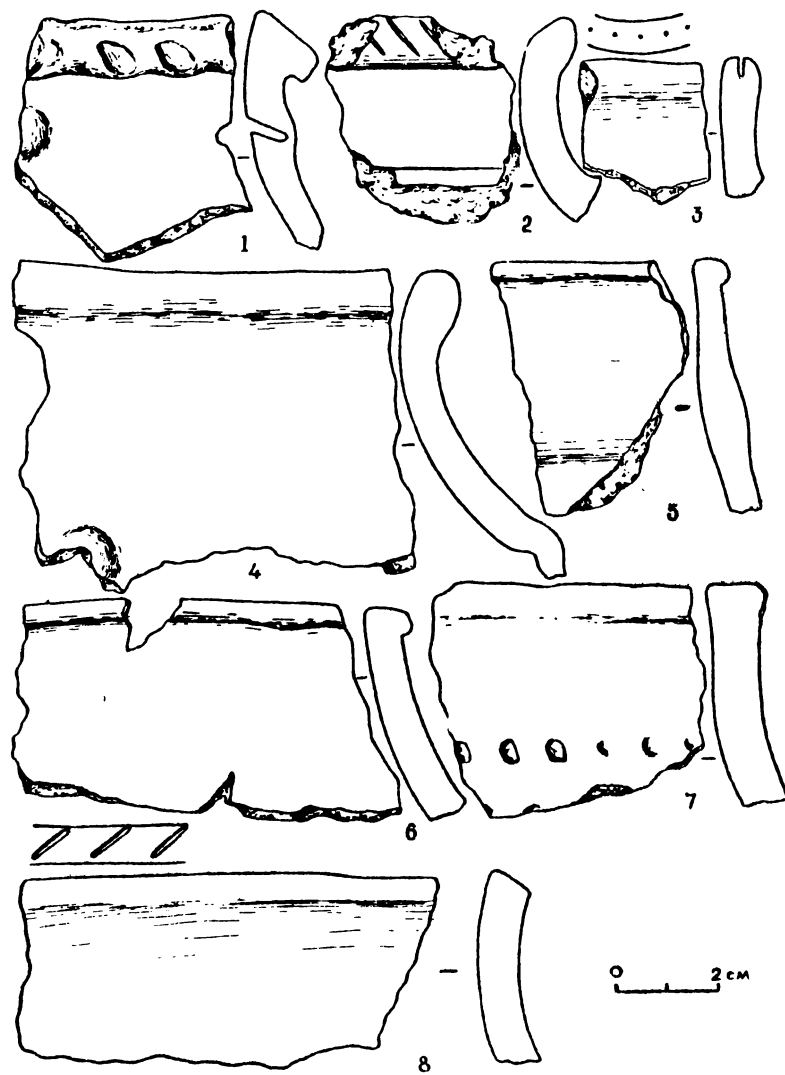

Рис.3. Керамика поселения Донгал

Основной прием, которым выполнялся орнамент, — нарезка (25,5 %), часто использовался также гладкий штамп (21,1 %). Остальные технические приемы-вдавления: концом палочки, трубочкой, пальцем, ногтем и т.д. (16,3 %), налп (13,7 %), оттягивание (только для валиков, 8,9 %), гребенчатый штамп (6,3%), выдавливание (для "жемчужин", 5,9 %). По одному разу встречены зацеп пальцами и отпечатки веревочки.

Донгальская керамика имеет определенное сходство с керамикой саргаринской (по С.Я.Зданович) или алексеевской (по Т.М.Потемкиной) культуры, которую в дальнейшем, по предложению [4, с.17] будем именовать алексеевско-саргаринской. Сходство это проявляется прежде всего в элементах орнамента и технике его нанесения, а также в применении в ряде случаев одних и тех же орнаментальных композиций [5, с.79-97]. Некоторые сосуды почти не отличимы от алексеевско-саргаринских (рис.7). Однако существуют и немаловажные особенности в керамике, не позволяющие отнести поселение Донгад к алексеевско-саргаринским памятникам:

- размещение валика в подавляющем большинстве случаев под самым венчиком сосуда, в 0,4-0,5 см, иногда в 1 см от него, тогда как алексеевско-саргаринские валики чаще помещались в основании шейки [5, с.93];

- наличие узких, прямоугольных в разрезе (рис.1-5; 2-1,2) или остроредерных валиков (рис.1-2; 2-3; 6-1, 2,3);

- украшение сосудов налпными, косо поставленными отрезками валика;

- 40 % всех вдавлений сделаны ногтем (рис.4-5) или пальцем, самыми различными способами: округлые отпечатки подушечки пальца, скользящие вдавления кончиком пальца с отпечатком ногтя (рис.5-2), вдавления "арочной" формы, сделанные с ма-

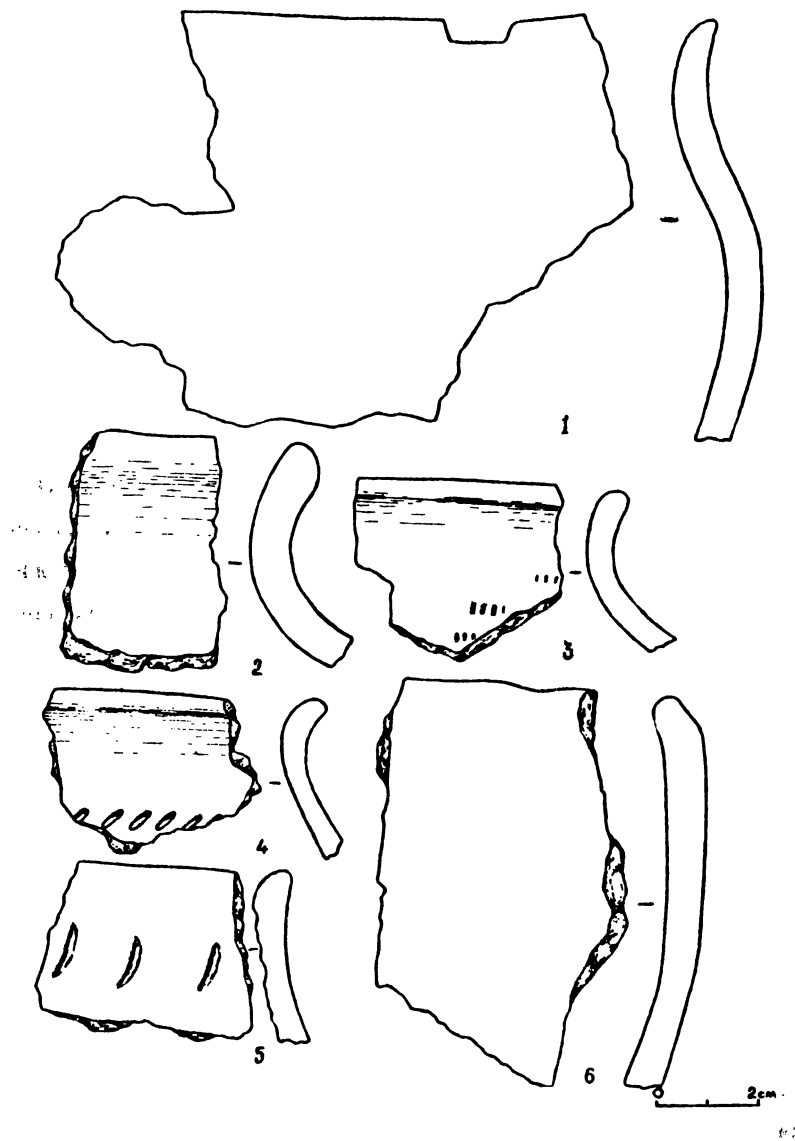

Рис.4. Керамика поселения Донгал

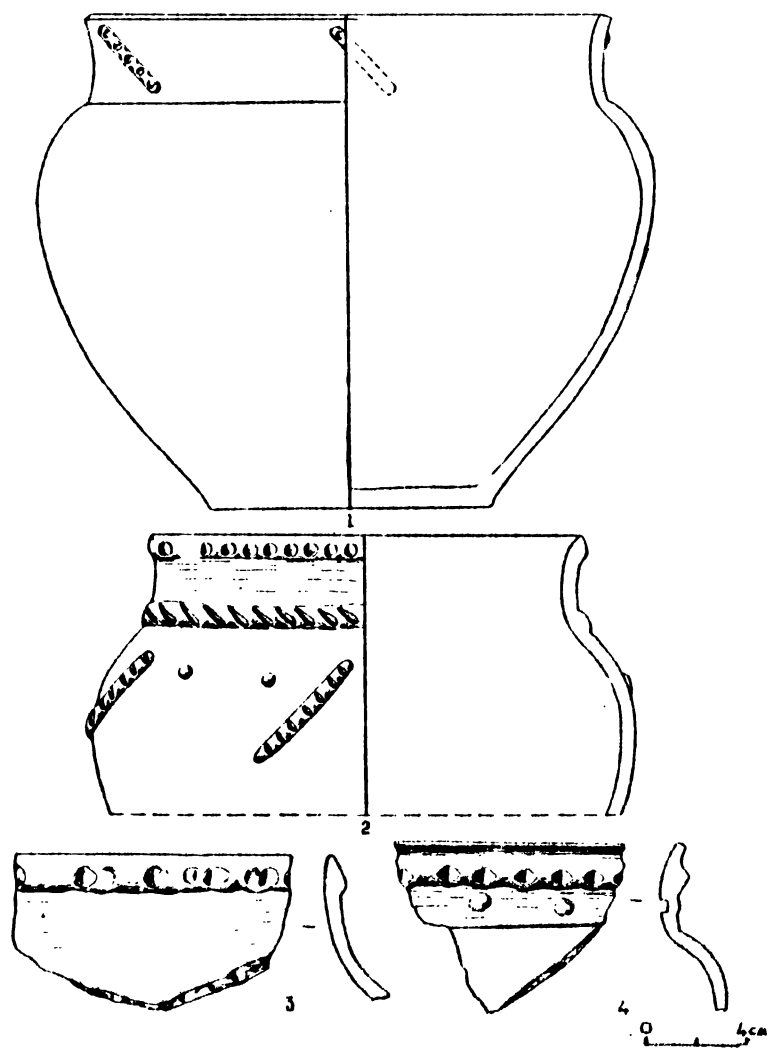

Рис.5. Керамика поселения Доугал

жимом в верхней части (рис.8-4);

- размещение орнамента главным образом по шейке сосуда. Особенностью же алексеевско-саргаринской керамики "являются свободная от орнамента шейка и преимущественное нанесение рисунка по плечу сосуда" [5, с.87];

- наличие у части сосудов венчиков с бортиками.

Эти особенности, на наш взгляд, выходят за рамки простого локального варианта алексеевско-саргаринской культуры, чьи памятники на данной территории почти не отличаются от северо-казахстанских [6, с.3-20; 7, с.20-41] и характеризуют особый тип керамики, который мы предлагаем назвать **д о н г а л ь с к и м**.

Поразительное сходство почти по всем отмеченным признакам наблюдается с керамикой типа поселения Обиточная I2, которую выделила в Приазовье и Северо-Западном Причерноморье О.А.Кривцова-Гракова, датировав ее V в. до н.э. [8, с.151-154; рис.37]. Исходя из своей периодизации, она указывает на то, что обиточненская керамика более близка сабатиновской, отмечая вместе с тем почти полное отсутствие в ней чистых сабатиновских форм [8, с.154]. Впоследствии обиточненские памятники и вовсе были включены в состав сабатиновских [9, с.88; 10, с.102; 11, с.11; 12, с.5]. Часть археологов теперь, после пересмотра периодизации О.А.Кривцовой-Граковой, даже относит поселение Обиточная I2 и ем. подобные к предсабатиновскому времени, то есть в основном к XV-XIV вв. до н.э. [13, с.38-39, 48-49; 14, с.156; 15, с.281-282]. Обиточненская керамика связывается с сабатиновской главным образом из-за высоко расположенного валика. Однако, если основную массу сабатиновской посуды составляют бановые формы [16, с.79], то, например, на поселении Обиточная I2 большинство принадлежит горшкам [8, с.152]. Б.Н.Граков и О.А.Кривцова-Гракова основной упор делали на отличия обиточненской керамики от сабатинов-

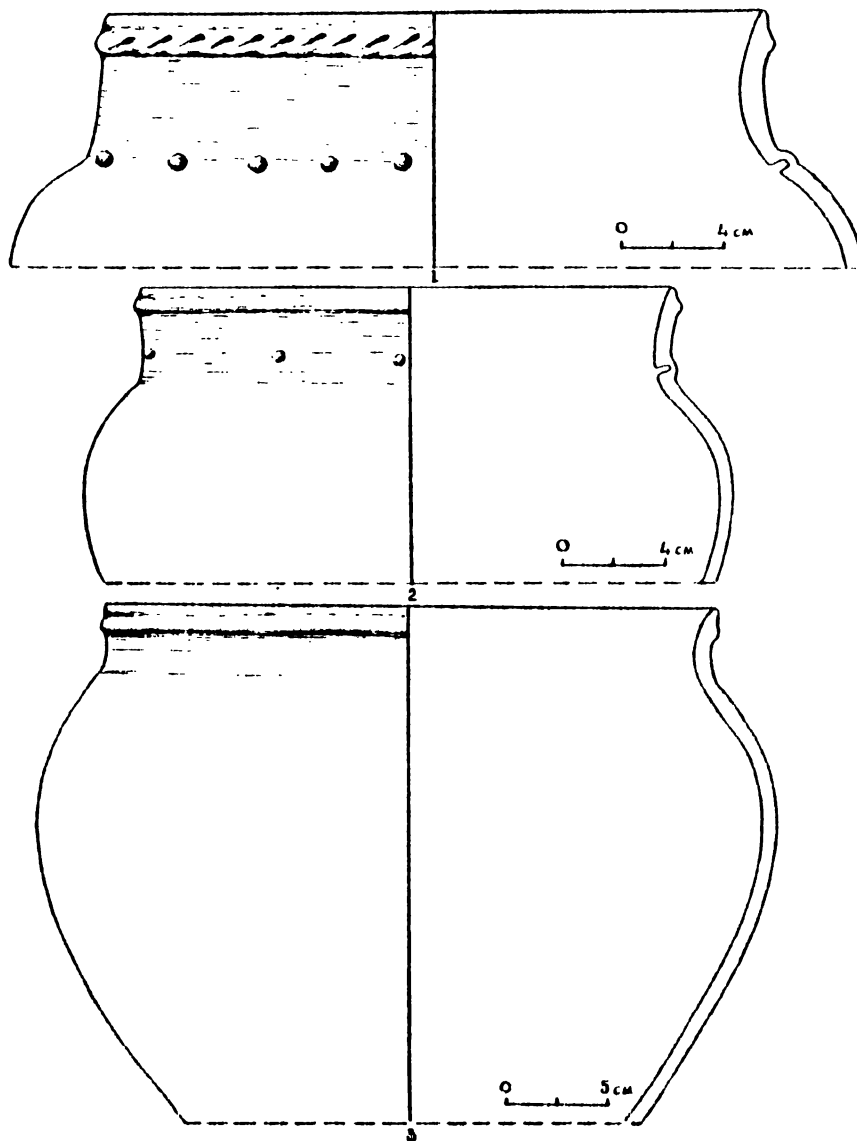

Рис.6. Керамика поселения Донгал

ской, выделяя в ней черты, получившие развитие в скифской посуде [17, с.167; 8, с.151-154]. Своеобразие обиточненского типа, хотя и в рамках сабатиновской керамики, отмечается и современными исследователями [10, с.102]. Что же касается высоко расположенного валика, то он встречается не только на сабатиновской, но и на окифской лепной керамике [18, с.37; 19, с.162; рис.1-3], в том числе и с поселения Широкая Балка, которое привлекала О.А.Кривцова-Гракова для датировки Обиточной I2 [20, табл.1].

Как нам представляется, керамика типа обиточненской относится все же к предскифской эпохе. В своем мнении мы опираемся на материалы памятников, раскопанных в последнее время экспедицией Карагандинского государственного университета. Керамика поселения Донгал, как было указано выше, имеет немалое сходство с обиточненской. Не вдаваясь здесь в причины этого подобия, отметим лишь, что оно, на наш взгляд, свидетельствует прежде всего о близости во времени.

Керамический комплекс поселения Донгал содержит фрагменты сосудов с орнаментальными композициями (рис.8-2,3,4), свойственными ирменской керамике [21, с.40, прил.рис.87-7], IX-УШ(УП) вв. до н.э. [21, с.75-76; 22, с.180]. При нанесении на сосуды одной из таких композиций (рис.8-4) на поселении Донгал использовались пальцевые вдавления "арочной" формы, подобные которым отмечал Б.Н.Граков на скифской посуде [17, с.77]. Сосуды, украшенные наклонными валиками, имеются также в комплексах предскифского времени [23, с.185 и сл.24, с.59, рис.25-3]. Усматривается некоторое сходство донгальского типа с нурской керамикой Нижнего Поволжья, отнесенной к периоду, переходному от поздней бронзы к раннему железному веку [25, с.121; рис.15,16]. Более близкие по территории аналогии того же времени происходят с по-

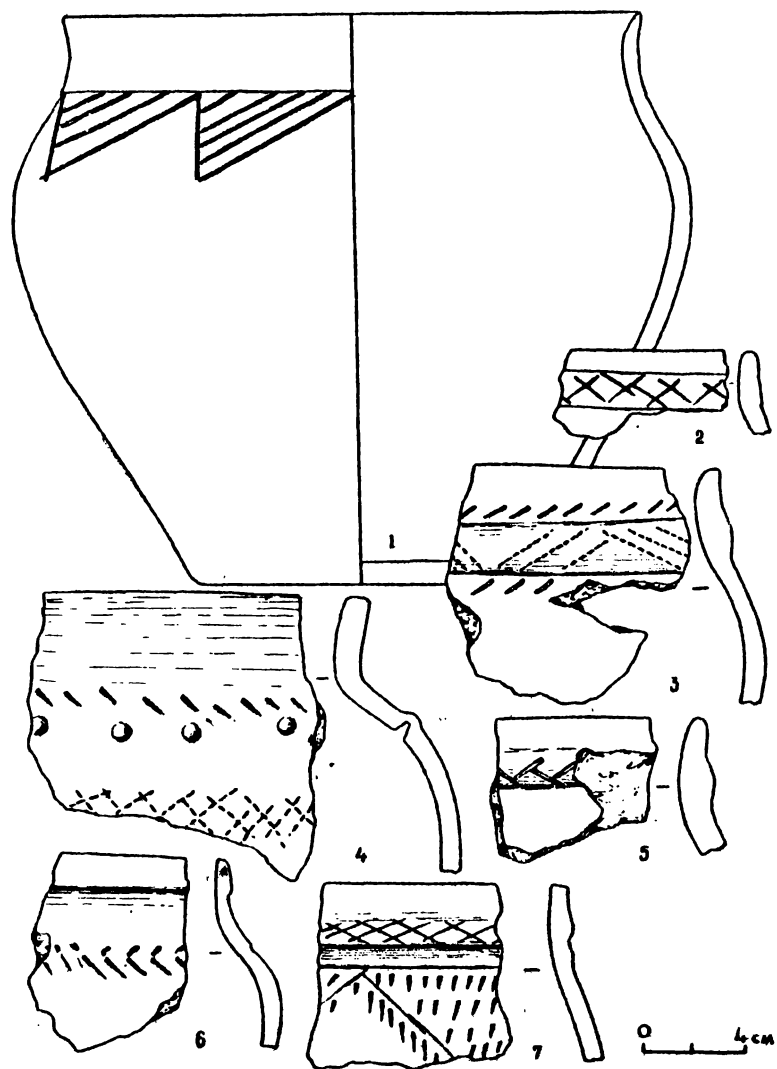

Рис.7. Керамика поселения Догад

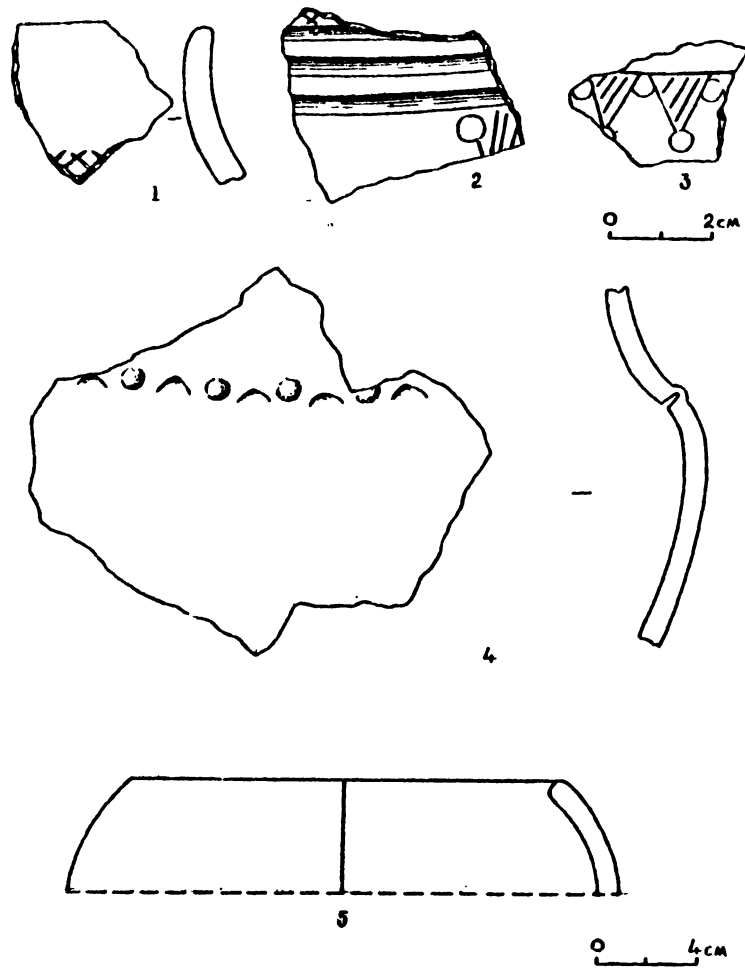

Рис.8. Керамика поселения Дюггаж

селения Тагибай-Булак, находящегося в Павлодарской области [26, с.231,391-392;рис.174]. Кроме того, фрагменты с признаками донгальского типа встречались при раскопках восточно-казахстанских поселений трушниковского этапа, выделенного С.С.Черниковым и датированного им IX-УШ, а, возможно, и УП вв.до н.э. [27,с.102-103, табл.XXX-7,10].

Донгальский тип керамики имеет явную связь с алексеевско-саргаринской культурой, которая датируется ее исследователями X-УШ вв. до н.э.[28,с.16] или XII-IX вв. до н.э.[4, с.232], однако время его существования - более позднее. Этот вывод имеет своим основанием не только перечисленные аналогии, но и результаты раскопок экспедиции Карагандинского университета в 1986 г., когда на поселении Кент (неподалеку от пос.Донгал) были исследованы два жилища, давшие чистый донгальский керамический комплекс и прорезавшие алексеевско-саргаринский зольник [29].

Таким образом, дата для донгальского типа керамики устанавливается в пределах УШ в. до н.э. (может быть, и позже). Возможно, что памятники с керамикой обиточненского типа на западе и донгальского - на востоке (с нурским типом между ними) очерчивают границы общности культур времени, переходного от поздней бронзы к раннему железному веку. Не исключена и более тесная связь между донгальскими и обиточненскими памятниками.

1. Евдокимов В.В. Работы Талдинского отряда// АО,1982.-М.,1984.
2. Евдокимов В.В. Исследования в Карагандинской области// АО, 1983. - М., 1985.
3. Ломан В.Г. Новое поселение эпохи поздней бронзы в горах Кент// Тез.докл.научн.конф.молод.учен.ум-та;Караганда: Изд.КарГУ,1984.
- 4.Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. - М.: Наука, 1985.
5. Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры// Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд.БГУ, 1984. - С.79-97.
6. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай// Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана.-Караганда: Изд.КарГУ, 1982.

7. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копя I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана.-Караганда:Изд. КарГУ, 1982.
8. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. - 1955. - №46.
9. Погрёбова Н.Н. Пересадовское поселение на Ингуле // СА.-1960.- №4.
10. Дворниченко В.В. Памятники эпохи поздней бронзы-Обиточная 20 // КСИА.- 1969.- Вып.115.
11. Тереножкин А.И. К истории изучения предскифского периода // Скифские древности.-Киев: Наук.думка, 1973.
12. Лесков А.М. Предскифский период на юге Украины: Дис....докт. ист.наук. - М., 1975.
13. Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ.- 1974, вып.16.
14. Шарафутдинов И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. - Киев: Наук.думка, 1982.
15. Колотухин В.А. Многослойное поселение в юго-восточном Крыму // СА.-1983.-№1.
16. Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА.-1971. - №177.
17. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА.-1954.- №36.
18. Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // МИА.-1958. - №64.
19. Марченко К.К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины V в. до н.э. // Художественная культура и археология античного мира.- М.: Наука, 1976.
20. Яценко И.В. Скифия V в. до н.э. // ТрИИМ.-1959, вып.36.
21. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: Ч4. Еловско-ирменская культура / Из истории Сибири.-Томск:Изд.ТГУ, //1974, вып.12.
22. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири.-М.: Наука, 1981.
23. Крис Х.И. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашума близ Бахчисарая // СА.-1955.-XXIV.
24. Тереножкин А.И. Киммерийцы.-Киев: Наук.думка, 1976.
25. Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья.-Куйбышев: Изд.КуйБГУ, 1976.
26. Маргулан А.Х. Бегазы-данлыбаевская культура Центрального Казахстана.-Алма-Ата:Наука, 1979.
27. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА.- 1960. - №88.
28. Зданович С.Я. Саргаринская культура - заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Дис....канд.ист.наук.- М., 1979.
29. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент. - См. наст. сборник.- С.56.

С о д е р ж а н и е

ВОЛОШИН В.С. Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана.	3
ЛОГВИН В.Н. О времени и путях оледенения энеолита в степях Казахстана.	13
ТКАЧЕВ А.А. Периодизация и хронология Адакульских памятников Центрального Казахстана	25
ЧИНДИН А.Ю. Относительная хронология могильников эпохи развитой бронзы Центрального Казахстана	36
УСМАНОВА Э.Р. К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки	43
РУДКОВСКИЙ И.В. Андроновский орнамент как система. . . .	48
ВАРФОЛОМЕЕВ В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент.	56
ЕВДОКИМОВ В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболя.	68
НОВОЖЕНОВ В.А. О датировке наскальных изображений Сары-Арки.	79
КАРАБАСПАКОВА К.М. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана.	90
ЕРМОЛЕНКО Л.Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу.	112
ЖАУЫМБАЕВ С.У. Хронология древних рудников Центрального Казахстана.	109
ЛОМАН В.Г. Донгальский тип керамики.	115

Св. план, 1987, поз. 22

**ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА**

Редактор Х.Г. Омарова

Художник И.В. Рудковский

УЛ 02305. Подписано в печать 12.V-1987 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага писчая. №1 Печ.л.8,0.

Цена .80 коп.

ППО „Офсет“, филиал КартУ. Зак.№ 5366. Т. 300 экз.

Цена 80 коп.